

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика

2020

Том 20

Выпуск 4

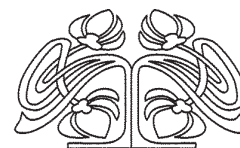
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2020 Том 20
ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Екшибарова О. В.** Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского 354
- Захарова Е. Ю.** Искусство быть человеком: необходимость антропологических практик 359
- Курохтина С. Р.** Визуальное пространство города: семиотический подход 364
- Листвина Е. В., Фролова С. М.** Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху 369
- Матвеев А. А.** Евразийская миграция: механизмы и принципы глобальной миграциосферы 374
- Михель Д. В., Михель И. В.** Наследницы Ганди: от лесной сатьяграхи к Чипко 379
- Пилото Родригес Х. А.** Коммуникационные процессы в социальных системах сквозь призму Парадигмы сложности 385
- Рождков В. П.** Конец истории: факторы и методологические параметры концептуализации идеи 389
- Романовская Е. В.** Из истории нигилизма в России: «Вехи» и Франк 394
- Тетюев Л. И., Владимиров П. А.** Нравственная проблематика в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России 398
- Шаров М. В.** Системный подход в отечественной системологии: транзитивность философского смысла и значения 403

Психология

- Белых Т. В.** Взаимосвязь когнитивных характеристик личности и дезадаптивных поведенческих установок в структуре индивидуальности у студентов 407
- Мещеряков Д. А.** Ценностные факторы склонности к риску у курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации 414
- Нелюбова Я. К., Гришанова О. С.** Социально-психологические аспекты профилактики школьного буллинга в условиях цифровой среды 422
- Орлова М. М.** Зависимость семейного совладания от индивидуальных адаптационных стратегий и характеристик семейного окружения 428
- Романова Н. М.** Особенности трансформации криминальной субкультуры в современном обществе: роль организационной культуры 434
- Фролова С. В.** Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви 439

Педагогика

- Варзанова М. А.** Сопровождение инновационной деятельности преподавателей колледжа 449
- Варламов Д. И.** Академизация личности в музыкальном образовании 454
- Кубракова Н. А.** Образовательные технологии обучения академическому письму на английском языке (на примере мотивационного письма) 458
- Булгаков В. В.** Оценка утрачивания курсантами практических умений и навыков выполнения аварийно-спасательных работ и методика их восстановления 463

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 09.00.01; 09.00.03; 09.00.05; 09.00.07; 09.00.08; 09.00.11; 09.00.13; 09.00.14; 13.00.01; 13.00.02; 13.00.05; 13.00.08; 19.00.01; 19.00.04; 19.00.05; 19.00.07)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36014, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):
410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 23.11.2020

Подписано в свет 30.11.2020

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (14,75).

Тираж 500 экз. Заказ 107-Т.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

– на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

– аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

– в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Ekshibarova O. V.** The Philosophy of “a New Christianity” by F. M. Dostoevsky 354
- Zakharova E. Yu.** The Art of Being a Human: The Need for Anthropological Practices 359
- Kurokhtina S. R.** The Visual Space of a City: A Semiotic Approach 364
- Listvina E. V., Frolova S. M.** Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age 369
- Matveev A. A.** Eurasian Migration: Mechanisms and Principles of the Global Migratiosphere 374
- Mikhel D. V., Mikhel I. V.** Gandhi’s Successors: from Forest Satyagraha to the Chipko Social Movement 379
- Piloto Rodriguez J. A.** Communication Processes in Social Systems Through the Prism of the Paradigm of Complexity 385
- Rozhkov V. P.** The End of History: Factors and Methodological Parameters of the Conceptualization of the Idea 389
- Romanovskaya E. V.** From the History of Nihilism In Russia: “Vekhi” and Frank 394
- Tetyuev L. I., Vladimirov P. A.** Moral Problems in Russian Neo-Kantianism: The Specifics of the Formation of Transcendental Philosophy in Russia 398
- Sharov M. V.** Systems Approach in Russian Systemology: The Transitivity of Philosophical Value and Meaning 403

Psychology

- Belykh T. V.** The Relationship of Cognitive Characteristics of Personality and Maladaptive Behaviors in the Structure of Individuality in Students 407
- Meshcheryakov D. A.** Value Factors of Risk Propensity in Military University Cadets at Different Stages of Military-Professional Socialization 414
- Nelyubova Ya. K., Grishanova O. S.** Socio-Psychological Aspects of School Bullying Prevention in a Digital Environment 422
- Orlova M. M.** Dependence of Family Coping on Individual Adaptation Strategies and Family Environment Characteristics 428
- Romanova N. M.** Features of the Transformation of the Criminal Subculture in Modern Society: The Role of Organizational Culture 434
- Frolova S. V.** Essential Characteristics and Diagnostic Technique of Psychological Types of Love 439

Pedagogy

- Varzanova M. A.** Supporting Innovative Activities of College Teachers 449
- Varlamov D. I.** Academization of an Individual in Musical Education 454
- Kubrakova N. A.** Technologies of Teaching Academic Writing in English (The Case Study of Personal Statement) 458
- Bulgakov V. V.** Assessment of Loss of Practical Skills by Cadets in Rescue Operations and Methods of Their Recovery 463

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ
СЕРИЯ. СЕРИЯ: Философия. Психология. Педагогика»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Железовская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Жуковский Владимир Петрович, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

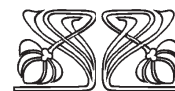
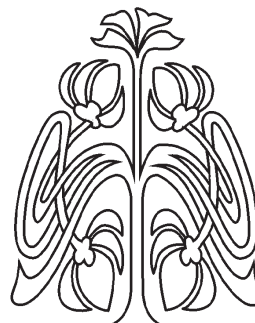
Deputy Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

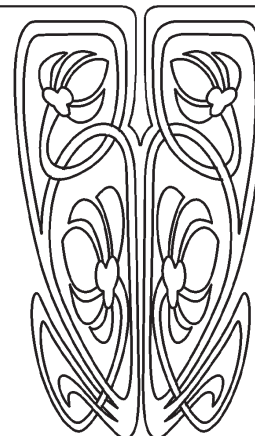
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
James Bosco G. (Michigan, USA)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Ivan A. Gobozov (Moscow, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Galina I. Zhelezovskaya (Saratov, Russia)
Vladimir P. Zhukovsky (Saratov, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Sergei F. Martynovich (Saratov, Russia)

Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)
Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК (1)091.17

Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского

О. В. Екшибарова

Екшибарова Ольга Владимировна, аспирант филологического факультета, Алтайский государственный педагогический университет, ooosestra@gmail.com

Статья посвящена философско-мировоззренческим взглядам Ф. М. Достоевского. Рассматривается правомерность обвинения Достоевского в «новом христианстве». На основании сравнения мыслей самого писателя и полемических высказываний о его творчестве таких философов, как В. С. Соловьёв, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, М. И. Туган-Барановский, дается характеристика «нового христианства» Достоевского. Герменевтический метод позволил автору проанализировать как первоисточники христианской мысли (Новый и Ветхий Завет), так и работы Достоевского и публицистику его современников, обсуждающих философские взгляды писателя. Цель работы – сопоставление понятия «новое христианство Достоевского» с пониманием «христианства» как такового. Это новый взгляд на философское мировоззрение писателя. На основе соотнесения основных аспектов христианства (свобода выбора, духовное возрождение, Евангелие как источник просвещения) в первоапостольском понимании и в творчестве великого писателя формулируется вывод о том, что «новое христианство» Достоевского поддерживает принципы первоапостольского христианства. Однако одновременно «новое христианство» Достоевского видит путь развития современного христианства в духовно-нравственном, «просветительском» ракурсе. Таким образом рассматривается и решается проблема о том, является ли «новое христианство» Достоевского авторской трактовкой христианства писателем.

Ключевые слова: «просветительство», христианство, мораль, вера, религиозность, нравственный поступок, «новое христианство».

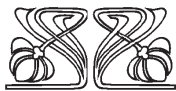
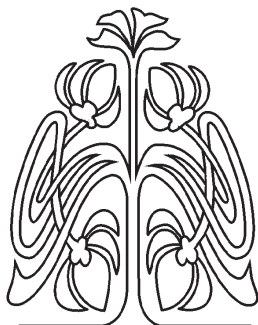
Поступила в редакцию: 19.05.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

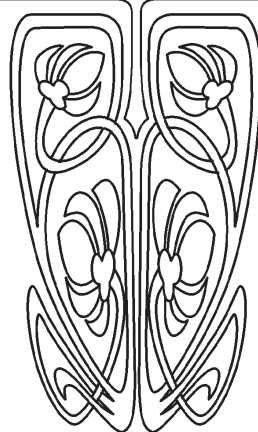
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>

Современное морально-нравственное состояние общества побуждает поднимать те же проблемы, что волновали русскую интеллигенцию рубежа XIX–XX вв. Творчество таких масштабных фигур, как Ф. Достоевский и Л. Толстой, трактовалось неоднозначно. Достоевского обвиняли в попытке собственной трактовки христианства – в «новом христианстве». Для того чтобы оценить, насколько правомерно это обвинение, к чему действительно направлял мысль Достоевский, обратимся к полемическим статьям о его творчестве и к самим литературным произведениям писателя.

В критических статьях по поводу творчества Достоевского русские мыслители, в частности М. И. Туган-Барановский, Д. С. Мережковский, В. С. Соловьёв, В. В. Розанов, поднимали актуальные проблемы экономико-социального, духовного характера, задавались онтологическими вопросами. Они пытались дать оценку Достоевскому как просветителю XIX в., ставящему благополучие общества в прямую зависимость от мировоззрения индивида, личности. Несомненно, что особенно активно философско-духовные проблемы

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

обсуждались тогда в русской литературе. Она стала своеобразным полем, возвращающим отечественную философскую мысль. Ярким представителем русского просвещения, «сеятелем» стал и Ф. М. Достоевский. Вокруг его произведений разгорелась полемика, направленная на обсуждение социально-философских вопросов. Включившись в обсуждение творчества писателя, многие видные мыслители, философы того времени давали свою интерпретацию произведений Достоевского. Таким образом, раскрывалась картина русской философской мысли рубежа веков. Особенно остро стоял вопрос о «новом христианстве» Достоевского. Что хотел донести писатель устами своих героев? Каков идеал Достоевского? Каков исторический путь развития России? Все эти вопросы можно свести к одному: трактовка христианства писателем.

Термин «новое христианство» Достоевского звучит в послесловии к «Трёх речах в память Достоевского» у В. С. Соловьёва. Не ставится под сомнение религиозная составляющая в романах писателя. Так, социолог, экономист, марксист Туган-Барановский очень ярко прорисовывает мировоззрение Достоевского. Пытаясь найти «обоснование идеи верховной ценности человеческой личности» [1], он подчеркивает, что, по мнению Достоевского, «только потребность в Абсолюте может стать основой формирования нравственного закона» [1, с. 132]. «Бог и добро» – вот подлинная сила, способная возвести человека на высоту нравственности. Как экономист Туган-Барановский солидарен с Достоевским в том, что благополучие материальное не может быть достигнуто любыми средствами, точнее, оно не принесет удовлетворения самой личности, как видно на примере Раскольникова. Социально-экономические проблемы общества должны решаться параллельно с духовными. Это актуально звучит и сегодня. В век прагматизма молодое поколение занято устройством быта, это естественное действие человека невозможно осудить, важно другое: как, на каких основаниях идет это обустройство.

Потому для понимания и оценки такого явления, как «христианство», важно не рассматривать вырванный из контекста фрагмент времени в русской мысли, а иметь представление об истории развития духовной мысли России. Нужна своего рода летопись русской философии, что в хронологическом плане удалось осуществить А. Ф. Замалееву, который отмечал, что в русской философии «определяющую роль играет христианско-нравственная идея самосовершенствования человека» [2]. Однако нужен и некий философский сравнительный анализ русской философской мысли за длительный

период, чтобы четко выявить тенденции и закономерности ее развития в масштабах тысячелетия. Благодаря этому анализу можно увидеть, что «новое христианство» Достоевского было попыткой шага от «закона к благодати», возвещающего и в Послании Галатам Апостолом Павлом, и в одноименном произведении митрополита Иллариона [3] в ранней русской христианской мысли. «Христианство Достоевского» не было теологически систематизированным богословием или слаженным философским учением. Оно было экзистенциальным «воплем» человеческого сердца, раздираемого противоречием между реально видимым православным христианством и учением Христа, оставленным в Новом Завете. Потому для понимания подлинного христианства требовалось в первую очередь не приобщение к историческим обрядам православной церкви, а просвещение, т. е. чтение самого Нового Завета – знакомство с учением Христа. «Идите, научите все народы, крестя их...» (Матф. 28:19) [4] – в этом повелении Учителя видно, что основной задачей апостолов являлось научение людей христианству, т. е. подлинное просвещение.

Дмитрий Мережковский, указывая на Достоевского как на «пророка русской революции», подчеркивает, что «Петровское просвещение было лишь экономическим просвещением» [5], а духовные корни русского христианства вполне достаточны, чтобы просветить человека в истине и дать ему духовный фундамент, не заискивая перед западными просветителями, совершая революцию в сердце человека. В. С. Соловьёв акцентирует внимание на понимании Достоевским христианства не только в храмовом аспекте, а скорее в аспекте «домашнего христианства» [6], христианства общественного, способного послужить ближним в простых светских делах, но сделанных «как для Господа» (Кол. 3:23) [4]. Василий Васильевич Розанов признаёт идею духовного развития героев Достоевского «от первоначальной ясности через падение, к возрождению» [7]. Таким образом, первоначальная оценка мира, сделанная человеком в начале пути, может быть ошибочной, а понять и осознать это поможет череда падений, разочарований, жизненных невзгод, приводящих личность к духовному росту, духовному перерождению.

Достоевского упрекали в «новом христианстве». Что же, собственно, пытался предложить писатель в качестве «христианства», было ли это чем-то подлинно новым или виденье Достоевского было согласовано с первоисточником? Для ответа на этот вопрос выделим ключевые моменты в виденье христианства Достоевским и сравним их с Новым Заветом.

Наша цель – определить ядро христианства, не совершив подмены, а постараться полностью приблизиться к христианской философии, отраженной в первоисточнике – Новом Завете. Первая основополагающая мысль первоапостольского христианства о силе воскресения: во-первых, Христос – Бог, пострадавший за грехи людей, но и воскресший; во-вторых, духовное воскрешение личности – «рождение свыше человека» служат фундаментом для нового мировоззрения. Мысль о «возрождении» содержится в словах Ап. Павла: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых... и осветит тебя Христос» (Ефес. 5:14) [4]. В этом плане творчество Достоевского четко нацелено на духовное «воскресение» героя. Такие примеры видны в каждом романе «пятикнижия» Достоевского.

Вторая характерная черта первоапостольского христианства – это личный выбор человека, свободный и сделанный сознательно личностью. Ярким примером в этом отношении является образ Алёши в «Братьях Карамазовых». Юноша, имея внутреннее влечение к Богу, подался в монастырь. Однако, встретив в среде «братьев» разное практическое воплощение христианства в жизни, чуть было не разочаровался духовно. На чем были основаны колебания? Основание монастырского христианства стоит «... на чуде, тайне и авторитете» [8]. И нередко человек ждет от взаимоотношений с Богом именно этого. Так произошло у Алёши на начальном этапе, но, как увидим у Достоевского, «чудо, тайна и авторитет» – это путь Великого инквизитора. Путь Христа оказывается совсем иным, по Его словам, Он «тайно не говорил ничего...» (Иоан. 18:20) [4]. И Алексей перерастает в своей вере стены монастыря, его выбор – осознанное христианство в каждодневной жизни среди мира светского. Да, Христос в земной жизни творил очень много чудес, но Он никогда не нацеливал людей на получение знамений и чудес, «вы ищите Меня, так как ели и насытились, старайтесь не о пище тленной, но нетленной» (Иоан. 6:27) [4]. Такой разговор с народом свидетельствует о том, что Христос ориентирует людей на поиск духовного блага, а не материального благополучия. Он в некоторой степени упрекает людей за неверную цель, замечая, что «ищите знамение... знамение не дастся вам, кроме знамения Ионы пророка, ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Матф. 12:39-40) [4]. То есть главное и основное чудо, совершенное Христом, – смерть за грехи людей и воскресение для оправдания грешных. Его нахождение во гробе подобно нахождению Ионы во чреве кита. А восстание Христа из мертвых влечет и «восстание» из мертвых оправданного Богом христианина.

В отношении авторитета и внешнего величия Христа сказано в словах пророка Исаи, где образ Христа раскрывается уничиженным, «нет в Нем ни вида, ни величия..., который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умалён..., ранами Его мы исцелились, Он... страдал добровольно» (Ис. 53:2-7) [4]. Кричавшая толпа упрекала Бога за то, что Он не смог Сам Себя исцелить. В их словах слышны такие упреки, как «врач исцели Себя Самого» (Лук. 4:23) [4]. Внешне Христос не проявлял Своего божественного могущества, Он не ответил на вызов распявшей Его толпы «...если Ты Сын Божий, сойди с креста» (Матф. 27:40) [4]. Христос имел другую цель – не покорить и властвовать силой, а спасти и возвысить их до Себя любовью. Из приведенных фраз можно сделать следующий вывод: христианство – это не тот институт, который творит чудеса и раздаёт блага земные, а тот, что переворачивает духовные взгляды в человеке, ориентируя на преобразование его души – духовное возрождение (изменяются внутренние устремления, человека влечет к доброте, любви, терпению по отношению к ближним). Только такому человеку возможно и подлинное христианское влияние на окружающую среду (преобразование социума). Таким образом, у Алёши Карамазова действительно произошел сознательный выбор в пользу Бога, основанный уже не на ожидании чудес видимых, а на ожидании силы Божьей для жизни по образу Христа.

Другой вопрос, какой силой возможно это воплощение христианских идеалов на практике, каков источник этого мировоззренческого переворота личности в христианстве. В Новом Завете мы находим ответ в словах о том, что преобразование это свершается «силою Возлюбившего вас» (Рим. 8:37) [4]. При искреннем обращении личности к Богу Дух Божий приходит в сердце человека и дает ему эту силу. Здесь уместно говорить о третьей основополагающей мысли первоапостольского христианства: источником веры, а следовательно, и силы для преобразования является Слово Божие – Евангелие как корень богопознания. В «Преступлении и наказании» чтение Евангелия произвело перемену в героях. Также в «Братьях Карамазовых» ключевой мыслью в этом отношении можно считать высказывание старца Зосимы, точнее его призыв: «Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия... Господи, что за книга и какие уроки! Что за книга это Священное писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку!» [8, с. 317]. Вот «рецепт», вот источник просвещения для Достоевского – Библия. В нем и чудо, в нем и сила для духовного воскрешения человека, для смены его мировоззрения.

И только с такой силой в человеке возможны подлинные преобразования окружающего мира. Так и в «Дневнике писателя» Достоевский размышляет на злободневную тему: среда ли формирует человека или человек среду? Ответ писателя согласуется с философией Нового Завета: христианин должен влиять на окружающих, «вы – свет миру» (Матф. 5:14) [4]. Сложно противостоять большинству, не разделяющему твои взгляды, но и Христос со своими учениками был в меньшинстве. Ветхий Завет говорит о том, чтобы не следовать за большинством на зло. В романах Достоевского мы наблюдаем, что герои с христианскими взглядами, как правило, в великом меньшинстве, но именно они могут иметь силу воздействия на среду. Так стариц Зосима своим искренним покаянием всколыхнул окружающих. Так Алёша своей любовью и верой согрел и направлял ближних к Богу, к Евангелию. То есть ключевое значение имеет просвещение человека Словом Божиим как источником для формирования и смены мировоззрения личности. Это и есть начало христианской веры, основа для морали и нравственности. Следовательно, вопрос о материи и духе – извечный вопрос философии – встает и разрешается у Достоевского следующим образом: для преображения мира телесного, материального необходимо первостепенное преображение духа человека по Евангелию, по Христу. Хочется закончить словами Д. Мережковского: «Можно верить в православие, не веря в Бога» [5, с. 100], который адресовал это высказывание, характеризуя Шатова, героя Достоевского. Анализируя этого героя, Мережковский восклицает: «Вот страшное признание, неужели не только Шатова, но и Достоевского?» [5, с. 100]. На этом вопросе хотелось бы закончить рассуждения, думая, что эта фраза может в некотором роде стать ключом к пониманию эпохи рубежа XIX–XX вв. в русской философской мысли. «Православие», олицетворяя «Закон» (обряд и религиозную форму), не могло дать той «благодати» для жаждущей духовных истин личности. Для получения «благодати» и жизнеспособности Церкви нужно идти путем просвещения, требуется найти личность, пожелавшую сделать свободный, осознанный выбор Троицыного Бога, как своего Идеала, не только в теоретическом, но и в практическом его воплощении. А для этого выбора человек должен быть знаком с учением христианства, изложенным в «Новом Завете». Церковь должна стать институтом просвещения.

И христианство, проповедуемое Достоевским, скорее имело тягу к просвещению, чем к православию, к просвещению во имя познания любви Бога к человеку и желания ответной любви человека к Богу – добровольной, истекающей из личностной жажды. Этот аспект «просветительского» христианства в некотором роде знаменует и современные христианские движения в российском обществе.

Таким образом, можно отметить, что Достоевский не выходил за рамки «первоапостольского» понимания христианства: признавая Христа, Его смерть и воскресение, писатель осознавал необходимость духовного просвещения народа благодаря чтению Евангелия. Он признавал волю человека и его ответственность за выбор главными факторами во взаимоотношениях с Богом, в формировании мировоззренческой позиции. Цель своей жизни Достоевский видел прежде всего в духовно-нравственном просвещении общества, в призыве ко Христу, к Евангелию, что он косвенно и делал в своих художественных произведениях. Таким образом, философия «нового христианства» – это больше духовное просветительство, направленное на преобразования личности.

Список литературы

1. *Туган-Барановский М. И.* Нравственное мировоззрение Достоевского // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 128–143.
2. *Летопись русской философии. 862–2002* / ред.-сост. А. Замалеев. СПб. : Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003. 340 с.
3. *Илларион.* Слово о Законе и Благодати. URL.: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (дата обращения: 09.11.2019).
4. Библия. М. : Российское библейское общество, 1999. 925 с.
5. *Мережковский Д. С.* Пророк русской революции // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 86–119.
6. *Соловьёв В. С.* Три речи в память Достоевского // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 32–59.
7. *Розанов В. В.* О Достоевском // О Достоевском : Творчество Достоевского в русской мысли / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М. : Книга, 1990. С. 64–74.
8. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. СПб. : Каравелла, 1993. 848 с.

Образец для цитирования:

Екшибарова О. В. Философия «нового христианства» Ф. М. Достоевского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 354–358. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>

The Philosophy of “a New Christianity” by F. M. Dostoevsky

O. V. Ekshibarova

Olga V. Ekshibarova, <https://orcid.org/0000-0001-7573-7582>, Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia, ooosestra@gmail.com

The article is devoted to the philosophical views and world outlook of F. M. Dostoevsky. The author analyzes the validity of accusation of Dostoevsky in “a new Christianity”. Based on the comparison of the writer’s own thoughts and polemical statements about his work by such philosophers as V. S. Solovyov, V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, and M. I. Tugan-Baranovsky, the author provides the description of Dostoevsky’s “new Christianity”. The hermeneutical method allows the author to analyze both the primary sources of Christian thought (the New and the Old Testaments), as well as the works by Dostoevsky and the articles of his contemporaries, who discuss the writer’s philosophical views. The purpose of this work is to compare the concept of “the new Christianity of Dostoevsky” with the understanding of “Christianity” as such. This comparison, not previously considered, is a new perspective on the writer’s philosophical worldview. The article compares the main aspects of Christianity (freedom of choice, spiritual revival, the gospel as a source of enlightenment) in the first Apostolic understanding and in the works by Dostoevsky. Based on the analysis of the comparison, it is concluded that Dostoevsky’s “new Christianity” supports the principles of the first Apostolic Christianity. However, at the same time, Dostoevsky’s “new Christianity” sees the way of development of modern Christianity in a spiritual and moral, “educational” aspect. Thus the problem of whether Dostoevsky’s “new Christianity” is the author’s interpretation of Christianity by the writer is considered and solved.

Keywords: “enlightenment”, Christianity, morality, faith, religiosity, moral action, “new Christianity”.

Received: 19.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Ekshibarova O. V. The Philosophy of “a New Christianity” by F. M. Dostoevsky. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 354–358 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-354-358>

References

1. Tugan-Baranovskiy M. I. Dostoevsky’s Moral world-view. In: *O Doctoewckom: tvorchevtvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 128–143 (in Russian).
2. *Letopic Rucckoiy filosofii. 862–2002* [A. Zamaleew, ed. The Chronicle of Russian philosophy. 862–2002]. St. Petersburg, Izdatelsko-torgowyy dom “Letniy Cad”, 2003. 340 p. (in Russian).
3. Illarion. *Clovo o zakone i Blagodati* (Hilarion. The Word about Law and Grace). Available at: <https://azbyka.ru/slovo-o-zakone-i-blagodati-mitropolita-ilariona> (accessed 9 November 2019) (in Russian).
4. *Bibliya* [The Bible]. Moscow, Rocciyckoe bibleyckoe obshchestvo Publ., 1999. 925 p. (in Russian).
5. Merezhkovskiy D. C. The Prophet of the Russian revolution. In: *O Doctoewckom: tvorchevtvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 86–119 (in Russian).
6. Solovyov V. S. Three speeches in memory of Dostoevsky. In: *O Doctoewckom: tvorchevtvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 32–59 (in Russian).
7. Rozanov V. V. About Dostoevsky. In: *O Doctoewckom: tvorchevtvo Doctoewckogo w rucckoiy mycli* [About Dostoevsky: Dostoevsky’s Works in Russian thought]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 64–74 (in Russian).
8. Dostoevsky F. M. *Bratya Karamasowy* [The Brothers Karamazov]. St. Petersburg, Caravella Publ., 1993. 848 p. (in Russian).

УДК 101.3

Искусство быть человеком: необходимость антропологических практик

Е. Ю. Захарова

Захарова Елена Юрьевна, аспирант, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Нижнекамский филиал, makelur@mail.ru

Статья посвящена необходимости изучения антропологических практик в современной социогуманитарной науке. Выявлена проблема недооцененности антропологической стороны изучения практик. Основная причина подобной недооценки – влияние марксизма на всю философию XIX–XX вв. Утрата марксизмом и позитивизмом авторитета в научной мысли позволила в 50–60-е гг. совершить методологический поворот от мира науки к миру жизни, в 60–70-е гг. вернуться к исходному этическому пониманию «практики», как поступка, деятельности, направленной на благо человека. В современной науке интерес сместился с социальных наук к гуманитарным. Российский философ А. Ю. Ашкерев прогнозирует превращение социальной философии в социальную антропологию, основной методологией которой станет экзистенциальная компаративистика. Доказывается, что антропологические феномены сегодня – это квинтэссенция, суммированное целое, еще точнее сообщество, где «нераздельно и неслиянно» уже пребывают все возможные нетождественные друг другу начала или силы бытия. Антропологическое исходно, но способно осознать себя только через индивидуально-психологическое и социальное, которое суть формы опредмечивания. Однако, чтобы вернуться к себе, антропологическое должно быть распределено, выйти на уровень самодетерминации. В цикличности, в деятельности опредмечивания – распределенности образуется «ткань истории», круг человеческого бытия, где человек способен «расти» в творчестве.

Ключевые слова: антропологические практики, антропологические феномены, антропологический дискурс, топика, опредмечивание – распределенное.

Поступила в редакцию: 28.04.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-359-363>

Термин «антропологические практики» появляется в рамках философско-богословского направления синергичной антропологии в XXI в. [1, 2]. В это же время В. В. Волков и О. В. Хархордин проводят свои исследования теории «социальных практик» [3], благодаря чему изучение практик, а в дальнейшем социальных практик повседневности становится популярной темой не только в философии и социологии, но и истории, психологии и других социально-гуманитарных направлениях.

Поскольку в XIX в. практически все ведущие направления философии оказались под влиянием марксизма, то в науке утвердилось понимание «практики» как общественно-исторического явления и далее именно в такой форме рассматривалось в советской философии. Однако сегодня мы наблюдаем возврат к исходному пониманию «практики», как оно трактовалось в Древней Греции Аристотелем (*πράξις* – поступок, деятельность, направленная на благо человека). То есть в первую очередь практика определялась именно как антропологическая и только потом уже как социальная.

Л. А. Микешина призывает восстановить аристотелевское понимание практики, которое, по ее мнению, было утеряно еще в новоевропейской рациональности, исказившее также этическую и эстетическую составляющие понятия и вычеркнувшее направленность на самого человека. Это возможно благодаря двум принципам: принципу принятия целостности человека и принципу доверия субъекту [4, с. 14–15].

Под влияние марксизма попала не только советская философия, но и западная. Однако уже в 50–60-е гг. XX в. в Западной Европе наметилась тенденция отхода от марксистских и позитивистских концепций, в то время как в СССР этот процесс затянулся вплоть до 90-х гг.

Почему же 50–60-е гг.?

Во-первых, исторический опыт двух мировых войн, погоня за научно-техническим прогрессом, способствующая появлению тоталитарных политических режимов, подорвали авторитет марксизма и позитивизма.

Во-вторых, качественное изменение концепций, возникших еще в XIX в. и продолжающих свое развитие в XX и XXI вв. Мы имеем в виду психоанализ, экзистенциализм, неопозитивизм, герменевтику, феноменологию и аналитическую философию. Несмотря на объявленный в начале XX в. М. Шелером «антропологический поворот» в науке, по-настоящему он произошел только лишь с методологическим поворотом *от мира науки к миру жизни* в 50–60-е гг.

Интенция на взаимосвязь мира науки и жизненного мира была весьма сильной, что отразилось на общественно-политических движениях экологов, феминисток, коммунистиков и т.д.

«Пионерами – первопроходцами» на этом пути стали П. Адо, О. Розеншток – Хюсси, А. Шюц, Э. Левинас, П. Рикер, М. Фуко, З. Бауман, П. Бурдьё, М. де Серто, К. Гирц, И. Гофман, Ал. Макин-тайр, Ж.-Л. Нанси, Ж. Бодрийяр.

Ведущим методом для гуманитариев становится *деконструкция*, а задачей – нахождение среди «руин» «следов», отчужденных или «превращенных форм» мира подлинного человеческого удела [5].

Согласно В. Е. Кемерову предметом современной социальной онтологии является не что-то статичное и устоявшееся, а скорее наоборот – трансформации, сдвиги, тенденции, кризисы, то, что движется, «кимеет перспективы». Процессуальность (процессность) социального бытия – вот что заботит современных философов сегодня, ибо она «дает возможность человеку удержать в единстве расслаивающиеся во времени и распадающиеся в пространстве моменты деятельности» [6, с. 100].

Современный исследователь С. С. Хоружий считает, что социальное – это превращенные антропологические феномены, антропологические ситуации и тренды [7, с. 72]. «*Антропологическая ситуация*» есть фрагмент антропологической реальности, отвечающий определенному моменту исторического времени, историческому или хронологическому срезу и рассматриваемый в контексте и перспективе социальной реальности; это наличное состояние или положение Человека, взятое в социальном контексте, в измерениях социального бытия.

Не случайно в современной науке интерес сместился с социальных наук к гуманитарным. Российский философ А. Ю. Ашкерov прогнозирует превращение социальной философии в социальную антропологию, где ведущими темами станут: *социальная онтология, праксеология истины, гносеология практики* [8, с. 489].

В совокупности это открывает перспективу *экзистенциальной компаративистике*, идущей на смену концепции «идеальных типов» М. Вебера. С точки зрения экзистенциализма, познание оборачивается *со-отношением*, возведенным в ранг эвристического принципа. Экзистенциальная компаративистика дает возможность изучать человека, вовлеченного в различные модусы и способы общественного существования, и измерять его *экзистирование* с точки зрения истории и социальности [8, с. 492].

Связка социальной онтологии, праксеологии истины и гносеологии практики по А. Ю. Ашкерову позволяет трансформировать вопрос о *бытийственности* в задачу раскрытия структуры идентичности субъекта, ибо некое «есть» всегда

соотносится с определенными формами «МЫ» и «Я», а также «ОН», «ОНА», «ОНИ». В бытии нет ничего, кроме идентичности «нас». Событие мира (истории) оборачивается одновременно сообщением (актом коммуникации) и взаимодействием (интеракцией), свидетельством взаимосвязи коллективного и индивидуального, повседневного и исторического [8, с. 494].

Любое исследование, с антропологической точки зрения, влечет за собой единение социальных и гуманитарных парадигм и методологий. Происходит понимание того, что изучение человека невозможно без познания его социальности, также как социальность не являет собой сумму индивидуальностей или индивидуальных действий. Социальное способно определять практики человека, которые в свою очередь могут воссоздавать социальную реальность. Сегодня в антропологическом дискурсе, антропологической научно-исследовательской программе соединяется методология социальных и гуманитарных наук, где символическое и социальное показывают свою интегративность, кентавричность, гибридность, дуальность, амбивалентность.

А. Ю. Ашкерov в связи с этим пишет: «Человек, таким образом, не просто оказывается производящим существом, но и существом, в котором все что мы можем принять за сумму неких сущностных свойств, оказывается производимым» [8, с. 508].

В структуре идентичности субъекта уже не рассматривается оппозиция «*природа – культура*», это, скорее, превращенная форма, где природное и культурное «сошлись», стали *проницаемы* друг для друга. Они *не растворились* друг в друге, будучи разными и автономными по природе, они объединены социально-антропологической «рамкой» (*стасисом*), где точкой сборки выступает человеческое тело.

Например, в контексте синергичной антропологии С. С. Хоружего «человек – это сообщество или совокупность топик». «Человек – энергийный и деятельный центр, из которого могут исходить стратегии духовного возрастания, стратегии безумия, стратегии виртуальные...» [1, с. 138]. Топики могут смешиваться, быть гибридными. С. С. Хоружий выделяет следующие три дуальные пары топик, где первая топика образуется путем соединения духовных практик и паттернов безумия; вторая совмещает в себе духовные и виртуальные практики; а третья – паттерны безумия и виртуальные практики.

Первая гибридная пара именуется С. С. Хоружим *топикой прелести*, или *прельщения*, потому что духовная практика *подменяется* паттернами безумия, когда человек полностью осознает смысл

духовной практики, однако сознательно вносит изменения, полагая, что все дальше будет происходить *возвышение*, которое на самом деле является иллюзией, потому что человек опирается на низшие уровни сознания. С. С. Хоружий полагает, что онтическая топика мешает осуществлению онтологической, поэтому для достижения Духовной практики необходимо полное устранение паттернов безумия.

Вторую гибридную топика С. С. Хоружий называет *кислотной топикой*, или психоделической, потому что, находясь в виртуальной практике, человек имитирует духовную практику, разыгрывает ее в своем воображении, иногда для этого применяются наркотики или психоделики.

Третья гибридная топика называется *топикой идиотии*, воплощается в сновидениях, в проявлении слабоумия, «придуривания» – виртуального безумия, а сегодня также в искусстве. Бессознательное может порождать любые стратегии, естественно, в этих случаях сознание не контролирует их зарождение и протекание и долгое время они могут не осознаваться человеком и существовать параллельно виртуальным практикам. Человек может сам выбирать различные стратегии, но может и перескочить из одной в другую, не заметив, он может думать, что направляется к онтологической границе, а на самом деле «скатываться в безумие».

Таким образом, *антропологические феномены* сегодня – это в прямом смысле квинтэссенция, суммированное целое, еще точнее *сообщество*, где «нераздельно и неслиянно» уже пребывают все возможные не тождественные друг другу начала или силы бытия. Поэтому субъектом познания становится не только человек, а весь человеческий род. И. П. Смирнов показывает, что каждое историческое событие, каждый исторический процесс и ситуация – это стремление социального тела *антропологизироваться*. Человек «объединяет в себе три измерения: антропологическое (*sensus universalis*), индивидуально-психическое (*sensus privatus*) и социальное (*sensus communis*), или иначе: родовое, экземплярное и видовое» [9, с. 53].

Антропологическое исходно, но способно осознать себя только в экземплярном и видовом, которое суть формы опредмечивания. Однако, чтобы вернуться к себе, антропологическое должно быть распределено, выйти на уровень самодетерминации.

В цикличности, в деятельности опредмечивания – распределенности образуется «ткань истории», круг человеческого бытия, однако он незамкнутый, не «проклятый», это круг жизни, где человек способен возрастать в творчестве.

О. Д. Агапов также отмечает, что мы считаем деятельность, присущую только человеку (человеческому роду), характерным атрибутом его бытия, которая, с одной стороны, не может осуществляться без «спонтанных волеявлений» человека, с другой стороны, вызвана существующими социальными институтами, стимулирующими спонтанность. При этом обе стороны не просто связаны друг с другом, а дополняют друг друга, осознаются субъектом деятельности и влияют на ее осуществление. Лишь человек способен не только осваивать окружающий мир, но и преобразовывать его и создавать новое (творить) [10, с. 248].

Благодаря деятельности человеческий род пребывает в *обращении* (внутреннего во внешнее, внешнего во внутреннее). В контексте деятельности вырабатываются его *субъектность* и *субъективность*, *поле со-отнесения* или *структур социального*.

Смысл и значения деятельности становятся *исходной материей* для формирования смысла жизни. Однако если фаза опредмечивания – это процесс первичного *преобразования* мира и человека, то фаза распределенности – это момент *преображения* опредмеченного, его трансценденция. Таким образом, благодаря деятельности бытие человеческого рода дифференцировано, иерархически устроено: небытие – бытие – пребытие.

Динамика человеческого бытия может быть описана процессами *преобразования* – *преображения* – *претворения* – *пребытия* в единстве пространственного и временного аспектов. По Л. П. Карсавину человеческий род – «единство себя самого в несовершенстве, усовершенствии и совершенстве. Оно и становится совершенным и уже совершенно. Как становящееся совершенным, оно несовершенно, хотя эмпирически и завершено, ибо усовершенствие выводит за область чистой эмпирии, усовершенство ее самое. Но и как несовершенно всеединство, человечество, будучи эмпирически совершенным, вместе с тем и завершается, становится» [11, с. 88–89].

Каждая ипостась воплощения человеческого рода – это *экзистенциальный модус*, требующий раскрытия, определенной антропологической *практики себя* в качестве субъекта истории, субъекта социума, субъекта культуры, субъекта цивилизации [10, с. 182–232]. Например, субъект культуры раскрывается через отношение к Абсолюту, в качестве которого может выступать не только Бог, но и красота, истина, бытие, благо; субъект социума по интенции к социальным структурам, институтам, полям и средам как результатам опредмечивания человеком сил природы и своих

природных потенций. И если субъект истории стремится к достижению трансцендентальных целей, то социальные институты не одобряют данных целей и призывают к полному освоению существующих социальных норм [10, с. 193].

Повседневность живет экзистенциально – антропологическими практиками глубины и полноты. Так, например, Н. Луман для более глубокого понимания и осмысления общества вводит понятие «аутопойесис», заимствованное им из биологии, однако обозначающее по сути для человека постоянную внутреннюю коммуникацию установления границ между окружающей средой и социальным миром. Аутопойесис включает в себя процессы *само-референции* и *ино-референции*. «Их границы являются не материальными артефактами, а формами с двумя сторонами. Дифференциация система – окружающий мир осуществляется два раза: как произведение самой системы различения и как различение, наблюдаемое в этой системе» [12, с. 45].

Антропологическое, антропологические практики, таким образом, предстают как практики освобождения и свободы от отчужденных сил истории, культуры, цивилизации – от всего того, что стало фетишем, превращенной формой, идеологемой, комплексом – иной другой максимально отчужденной и гипостазированной структурой, не дающей человеку быть самим собой, вступить в круг *экзистенции*, круг смысла, деятельности, сопричастности, общительности, со–отношения.

Образец для цитирования:

Захарова Е. Ю. Искусство быть человеком: необходимость антропологических практик // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 359–363. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-359-363>

The Art of Being a Human: The Need for Anthropological Practices

E. Yu. Zakharova

Elena Yu. Zakharova, <https://orcid.org/0000-0002-2935-3331>, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Nizhnekamsk branch, 44b Shinnikov St., Nizhnekamsk 423570, Republic of Tatarstan, Russia, makelur@mail.ru

The article is devoted to the need to study anthropological practices in modern socio-humanitarian science. The problem of underestimation of the anthropological side of the study of practices is revealed. The main reason for this underestimation is the influence of Marxism on the whole philosophy of the 19th and 20th centuries. The loss of the authority in science by Marxism and positivism made it possible to make a methodological turn from the world of science to the world of life in the 1950s and 1960s, and in the 1960s – 70s to return to the initial ethical understanding of “practice” as an act, activity aimed at the benefit of a man. In modern science, interest has shifted from the social sciences

Список литературы

1. Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
2. Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. Вып. 2. 298 с.
4. Микешина Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии наук. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 575 с.
5. Арндт Х. Vita active, или О деятельной жизни. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
6. Кемеров В. Е. Общество, социальность, полисубъектность. М. : Академический Проект ; фонд «Мир», 2012. 252 с.
7. Хоружий С. С. Социум и синергия : колонизация интерфейса. Казань : Казан. инновац. ун-т им. В. Г. Тимирязова, 2016. 452 с.
8. Ашкерова А. Ю. Социальная антропология. М. : ООО «Маркет ДС Корпорейшен», 2005. 608 с.
9. Смирнов И. П. Социософия революции. СПб : Алетейя, 2004. 368 с.
10. Агапов О. Д. Интерпретация как практика автопоэзиса человеческого бытия. Казань : Познание, 2009. 247 с.
11. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб : Комплект, 1993. 350 с.
12. Луман Н. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004. 232 с.

to the humanities. The Russian philosopher A. Yu. Ashkerov predicts the transformation of social philosophy into social anthropology, the main methodology of which will be existential comparative studies. It is also proved in the article that anthropological phenomena today are the quintessence, the summed entity, more precisely the community, where all possible non-identical to each other beginnings and forces of being exist “inseparably and without merging”. Anthropological is initial, but it is able to realize itself only through individually psychological and social, which is the essence of the form of objectification. However, in order to return to oneself, the anthropological must become non-objectified, and reach the level of self-determination. In cyclicity, in the activity of objectification – reobjectification, a “fabric of history”, a circle of human being, where a person is able to grow up in creativity, is formed. **Keywords:** anthropological practices, anthropological phenomena, anthropological discourse, topics, objectification-reobjectification.

Received: 28.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11. 2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Khoruzhiy S. S. *Ocherki sinerghiynoy antropologii* [Essays on synergistic anthropology]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2005. 408 p. (in Russian).
2. Khoruzhiy S. S. *Fonar Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropeyskoy antropologii* [Diogenes's Lantern. Critical retrospective of European anthropology]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2010. 688 p. (in Russian).
3. Volkov V. V., Harkhordin O. V. *Teoriya praktik* [Theory of practices]. St. Petersburg, Isdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Petersburge Publ., 2008, iss. 2. 298 p. (in Russian).
4. Mikeskina L. A. *Dialog kognitivnykh praktik. Iz istorii epistemologii i filosofii nauk* [Dialogue of cognitive practices. From the history of epistemology and philosophy of science]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2010. 575 p. (in Russian).
5. Arendt Kh. *Vita active, ili O deyatelnoy zhizni* [Vita active, or About active life]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2000. 437 p. (in Russian).
6. Kemerov V. Ye. *Obshchestvo, sotsialnost, polisubyektnost* [Society, sociality, polysubjectivity]. Moscow, Akademicheskii Proyeckt Publ.; fond "Mir" Publ., 2012. 252 p. (in Russian).
7. Khoruzhiy S. S. *Sotsium I sinergiya: kolonizatsiya interfeysa* [Socium and synergy: colonization of the interface]. Kazan, Kazanskiy innovatsionnyy universitet im. V. G. Timiryasova Publ., 2016. 452 p. (in Russian).
8. Ashkerov A. Yu. *Sotsialnaya antropologiya* [Social anthropology]. Moscow, OOO "Market DS Korporeyshen" Publ., 2005. 608 p. (in Russian).
9. Smirnov I. P. *Sotsiosofiya revolyutsii* [Sociosophy of the revolution]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
10. Agapov O. D. *Interpretatsiya kak praktika avtopoezisa chelovecheskogo bytiya* [Interpretation as a practice of autopoiesis of human being]. Kazan, Poznaniye Publ., 2009. 247 p. (in Russian).
11. Karsavin L. P. *Filosofiya istorii* [The philosophy of history]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993. 350 p. (in Russian).
12. Luman N. *Obshchestvo kak sotsialnaya sistema* [Society as a social system]. Moscow, Logos Publ., 2004. 232 p. (in Russian).

Cite this article as:

Zakharova E. Yu. The Art of Being a Human: The Need for Anthropological Practices. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 359–363 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-359-363>

УДК 316.33

Визуальное пространство города: семиотический подход

С. Р. Курохтина

Курохтина Софья Руслановна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sofic1994@mail.ru

В статье рассматривается проблема визуальности в контексте пространства с точки зрения визуальной семиотики. Выбор проблемы обусловил методологию, которая базируется на семиотическом подходе. Визуальная семиотика использует индукцию в качестве основного инструмента: анализируя отдельные элементы пространства – знаки, она движется к обобщению результатов на уровне семиотики в целом. Автор полагает, что визуальные образы, запечатленные в различных архитектурных постройках, играют важную роль в формировании социального устройства, пространства повседневной коммуникации, практик взаимодействия наблюдающих субъектов. Цель статьи – охарактеризовать основные принципы визуальной семиотики, отражающие теоретическое осмысление городской архитектуры как знаковой системы. Установлено, что главные теоретические принципы визуальной семиотики применительно к пространству состоят в следующих положениях: во-первых, визуальные артефакты, наводняющие пространство города, являются фактами коммуникации, поскольку имеют языковую направленность и воспринимаются как знаки. Во-вторых, главное свойство для визуального сообщения – емкость (за короткий срок субъект способен воспринять гораздо большее количество информации, чем от текста). В-третьих, определено, что чтение и порождение новых интерпретаций городского пространства происходят через повседневные практики, в ходе которых осуществляется присваивание и персонализация окружающего визуального пространства.

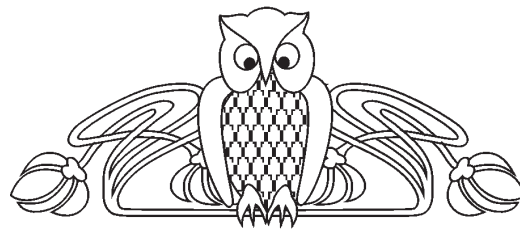
Ключевые слова: визуальность, образ, архитектура, городское пространство, визуальные исследования, визуальное сообщение.

Поступила в редакцию: 23.04.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-364-368>

Вследствие растущей информатизации общественного пространства способы производства и потребления данных подверглись изменениям. Постигший культуру в конце XX в. «визуальный поворот» свидетельствует о том, что имеет место рост интереса гуманитарных наук к визуальности. Исследователи визуальной культуры стали задаваться вопросами о статусе, функции, использовании визуальной информации. Окружающее пространство стало осмысляться как опосредованное

изображениями, что говорит о смещении способа восприятия от вербальному к визуальному. Таким образом, визуальность стала играть важную роль в формировании социального устройства, пространства повседневной коммуникации, а также практики человеческого взаимодействия с культурными артефактами.

Для осмысления представленных процессов визуальные теоретики предлагают несколько линий исследования визуальной составляющей в социальном контексте. Одни ученые изучают функционирование визуальных образов в социальном пространстве, что открывает перспективы изучения социальной реальности и фактов, ее составляющих [1–3]. Также ракурс рассмотрения сосредоточивается на поиске новых путей формирования социального субъекта, другие делают акцент на семиотическом аспекте визуальности, т.е. рассматривают образную реальность как самовоспроизводящую знаковую систему и трактуют образ в качестве репрезентации [4–6]. Однако представителей указанных направлений объединяет склонность к использованию конструктивистской методологии. Они полагают, что социокультурное пространство скрывает в себе пласты смыслов, которые формируют и формируемы визуальными образами, знаками и символами. Визуальная реальность преподносится в качестве культурного конструкта, который подвержен постоянному «считыванию» обществом наблюдающих субъектов. Основная мысль статьи заключается в том, что визуальная среда городского пространства может восприниматься как текст. Для доказательства представленного тезиса будет использована аргументация визуальной семиотики. Ракурс обсуждения будет сосредоточен на теоретических и практических исследованиях визуальной коммуникации в различных участках социокультурного пространства.

Семиотика как наука о коммуникативных системах, изучающая свойства знака, впервые была обозначена в трудах Ф. де Соссюра [7] и Ч. С. Пирса [8]. Изначально семиотический подход развивали лингвисты, но позже он был перенесен в русло аналитики явлений повседневной жизни Р. Бартом, который раскрыл знаковую природу повседневных вещей через культурные мифы [9]. Также стоит упомянуть научные труды мо-

сковско-гартуской школы, посвященные философско-семиотической теории символа, где «символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выходит за пределы знаковости» [10, с. 20]. Однако стоит отметить, что ракурс рассмотрения визуальной семиотики предполагает обозначение слабо согласованной области теоретических, практических исследований визуальной коммуникации в различных сферах социокультурного пространства. Визуальная семиотика предполагает, что все сегменты-участки пространства предстают в качестве сообщений, которые транслируют смыслы идеологического, прагматического, экзистенциального толка. Из этого следует, что субъект, направляя когнитивный акт на сегменты социокультурного пространства, действует в русле семиотики. Визуальная семиотика использует индуктивную методологию: от анализа отдельных знаков-элементов пространства она движется к обобщению результатов на уровне семиотики в целом. Сегменты-участки пространства в русле визуальной семиотики предстают в качестве сообщений, которые транслируют различные смыслы, будь то идеологические, экзистенциальные или прагматические, из чего следует, что всякий направленный на сегменты пространства когнитивный акт будет неизбежно семиотическим.

Изображение является объектом изучения не только теории искусства, эстетики, культурологии, истории, но и объектом исследовательского интереса семиотики в аспекте визуальной коммуникации. Смыслы, которые несет в себе визуальный артефакт, могут быть восприняты только в коммуникативной ситуации, внутри которой происходит диахронное взаимодействие автора и получателя или синхронное взаимодействие нескольких получателей визуальной информации. Визуальный объект, с точки зрения семиотики, «...реализуется на многочисленных коммуникативных уровнях и, соответственно, дает разнообразный прагматический эффект: художественное изображение сообщает информацию, транслирует ценностные установки и приоритеты, генерирует эмоциональные состояния, индексирует локальные пространства и так далее» [11, с. 13].

Визуальные знаки находятся в состоянии постоянной адресованности, подчиняясь процессу вечного воспроизведения знаков – семиозису. Никакой аспект процесса порождения значений не пребывает в изоляции от других процессов, семиозис является бесконечным и включает три важных измерения – прагматику, семантику, синтактику. Нас интересуют первые два, поскольку они раскрывают коммуникативное измерение ви-

зуальной культуры. Первое измерение исследует отношение между знаком и интерпретантом. Оно демонстрирует процесс перехода одного смысла к другому, а также процесс воздействия визуального артефакта на наблюдателя. Семантика же показывает отношение, существующее между знаком и обозначаемым объектом, отвечает за изучение смыслов визуального объекта, смыслопорождающих визуальных кодов и может рассматриваться как родственная иконография. Прагматический аспект культуры раскрывает механизмы организации деятельности людей: кодирование смыслов происходит через трансляцию в различных визуальных формах, будь то живопись, театр, скульптура, танец и, конечно, архитектура. Визуальные формы несут в себе сообщение, восприятие которого возможно только при непосредственном соприкосновении с визуальными артефактами. Характерная черта визуального сообщения состоит в способности за сравнительно короткий срок представить большое количество информации. Визуальный образ обладает емкостью, что дает больший информационный эффект от потребления визуального образа, чем от текстового высказывания. «Зрительный образ, – полагает Рудольф Арнхейм, – будучи биологически старше, конкретнее, способен воздействовать на более широкие массы людей: он обладает преимуществами перед другими средствами выражения; и в этом смысле слово слабее картины, а тем более кинофильма» [12, с. 173].

Визуальные факты имеют языковую направленность. В пользу данного тезиса высказывается и У. Эко. Он отмечает, что визуальные факты являются феноменами коммуникации (хотя и находятся вне языкового пространства), а значит, имеют знаковую природу. Следовательно, визуальные феномены могут быть рассмотрены с точки зрения семиотики и семиологии: «семиология рассматривает все явления культуры как знаковые системы, предполагая, что они таковыми и являются, будучи, таким образом, также феноменами коммуникации» [13, с. 33]. Таким образом, утверждается транслингвистическая теория визуального знака. Составление перечня кодифицированных образов должно осуществляться на уровне семантики. Визуальные теоретики полагают, что «не существует четко описанного концепта визуального знака, который не зависит от лингвистических моделей непосредственно и всецело» [14, с. 178]. Что представляет собой визуальный текст? Согласно визуальным теоретикам – сторонникам семиотического подхода, визуальный текст – это информационная система, объективно отраженная в окружающей действительности, включающая в себя сегменты-участки пространства, которые

воспринимаются оптически и подвергаются интерпретации наблюдающими субъектами. Например, во время движения по городскому пространству субъект воспринимает сегменты пространства посредством «считывания».

Визуальная семиотика рассматривает город в качестве застывшего «текста истории», который опредмечен в архитектурных постройках, различных материальных объектах, а также в структуре городского пространства. Взаимодействие наблюдателей с различного рода архитектурными постройками происходит в режиме социокультурного диалога. Территориально-предметные комплексы, составляющие в своей совокупности архитектуру городского ансамбля, насыщены смысловым содержанием и оформлены согласно законам визуального текста. Визуальная семиотика нацелена на теоретическое осмысление архитектуры в качестве знаковой системы, а также на раскрытие ее «коммуникативного аспекта». Визуально-коммуникативная архитектурная среда, с точки зрения семиотики, подчиняется законам архитектурной прагматики: делается акцент на отношении между знаком и интерпретатором. Архитектура городского пространства в своем ансамбле сочетает гетерогенные элементы социокультурного опыта, которые участвуют в организации жизненного топоса человека, перемещая его в различные визуальные горизонты. Архитектурные комплексы объектов читаются как текстовые образования, передающие идеологические, мнемонические и суггестивные сообщения. Таким образом, обитаемая среда представляет собой семиотическое пространство, обладающее многими значениями. Репрезентации культуры, закрепленные в архитектурных постройках, включают в себе опыт культурной идентичности. Визуальные объекты, которые участвуют в формировании самоощущения с общими пластами культуры, являются культурно-семиотическим трансфером.

Обратимся к городскому пространству. Его семиотику можно рассматривать в русле трех знаковых систем:

- 1) в качестве антропогенной среды;
- 2) как пространство объектов архитектуры;
- 3) как социокультурную коммуникацию.

Влияние органицистских концепций на исследования города привело к развитию представлений о собственной речи города (язык архитектуры), «системе органов» города (метрополитен как кровеносная сетка сосудов), «глазах» города (городские таблоиды, местные новостные каналы) [15]. Все это составляет почву для дискурса о символической, образной и знаковой наполненности городского пространства, вос-

производящего в своих формах прошлое, настоящее и будущее культуры. Город обладает единым устройством, которое включает в себя совокупность знаков, по сути являющаяся смыслопорождающей субстанцией. В таком случае город можно воспринимать как пространственный объект, который несет в себе тексты для потенциальных читателей – горожан.

Город находится в вечном самовоспроизведении: он порождает знаковые репрезентации, расширяя тем самым свое символическое поле, вследствие чего происходит смена материального окружения. Знаки, наводняющие символическое поле, являются оттисками восприятия и понимания субъектом реальности и смыслового поля, которое его окружает. В знаково-образном пространстве происходит процесс очерчивания границ, позволяющих различать пространство Другого, которое является общественным пространством, а также пространство, маркируемое как пространство индивидуальное. Образы, знаки, символы – не пассивная форма отражения действительности, они выступают активными агентами социального поля, участвующими в создании и организации новых сред и миров. Мысль о том, что город состоит из искусственно созданных объектов, присуща конструктивистской теории. Городское пространство согласно данному подходу представляет собой идеальный социокультурный проект, где нет реальности, которая была бы отделена от наблюдателя. В конструктивистской парадигме человек является интерпретирующим существом, которое конструирует актом интерпретации реальность, контексты реальности и социум, пребывающий в постоянной динамике. Город необходимо рассматривать как поле действия повседневных коммуникативных практик горожан, которые через постоянное стремление к действию вырабатывают общие ценностно-смысловые ориентации. Городское пространство видится резервуаром, где происходит постоянная выработка значений и смыслов предметов, артефактов, действий и функций субъектов и объектов. Все это составляет общий облик города. Городское пространство – это форма социального конструирования, преобразовывающая территорию среды обитания и образа жизни, в которых воплощены идеальные образцы мироустройства. Градостроители являются создателями метафоры определенного пространственного устройства.

Таким образом, вышесказанное позволяет назвать следующие принципы визуальной семиотики относительно пространства города:

- 1) визуальные факты имеют языковую направленность. Данный вывод может быть сделан

на основании следующего аргумента: поскольку визуальные факты являются феноменами коммуникации, то, следовательно, обладают знаковой природой. Это означает, что они могут быть рассмотрены в русле визуальной семиотики. Таким образом, утверждается транслингвистическая теория визуального знака;

2) методологические принципы перенесены с аналитики языковых явлений на визуальные. Визуальная семиотика оперирует методологическим и теоретическим аппаратом общей семиотики, используя язык описания, который может быть применен к любой форме знака, в том числе и иконической;

3) порождение текстов о визуальном городском пространстве происходит благодаря процессу семиозиса. Активно воспринимая визуальный текст, субъект создает новые тексты-интерпретации города и его образных структур;

4) чтение визуального текста города общением наблюдателей происходит посредством различного рода повседневных практик, осуществляя которые, субъект производит операции присвоения и персонализации окружающего пространства. Тем самым он осуществляет становление телесного знания об окружающей реальности, внутри которой он существует;

5) специфической чертой визуального сообщения является емкость: сообщение способно за сравнительно короткий срок представить большее количество информации. Так как визуальное сообщение обладает емкостью, это дает больший информационный эффект от потребления визуального образа, нежели словесное сообщение.

Список литературы

1. *Мирзоев Н.* Как смотреть на мир. М. : Ad marginem, 2019. 344 с.
2. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М. : Логос, 2007. 200 с.
3. *Митчелл У. Дж. Т.* Иконология. Образ. Текст. Идеология. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 240 с.
4. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Внутри мыслящих миров. СПб. : Искусство, 2000. 704 с.
5. *Эко У.* О членениях кинематографического кода // Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана. М. : Радуга, 1985. С. 79–101.
6. *Аванесов С. С.* Визуальная семиотика города : перспектива исследования городских текстов // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4. С. 9–22.
7. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М. : Прогресс, 1990. 280 с.
8. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000. 412 с.
9. *Барт Р.* Мифологии. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 314 с.
10. *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. 1981. № 9. С. 7–26.
11. *Аванесов С. С.* Что можно назвать визуальной семиотикой? // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1. С. 10–22.
12. *Арнхейм Р.* Кино как искусство. М. : Изд-во иностр. литературы, 1960. 173 с.
13. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.
14. *Элкис Дж.* Исследуя визуальный мир. Вильнюс : ЕГУ, 2010. 534 с.
15. *Сафронова А. В.* Город – живой организм // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та, 2011. № 12. С. 148–152.

Образец для цитирования:

Курохтина С. Р. Визуальное пространство города: семиотический подход // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 364–368. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-364-368>

The Visual Space of a City: A Semiotic Approach

S. R. Kurokhtina

Sofia R. Kurokhtina, <https://orcid.org/0000-0002-8307-3648>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sofic1994@mail.ru

The article deals with the problem of visibility in the context of space from the point of view of visual semiotics. The choice of the problem determined the methodology, which is based on a semiotic approach. Visual semiotics uses induction as the main tool: analyzing individual elements of space, i.e. signs, it moves to the generalization of the results at the level of semiotics as a whole. The author believes that visual images captured in various architectural structures play an important role in shaping the social structure, the space of everyday communication, and the interaction practices of observing subjects. The purpose of the article is to

characterize the basic principles of visual semiotics which reflect the theoretical understanding of urban architecture as a sign system. It is established that the main theoretical principles of visual semiotics in relation to space consist in the following provisions: first, visual artifacts which flood the city space are facts of communication, since they have a linguistic orientation and are perceived as signs. Secondly, the main property for a visual message is capacity – in a short period of time, the subject is able to perceive a much larger amount of information than from the text. And third, it is established that reading and generating new interpretations of urban space occur through everyday practices, during which the surrounding visual space is appropriated and personalized.

Keywords: visibility, image, architectonics, urban space, visual research, visual message.

Received: 23.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Mirzoeff N. *How to see the world*. New York, Basic Books, 2016. 352 p. (Russ. ed.: Mirzoev N. *Kak smotret na mir*. Moscow, Ad marginem Publ., 2019. 344 p.).
2. Sztompka P. *Socjologia wizualna: fotografia jako metoda badawcza*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 149 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Vizualnaya sotsyologiya. Fotografiya kak metod issledovaniya*. Moscow, Logos Publ., 2007. 200 p.).
3. Mitchell W. J. T. *Iconology. Image. Text. Ideology*. Chicago and London, University of Chicago Press, 1987. 226 p. (Russ. ed.: Mitchell U. Dzh. T. *Ikonologiya. Obraz. Tekst. Ideologiya*. Ekaterinburg, Kabinetnyy ucheniy Publ., 2017. 240 p.).
4. Lotman Yu. M. *Semiosfera. Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 2000. 704 p. (in Russian).
5. Eco U. *Articulations of the Cinematic Code, Movies and Methods*. Berkeley, University of California Press, 1976, pp. 590–607 (Russ. ed.: Eco U. O chleneniyakh kinematograficheskogo koda. In: *Stroenie filma. Nekotorye problemy analiza proizvedeniy ekrana*). Moscow, Raduga Publ., 1985, pp. 79–101).
6. Avanesov S. S. *Vizual semiotics of the city: perspective of the study of urban texts*. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [Praxema. Problems of Visual Semiotics], 2016, no. 4, pp. 9–22 (in Russian).
7. Saussure F. de. *Cours de linguistique*. Paris, Editions Payot and Revages, 2016. 426 p. (Russ. ed.: Sossyur F. de. *Zametki po obshchey lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1990. 280 p.).
8. Pers Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Principles of Philosophy]. Moscow, Logos Publ., 2000. 412 p. (in Russian).
9. Bartes R. *Mythologies*. Paris, Éditions du Seuil, 1957. 191 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, Izdatelstvo im. Sabashnikovykh, 1996. 314 p.).
10. Lotman Yu. M. Semiotics of culture and the concept of text. *Trudy po znakovym sistemam* [Works on Sign Systems], 1981, no. 9, pp. 7–26 (in Russian).
11. Avanesov S. S. What can be called visual semiotics? *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* [Praxema. Problems of Visual Semiotics], 2014, no. 1, pp. 10–22 (in Russian).
12. Arnheim R. *Film as art*. Berkeley, University of California Press, 1957. 238 p. (Russ. ed.: Arnkheim R. *Kino kak iskusstvo*. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1960. 173 p.).
13. Eco U. *La struttura assente*. Milano, T. Bompiani, 1980. 425 p. (Russ. ed.: Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 432 p.).
14. Elkins J. *The Visual Worlds: A Collection of Writing by James Elkins*. Oxford, Oxford University Press, 1972. 491 p. (Russ. ed.: Elkins Dzh. *Issleduya vizualnyy mir*. Vilnyus, EGU Publ., 2010. 534 p.).
15. Safonova A. V. The city is a living organism. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2011, no.12, pp. 148–152 (in Russian).

Cite this article as:

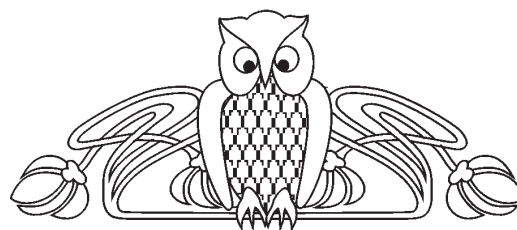
Kurokhtina S. R. The Visual Space of a City: A Semiotic Approach. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 364–368 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-364-368>

УДК 101.1:316

Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху

Е. В. Листвина, С. М. Фролова

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, listvamer@yandex.ru

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovasvetla777@yandex.ru

В статье рассматривается проблема взаимодействия поколений в формирующуюся цифровую эпоху. С внедрением в повседневную жизнь цифровых технологий складываются качественно новые условия существования социума, что отражается на данном процессе. Опираясь на следующую классификацию поколений – «книжное» поколение, «телевизионное» поколение, «интернет-поколение», – имеющих разные ценностные установки, специфические способы организации труда, коммуникаций, формирования ценностных представлений и приоритетов, разнообразных способы переживания бытия в целом, авторы исследуют характерные черты нового поколения. К ним относится проблема свободы и транспарентности существования в мире гаджетов. Рассматривается также проблема коммуникации в условиях наличия посредника-гаджета, устанавливающего свои правила социального взаимодействия, в том числе и короткие коммуникации, нацеленные на достижение дробных, быстрых целей, что приводит к ситуативности существования человека в цифровом мире. Следующая проблема, вытекающая из предыдущей, – это проблема личности и ее самоопределения, выражающаяся в наличии полиидентичностей. Четвертая характерная черта – это специфический способ получения информации. Для поколения рубежа веков характерны также отсутствие «большого героя» и отсутствие «большой цели», к которой стремился человек предыдущих поколений. В качестве способа достижения межпоколенческого консенсуса предлагается формирование полифигуративной культуры, в которой принимают участие все обозначенные поколения в равной степени.

Ключевые слова: цифровое общество, межпоколенческая коммуникация, полифигуративная культура.

Поступила в редакцию: 20.06.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>

Современная эпоха побуждает исследователей обращаться к проблеме изучения коммуникаций, в том числе и межпоколенческих,

так как с внедрением в повседневную жизнь цифровых технологий складываются качественно новые условия существования социума. Анализируя взаимодействие поколений в XX в., разные ученые предлагали свои критерии для их определения и разграничения. Так, многие исследователи опираются на предложенную в 1991 г. Н. Хау и У. Штрауссом теорию поколений, основанную на ценностных доминантах («The G.I. Generation», «The Silent Generation», «The Boom Generation», «Generation X», «The Millennial Generation», «The Homeland Generation») [1]. Отечественная исследовательница Е. Шамис применила их классификацию к специфическим российским условиям, соотнесла это с историческими событиями: поколение GI (поколение Победителей) (1900–1923); молчаливое поколение (1923–1943); поколение беби-бумеров (1943–1963); поколение X (Неизвестное поколение) (1963–1983); поколение Y (поколение Миллениум) (1983–2003) [2]. Также адаптировал поколения к российской действительности и П. Дейниченко, сделав больший акцент на конкретных исторических периодах: «Старики»: 1) поколение «ровесников века» (родившиеся около 1900 г.); 2) поколение «ровесников революции» (родившиеся около 1917 г.); «Взрослые»: 3) «военное» и «послевоенное» поколения (родившиеся в предвоенные годы, во время войны и сразу после); 4) поколение «оттепели» (родились в 1955–1965 гг.); «Молодежь»: 5) поколение «застоя» (родились после 1967 г.); 6) поколение 1990-х, без названия [3].

На наш взгляд, представляет интерес поколенческая идентификация казанских исследователей А. А. Ахметшиной, В. А. Беляева, О. А. Максимовой, которые в основу своей классификации положили способы получения информации [4]. По мнению авторов, это три поколения, которые качественно отличаются и все более отдаляются друг от друга: «книжное» поколение; «телевизионное» поколение; «интернет-поколение». Они принципиально не похожи друг на друга, имеют разные ценностные установки, специфические способы организации труда, коммуникаций, формирования ценностных представлений и приоритетов, в конце концов,

разные способы переживания бытия в целом. Таким образом, данная классификация учитывает поколение, родившееся в начале 2000-х и уже активно вступающее в социальную жизнь, которое называют поколением Z. В последнее время Z стало расшифровываться как зумеры, т. е. активно использующие различные платформы, сервисы в Интернете для разного рода общения, обучения и профессиональной деятельности. Также их называют цифровым поколением, сетевым поколением, так как его представители уже не могут себя видеть вне сетевых коммуникаций или же Smombie (соединение слов «смартфон» и «зомби», показывающее невозможность полноценного существования без гаджета или иного устройства) [5, с. 47]. Классификация казанских исследователей дает возможность упорядочить взаимодействие поколений X (поколения книги, переходящего к телевидению), Y (поколения телевидения, осваивающего Интернет и мобильные гаджеты) и Z (поколения, полностью погруженного в мир Сети, цифровых технологий).

И если до недавнего времени проблема социокультурных межпоколенческих коммуникаций в основном изучалась с позиций возможности представителей этих трех больших поколений, их качественно разного подхода к социокультурным жизненным основам, коммуницировать и устанавливать правила и формы общения, то сейчас все более остро встает проблема взаимодействия поколений Y и Z, для которых наступило время активного освоения мира. Данная проблема приобретает остроту еще и потому, что анализировать на научном языке ее пытаются в первую очередь люди «поколения книги» и «поколения телевидения», относящиеся, по пафосному, но справедливому по сути своей определению И. Г. Шестаковой, к «живым свидетелям эры До-интернета», единственного в своем роде поколения, которое соединило в себе восприятие нескольких технологических эпох [5, с. 47]. Таких поколений в истории действительно уже больше не будет. Это рубежные поколения, которые помнят условия существования до интернет-технологий, пережили освоение его технологических прорывных разработок и сталкиваются с поколениями, которые не понимают существования без Сети как естественного состояния социума. И если для предыдущих поколений интернет-технологии служили в первую очередь вспомогательным инструментом, то поколение Z – первое, которое использует данную среду практически как среду обитания, развлекаясь, обучаясь, общаясь, работая в ней. Но поскольку сами активные миллениалы и зумеры, «игреки» и «зеты» еще не так озабочены

стремлением к аналитике и обобщениям, их изучают предыдущие поколения, что придает особый смысл результатам исследования.

Действительно, современное общество имеет, по мнению Д. Рашкоффа, единственную возможность расширения и развития – это пространство медиа, исключительно технологичная среда, втягивающая в себя человека [6, с. 8]. И именно туда аккумулируются все новые активные молодые силы, ресурсы и знания, направлен весь активный ресурс человечества. Таким образом, мы действительно находимся в водоразделе, когда из мира книги, мира линейности, мира старой картины мира видим зарождение новой и, более того, с ней начинаем взаимодействовать посредством поколений Y и Z.

Хотелось бы отметить некоторые характерные черты, присущие новому поколению, изучение которых поможет формированию современных межпоколенческих коммуникаций.

На наш взгляд, это в первую очередь проблема свободы. Практически все предыдущие века данная тема была одной из актуальных, и поколение Y в западном обществе к концу XX в. ее получило в максимальной степени – в политических, социальных, интеллектуальных, гендерных аспектах. В начале XXI в. такая свобода перешла в некую инверсионную форму тоталитаризма гаджетов. То есть, с одной стороны, мы свободны в этом сетевом пространстве, которое делает близким и как бы доступным практически весь информационный мир. Но, с другой стороны, он слишком прозрачен (по аналогии с фильмом «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» хочется сказать: «этот прозрачный, прозрачный, прозрачный, прозрачный мир»). Мы реально становимся настолько видимы всему миру и всемогущим гаджетам, что встает вопрос: где же границы такой свободы? Мы вольны разговаривать со всем миром и видеть весь мир, но и сам мир смотрит на нас, посекундно отслеживая наши действия. Поколение Z как самый постоянный и естественный обитатель сетевой среды оказывается наиболее подверженным активному вниманию и воздействию модных брендов, сетевых компаний, развлекательных порталов. Казалось, это поколение спокойно воспринимает такой прозрачный способ существования, но в последнее время, осваивая и обживаясь в этой среде, принимая ее всеобъемлющие возможности, «зеты» начинают все же разграничивать ее, создавая в ней ниши «темных соцсетей», видимых не всем и позволяющих двигаться по зашифрованным каналам в узких группах по интересам [7].

Второй момент, который хотелось бы отметить, это проблема коммуникации. Если поколения

книги и телевидения все же взаимодействовали межличностно, выстраивая свои отношения с реальными людьми, и учитывали эту специфику, то теперь коммуникация все чаще происходит через посредника – гаджета. Конечно, инструментально это очень удобно, когда можно общаться практически одновременно и с дальними, и с ближними собеседниками, использовать аудио- и видеовозможности и, казалось бы, полностью стирать границы экрана. Но на самом деле эта экранная грань оказывается весьма прочной. Она устанавливает свои правила коммуникации, отдаляя коммуникаторов друг от друга, несмотря на то, что сетевое удаленное общение может быть гиперэмоциональным и аффективным. Отсутствие прямого общения приводит к гипертрофированным отношениям, порождает сетевые буллинг, троллинг, отличающиеся жестокостью и неудержимой агрессией, находящей потом продолжение в жизни. Как будто именно посредством жестокости сетевое поколение хочет убедиться в реальности своего существования. Причем не только и не столько старшее поколение оказывает давление на младшее, а наоборот, младшее – зумеры – становится более активным и разнообразным в вариантах преследования виртуального противника [8]. И даже сейчас, когда чат-боты становятся все более эмоциональными и расширяют свой тематический круг, такого рода коммуникации умаляют роль собственно человеческого общения и создают новый тип коммуникаций. Получается, что при возможности поговорить со всем миром люди все чаще оказываются либо предельно одиноки, либо заперты в замкнутый мир нескольких сетевых групп – с последующими психологическими и социальными проблемами.

Кроме того, мы можем сказать о коротких коммуникациях. Поколение гаджетов существует в ситуативно меняющихся моментах жизни и пока нацелено на достижение drobных, быстрых целей, что приводит к ситуативности существования человека в цифровом мире. Они, таким образом, ситуативно используют коммуникацию, не настраиваясь на длительное коммуникационное взаимодействие. Это подтверждается наличием разного рода коворкинг-мероприятий, разнообразных объединений для достижения разовых конкретных целей от развлекательных до профессиональных, как, например, научных грантов для реализации конкретной узкой задачи.

Следующая проблема, вытекающая из предыдущей, – это проблема личности и ее самоопределения. Не случайно сейчас много говорится о drobных идентичностях, о полиидентичностях, что приводит к тому, что в ряде стран предла-

гается идентификация по четырем полам, а не по двум. Слишком широкие возможности самоопределения и размывание личностных границ, воздействующие через гаджеты уже и на биологическую составляющую, все больше влияют на социальное положение, поведение индивида.

Четвертая характерная черта – это специфическое отношение к информации. Долгое время поколения людей книги и даже телевидения воспринимали информацию иерархизированно. Для каждого имелся свой путь в достижении информации – сложный, но привычный многим предыдущим поколениям и современникам. «Добыча» информации проходила довольно трудно, что позволяло индивиду психологически и биологически эту информацию в себе удерживать. Сейчас доступность информации приводит к тому, что новые поколения имеют укороченную, короткую память, поскольку им не нужно слишком глубоко внедрять информацию в собственную матрицу сознания – они всегда знают, что ее можно взять в любой момент. Для человека книги, может быть, это все еще кажется иллюзорным – мгновенный доступ к необходимому информационному пространству, но для человека эпохи гаджетов это во многом естественное состояние. Такая качественная разница может оказать более глубокое воздействие, чем нам сейчас кажется, на отношения между поколениями, поскольку это демонстрирует принципиально различный подход к способу бытия, к способу выстраивания последовательности действий и ожидания ее результата, разные степени технологичности взаимодействия, разное понимание свободы и разные задачи существования в целом.

В этом смысле и для «игреков», и для «зетов» характерны отсутствие «большого героя» и отсутствие «большой цели», к которой стремился человек предыдущих поколений. Дробное, ситуативное пребывание в настоящем моменте делает потребность в далеко идущих стремлениях нецелесообразным. Но если поколение рубежа веков, столкнувшись с таким отсутствием, серьезно переживало данный слом представлений, то современные «зеты», живущие в мире, где им постоянно говорят о быстрой смене отмирающих профессий, ценностей, условий жизни, приняли это как среду существования и стали формировать свою систему ценностей, свои представления о наполнении смысловой картины мира [9].

Пока еще поколение Z трудноуловимо и трудноопределимо по важнейшим антропологическим человеческим качественным характеристикам, потому что оно только вступает в активную жизнь, но они уже намечены. Также

можно отметить, что в силу быстрых темпов развития технологий современные сосуществующие поколения и следующие за ними, как ни удивительно, могут быть более далеки друг от друга, нежели предыдущие, потому что новый уровень технологий способен их в этом плане разъединять каждые 10 лет, как свидетельствуют первые десятилетия XXI в.

Чтобы понять, как же поступать в столь сложной и новой социокультурной ситуации, можно согласиться с В. З. Шурбе, которая, развивая систему М. Мид, предлагает в качестве следующего типа культуры полифигуративную культуру, где мы все можем так или иначе находить точки соприкосновения для существования и удерживания современной, достаточно пестрой, сложной картины мира, учитывающей взаимодействие качественно разных поколений [10]. Данный тип культуры акцентирует внимание взаимодействующих поколений на том, что они могут не только активно демонстрировать собственные отличия, но и учиться друг у друга. Здесь на первое место начинают выходить бытийные характеристики поколений с точки зрения возможности влияния на современное состояние общества и его развитие.

Таким образом, если в настоящее время одновременно исторически сосуществуют качественно различные поколения манифестирующих разнообразие картины мира и способы их реализации с точки зрения технологического обеспечения и онтологических смыслов, то одним из вариантов удержания общества в стабильном развитии и передаче основных традиций, позволяющих социуму двигаться дальше, может быть формирование полифигуративной культуры, в котором принимают участие все обозначенные нами поколения в равной степени.

Список литературы

1. *Howe N., Strauss W.* Generations : The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y. : Quill William Morrow, 1991. 544 p.
2. *Шамис Е., Антупов А.* Теория поколений. URL: <https://psycho.ru/library/2581> (дата обращения: 20.05.2020).
3. *Дейниченко П.* XXI век. История не кончается. М.: ОЛМА-Пресс, 2000. 350 с.
4. *Ахметшина А. А., Беляев В. А., Максимов О. А.* Воздействие информационных технологий на преемственность и конфликт между реальными и условными поколениями // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 3. С. 134–139.
5. *Шестакова И. Г.* Живые свидетели эры До-интернета // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 47–51.
6. *Раишкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М. : Ультра-культура, 2003. 363 с.
7. *TikTok, видеоигры и «темные» соцсети : как поколение Z ведет себя в интернете и что нужно сделать брендам, чтобы привлечь их внимание.* URL: <https://esquire.ru/style-and-grooming/148634-tiktok-videoigry-i-temnye-socseti-kak-pokolenie-z-vedet-sebya-v-internete-i-cto-nuzhno-sdelat-brendam-chtoby-privlech-ih-vnimanie/#part3> (дата обращения: 05.06.2020).
8. *Поколенческие войны : зумеры издеваются над миллениалами в соцсетях.* URL: <https://esquire.ru/articles/186233-pokolencheskie-voyny-zumery-izdevayutsyanad-millennialami-v-socsetyah/#part0> (дата обращения: 05.06.2020).
9. *Евгения Шамис, специалист по теории поколений, – о поколении Z, страхах и агрессии двадцатилетних и Грете Тунберг.* URL: <https://esquire.ru/articles/128732-evgeniya-shamis-specialist-po-teorii-pokoleniy-o-pokolenii-z-strahah-i-agressii-dvadcatiletnih-i-grete-tunberg/#part0> (дата обращения: 05.06.2020).
10. *Шурбе В. З.* Поколение как субъект взаимодействия и объект формирования // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 155–160.

Образец для цитирования:

Листвина Е. В., Фролова С. М. Социокультурные аспекты межпоколенческих коммуникаций в цифровую эпоху // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 369–373. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>

Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age

E. V. Listvina, S. M. Frolova

Evgeniya V. Listvina, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, listvamer@yandex.ru

Svetlana M. Frolova, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasvetla777@yandex.ru

The article deals with the problem of interaction between generations in the emerging digital age. With the introduction of digital technologies into everyday life, qualitatively new conditions for the existence of society are formed, what affects the interaction of generations. Based on the following classification of generations – the “book” generation, the “TV” generation, the “Internet” generation – which have different value attitudes, specific ways of organizing work, communication, forming value ideas and priorities, different ways of experiencing life in general, the authors explore the characteristic features of a new generation. These include the problem of freedom and transparency of existence in the world of gadgets. The article also discusses the problem of communication

in the presence of an intermediary – a gadget that sets its own rules of social interaction, including short communications aimed at achieving fractional, rapid goals, what leads to the situativeness of human existence in the digital world. The next problem that follows from the previous one is the problem of personality and its self-determination, which is expressed in the presence of polyidentities. The fourth characteristic feature is a specific way of getting information. The turn-of-the-century generation is also characterized by the absence of a “big hero” and the absence of a “big goal” that people of previous generations aspired to. As a way to achieve intergenerational consensus, we propose the formation of a multi-figurative culture in which all the generations which we have identified participate equally.

Keywords: digital society, the intergenerational communication, polyfigurative culture.

Received: 20.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11. 2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, Quill William Morrow, 1991. 544 p.
2. Shamis E., Antipov A. *Teoriya pokolenii* (The theory of generations). Available at: <https://psycho.ru/library/2581> (accessed 20 May 2020) (in Russian).
3. Deynichenko P. *XXI vek. Istoriya ne konchaetsya* [XXI century. The history doesn't end]. Moscow, OLMA-Press Publ., 2000. 350 p. (in Russian).
4. Ahmetshina A. A., Belyaev V. A., Maksimova O. A. The Impact of Information Technology on the Continuity and Conflict Between Real and Conditional Generations. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2018, no. 3, pp. 134–139 (in Russian).
5. Shestakova I. G. Living Witnesses of the Age to-Internet. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2017, no. 1, pp. 47–51 (in Russian).
6. Rushkoff D. *Media Virus!* N.Y., 1994. 368 p. (Russ. ed.: Rashkoff D. *Mediavirus. Kak pop-kul'tura tayno vozdeystvuet na vashe soznanie*. Moscow, Ultra-Kultura Publ., 2003. 363 p.).
7. *TikTok, videoigry i «temnye» sotsseti: kak pokolenie Z vedet sebya v internete i chto nuzhno sdelat' brendam, chtoby privlech' ih vnimanie* (TikTok, video games and “dark” social networks: how generation Z behaves on the Internet and what brands need to do to attract their attention). Available at: <https://esquire.ru/style-and-grooming/148634-tiktok-videoigry-i-temnye-socseti-kak-pokolenie-z-vedet-sebya-v-internete-i-chto-nuzhno-sdelat-brendam-chtoby-privlech-ih-vnimanie/#part3> (accessed 5 June 2020) (in Russian).
8. *Pokolencheskie voyny: zumery izdevayutsya nad millenialami v sotssetyah* (Generational wars: zomers mock millennials in social networks). Available at: <https://esquire.ru/articles/186233-pokolencheskie-voyny-zumery-izdevayutsya-nad-millenialami-v-socsetyah/#part0> (accessed 5 June 2020) (in Russian).
9. *Evgeniya Shamis, spetsialist po teorii pokoleniy, – o pokolenii Z, strahah i agressii dvadcatiletnih i Grete Tunberg* (Evgenia Shamis, a specialist in generational theory, about generation Z, the fears and aggression of twenty-year-olds and Greta Thunberg). Available at: <https://esquire.ru/articles/128732-evgeniya-shamis-specialist-po-teorii-pokoleniy-o-pokolenii-z-strahah-i-agressii-dvadcatiletnih-i-grete-tunberg/#part0> (accessed 5 June 2020) (in Russian).
10. Shurbe V. Z. Generation as subject of interaction and object of formation. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [The Siberian Pedagogical Journal], 2012, no. 8, pp. 155–160 (in Russian).

Cite this article as:

Listvina E. V., Frolova S. M. Sociocultural Aspects of Intergenerational Communications in the Digital Age. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 369–373 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-369-373>

УДК 140.8

Евразийская миграция: механизмы и принципы глобальной миграциосферы

А. А. Матвеев

Матвеев Алексей Александрович, аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, matveffal@mail.ru

В центре внимания автора статьи – евразийские миграционные процессы, рассмотренные через призму трех миграционных моделей, а также их влияние на демографическую и социокультурную динамику. Актуальность поставленной проблемы заключается в определении взаимосвязи феномена миграции и демографического кризиса на континенте; цель – найти точки соприкосновения различных миграционных моделей в поиске путей преодоления демографического кризиса. Для решения проблемы были применены компаративный и системный подходы. Новизна статьи состоит в формировании дискурса глобальной миграциологии, масштабировании пространства миграционных процессов, обосновании их системной, комплексной природы. Значение исследования раскрывается в гипотезе о концептуальном (системоопределяющем) месте России в евразийской миграциосфере. Показано, что резервы миграционной устойчивости связаны прежде всего с противоречивым положением, которое характеризуется, с одной стороны, огромным миграционным потенциалом, а с другой стороны, изоляционной европейской миграционной политикой. Верификация эффективности миграционной модели, при которой минимизируется «утечка мозгов» при концентрации профессионалов внутри странового пространства, и одновременно «вливание» новых трудовых ресурсов возможны в рамках реальной миграционной политики. При этом гармоничная миграционная политика даст ответ – краткосрочная эта перспектива или устойчивый процесс развития.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, миграционное взаимодействие, мусульмане, демографический кризис, миграционная модель, миграционная политика.

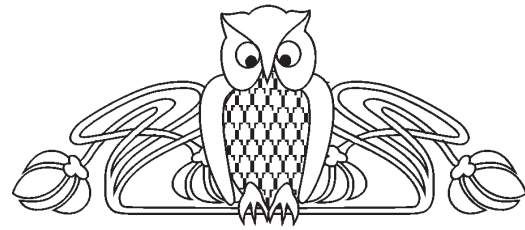
Поступила в редакцию: 27.04.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

Мировая миграция: реалии прошлого и тренды настоящего

Европейская миграция и колонизация Нового Света начались в XVI в. и набрали обороты на стыке XVIII–XIX вв. Движущими социальными группами мигрантов оказались в первую очередь евреи и гугеноты, которые стремились избежать преследования по экономическим причинам, или рабочие, для которых сезонная, или маятниковая, миграция была обычным явлением в жизни в XVII и XVIII вв.

Особая фаза международной (в частности европейской) миграции связана с ростом США как промышленной державы и индустриализацией Австралии и Новой Зеландии. Мигранты стремились избежать бедности и политически репрессивных режимов в своих странах, мотивируя это перспективой экономических возможностей. По оценкам, в период с 1800 по 1930 г. Европу покинули около 48 млн чел. [1].

Внутриафриканская миграция также имеет богатую историю. Мобильность населения доколониального периода была, как правило, продиктована инстинктом выживания и имела целью поиск новых районов проживания и охоты, сельскохозяйственных или скотоводческих угодий, а также поиск сакральных топосов (например, для паломничества). Одной из движущих сил афроамериканской и афроамериканской миграции стала торговля. Первый рабовладельческий корабль отплыл из Африки в Вест-Индию в 1550 г., чтобы удовлетворить потребность в рабочей силе на плантациях сахара и табака, принадлежащих белым поселенцам. По современным оценкам, более 10 млн африканцев были насильственно вывезены из Западной Африки в Америку в качестве рабов [2].

Азиатская миграция была во многом обусловлена торговым дискурсом. Арабские и китайские торговцы путешествовали по морю на Малайский полуостров, на индонезийский и филиппинский архипелаги. Существовали хорошо налаженные торговые пути между Индией, Аравийским полуостровом и Западной Африкой. Циркулярная миграция была обычной трудовой жизнью для кузнецов, акробатов и певцов, которые путешествовали небольшими социальными группами в Южной Азии.

Вторая мировая война во многом изменила природу мировой миграции: после ее окончания рабочая сила была необходима для послевоенного восстановления Европы и для обслуживания экономического бума в Европе. Мигранты из бывших колоний в Карибском бассейне и Южной Азии ехали искать работу в Британию, мигранты из Турции – в Германию, а североафриканские мигранты устремились во Францию.

Так, сформированный столетиями, основной миграционный тренд остался практически

неизменен: он цикличен и выражен поиском (не учитывая насильственную миграцию) лучшей среды обитания. Изменения касаются в основном ее («темпоральной») формы: в отличие от более ранних этапов (XVI–XIX вв.), когда миграция с большей вероятностью заканчивалась постоянным поселением, в XX в. преобладают временная и маятниковая миграции.

Для XX в. характерны три фазы миграционного процесса. Ранняя – неоклассический вид, миграция рассматривается как индивидуальное решение для максимизации дохода. Индивиды фокусируются на различиях в заработной плате и условиях занятости в разных странах; выгодах собственно миграции. На стыке веков миграция уже рассматривается как следствие факторов притяжения и толчка, которые создаются природой современной индустриальной экономики в растущей глобальной экономике и как естественное следствие экономической глобализации. Вторая фаза – следствие двух кровопролитных войн и как факт – вынужденная миграция, основанная на отсутствии трудовых сил на территориях ликвидации «следов войны». Третья фаза является следствием постмодернизма. Для нее характерно прекращение насильственного перемещения, наоборот, происходят реэмиграции, а в свободной миграции к экономическим предикатам прибавляются культурные факторы. Так, например, люди стали чаще потреблять общие культурные формы, такие как музыка или фильмы, и разделять культурные ценности по всему миру. Следовательно, такая культурная глобализация заставляет их ощущать социокультурные дисбалансы и, как следствие, мигрировать.

«Солнечная» и теневая миграция: мозаика «восточных моделей»

С середины 1960-х гг. в большинстве стран Ближнего Востока произошел «демографический переход», который привел к ускорению роста народонаселения. В период с 2005 по 2015 г. число мигрантов, живущих на Ближнем Востоке, увеличилось более чем вдвое – с 25 до 54 млн [3]. Экономика стран Персидского залива заметно интенсифицировалась: экономическое развитие в таких странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Оман, Катар и Бахрейн привлекло миллионы мигрантов. Израиль в связи с репатриацией «избранного народа» стал популярным пунктом назначения для мигрантов, отчасти из-за возможностей трудоустройства.

В целом феномен миграции на Востоке следует анализировать через призму «стратегии выживания». Интенсивность эмиграционного всплеска на Ближнем Востоке, особенно после

2011 г., стала следствием масштабирования вооруженных конфликтов и вынужденного перемещения миллионов людей, многие из которых покинули свои страны рождения из-за страха смерти. Экспоненциальный рост числа людей, ищущих убежища и новые источники средств к существованию, превратил Ближний Восток в мировой регион с наиболее быстро растущей международной миграцией и насильственно перемещенным населением.

При отсутствии легальных путей миграции в данной ситуации возрастает роль проводника (гида) – представителя теневой инфраструктуры миграции. Контрабандисты считают себя ценными членами своих общин, ибо они предоставляют жизненно необходимый сервис; видят свой функционал не только в «движении людей», но и в обеспечении социальных связей. Многие из них испытывают чувство гордости за свою работу и репутацию среди населения: «Мы ведем их детей и молодежь в безопасное место, туда, где они могут работать и отправлять деньги обратно» [4]. Некоторые исследователи полагают, что здесь следует вести речь об определенной форме самосекьюритизации – самостоятельном обеспечении финансовой и физической безопасности в условиях, когда власть оказывается не в состоянии защитить своих подданных от комплексных рисков и угроз [5].

Отсутствие ощущения достойного и стабильного будущего, наличие устойчивых связей с диаспорой за рубежом, коррупционная составляющая государственных акторов миграционной политики, способствующая «легитимации» контрабандных миграционных сетей, отсутствие политики по реинтеграции имеют решающее значение для неконтролируемой и неуправляемой миграции на Ближнем Востоке.

Европейское миграционное «возрождение»: политики и практики

В 2015 г. попытка ЕС ввести обязательные квоты для беженцев привела к огромным волнениям внутри блока: Польша и Венгрия вообще отказались участвовать в программе. В дальнейшем невнятная миграционная политика и увеличение потока беженцев вызвали среди всего европейского населения антииммиграционные (и, наверное, антимиграционные) настроения, с последствиями которых европейские политики пытаются справиться по сей день. Большинство из них признают слабые стороны проводимого в отношении беженцев курса, но оказалось очень трудным договориться об альтернативе, которая соответствует международным конвенциям и способна получить достаточную политическую поддержку.

Предпосылки для изменения курсов существующих европейских политических партий имеют двойную аспектацию. Во-первых, они видят растущий скептицизм среди части населения к тому, что воспринимается как неконтролируемая миграция, и опасаются, что избиратели обратятся к антиэмиграционным партиям, если не докажут и не продемонстрируют серьезного отношения к данной проблеме. Во-вторых, многие страны все больше обеспокоены тем, что предыдущая политика в отношении беженцев имела серьезные гуманитарные последствия.

Результатом переосмысления проблемы стихийной миграции стало формирование «превентивной миграционной парадигмы», таким стало соглашение между Турцией и ЕС, устанавливающее неукоснительные требования к мигрантам: прибыл без действительных документов – будешь отправлен обратно. Турция при этом получила от ЕС 6 млрд евро на обслуживание беженцев в пределах ее границ. В планах европейских политиков заключить аналогичные соглашения с некоторыми странами за пределами Европы, в частности в Африке. Другим примером имплементации указанной парадигмы стала встреча в 2019 г. ЕС и Лиги арабских государств по вопросам беженцев и миграции. Итогом целеполагания встречи должно было стать согласие африканских стран (в первую очередь Египта, Туниса и Марокко) принимать беженцев, которые будут возвращены из Европы.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от азиатских миграционных стимулов «африканская миграционная угроза» несет джихад, который активно «поглощает» страны Сахельского региона. До сих пор отсутствие стабильности на перешейке юга и севера Африки не являлось причиной массовой миграции в Европу. Однако стоит помнить, что страны Сахеля имеют самый большой прирост населения: «суммарный коэффициент рождаемости – 6–7 детей на женщину, а в некоторых странах Африки к югу от Сахары и выше», и нет никаких сомнений в том, что «черный континент» не сможет их всех прокормить [6].

Уже сейчас мы можем отметить рост количества мусульман в странах ЕС и разворачивание соответствующих умонастроений: «во многих европейских странах исламский экстремизм неуклонно наращивает свой потенциал, формируя угрозы и вызовы безопасности всему континенту» [7]. «По прогнозам ученых, к 2027 году каждый пятый француз будет мусульманином, и всего лишь через 39 лет Франция станет исламской страной» [8].

Таким образом, быстрорастущее население Африки, интенсивный экономический рост, инициативы по региональной интеграции, направленные на облегчение передвижения граждан и изменение климата, являются факторами, которые могут способствовать увеличению миграции и мобильности рабочей силы в Африке к югу от Сахары. ЕС пока эффективно использует метод кнута и пряника – «сочетание положительных и отрицательных стимулов»: информирует партнеров о вознаграждении за сдерживание оттока мигрантов и беженцев из своих стран и наказании за неисполнение обязательств. Тем временем лицо Европы меняется, а вместе с ним трансформируются и переопределяются «европейские ценности».

Россия в глобальной миграциосфере

После распада СССР Россия волею судьбы стала центром громадной миграционной системы постсоветского пространства. От 30 до 80% мигрантов приезжают в Россию на постоянное место жительства или в поисках временной трудовой занятости. В период с 1992 по 2017 г. в Россию прибыли более 11 млн иммигрантов, подавляющее большинство – из бывших советских республик. По этому показателю Россия входит в первую пятерку стран мира по численности международных мигрантов, родившихся за рубежом. Степень трудовой миграции в России даже во время нынешнего экономического кризиса остается одним из самых значительных в Европе, также Россия входит в лидирующую десятку стран привлечения иностранных студентов.

Включенность России в международные миграционные процессы обусловлена среди прочего ее географическим положением: между богатым Севером и бедным Югом [9]. Наблюдается феномен «вытесняющей миграции», когда граждане при отсутствии возможности реализовать свой потенциал нацелены мигрировать в страны, предоставляющие такую альтернативу. Это необходимо, прежде всего, для реализации внутренних целей и желания долгосрочной стабильности. В то же время приток мигрантов держится на постоянно высоком уровне и не всегда эта миграция является окончательной. Часто мигранты считают ее отправной точкой для движения дальше, их конечная цель – одна из стран ЕС.

Подобное повышение статуса России в глобальной миграциосфере до ранга «крупного игрока» обуславливается двумя факторами – внутренним и внешним. Внутренний фактор (демоэкономический) – низкая средняя (поселенче-

ская) плотность населения, умноженная на демографический кризис, повлекший уменьшение трудовых ресурсов и увеличение потребностей в рабочей силе. Внешний фактор (эко-антропологический) – общий миграционный потенциал россиян и титульных этносов с территории бывших стран СНГ, который в среднесрочной перспективе может составить около 3–4 млн чел. Будут ли эти мигранты ориентированы на Россию и предпочтут остаться здесь или уехать в другие страны для проживания, во многом будет зависеть от социальной и экономической ситуации в России и российской миграционной политики.

Заключение

Россия аналогично ЕС находится в ситуации «двух зол»: проблемы демографического кризиса и фактора кадрового голода. Поскольку ЕС является центром промышленности, а Россия сейчас все больше полагается на ресурсно-добывающую парадигму в экономике, структуры обеих сторон являются взаимодополняющими и могут расти вместе, даже когда они конкурируют за скудное количество специалистов. При этом прослеживается усиление связи и влияния Российской Федерации со странами постсоветского пространства, равно как и со странами Ближнего Востока, которые демонстрируют миграционный потенциал, что дает неоспоримое преимущество в разрешении демографического кризиса. Вместе с тем российская общественность проявляет огромный интерес к Западу, его народной культуре, экономическим достижениям, символам статуса и образа жизни. Сравнивая миграционные модели, можно отметить некоторые характерные отличия. Так, восточная миграция является нерегулируемой, отсутствуют государственные институты управления, более того, правительства стран Ближнего Востока нарочито «закрывают глаза» на проблему миграции. Тем самым при отсутствии рабочих мест на внутреннем рынке труда лоббируют внешнюю мобильность своих граждан.

Современная тенденция западной миграционной модели – это строгий отбор квалифицированных специалистов, балльная миграционная система и максимальный уровень регулирования всеми миграционными потоками. Исходя из этого, Россия, находясь между полюсами миграционных моделей, может «разыграть свою

карту», а значит решить внутренние проблемы, касающиеся демографического кризиса, закрытия вакансий непрестижных и низкооплачиваемых должностей, что усилит внутреннюю экономику и национальную безопасность.

Не стоит забывать, что регулирование миграции должно быть согласовано с концепцией демографического развития стран, необходимо также обеспечивать социально-культурную и геополитическую безопасность. В связи с этим миграция не должна быть социальным дестабилизатором общества. Общая миграционная политика, открытие границ и реальность большего открытого европейско-российского пространства станет общим успехом в решении демографического кризиса и кадровой проблемы.

Список литературы

1. *Mitchell B., Deane P.* Abstract of British Historical Statistics. Cambridge, 1962. 325 p.
2. *Massey D., Arango J., Koukousei A., Pellegrino A., Taylor A.* Worlds in Motion : Understanding International Migration at the End of the Millennium // *Economic Geography*. 1998. Vol. 77, iss. 3. P. 312–314.
3. International migrant stock : The 2017 revision. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (дата обращения: 01.04.2020).
4. *Abdullah M., Nimkar R., Savage E.* “We Are the Ones They Come to When Nobody Can Help” Afghan Smugglers’ Perceptions of Themselves and Their Communities // *Migration Research Series*. Geneva, 2019. Vol. 56. P. 3–20.
5. *Baser B., Halperin A.* Diasporas from the Middle East : Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 46, iss. 2. P. 215–221.
6. *Sanchez G., Zhang Sh.* Rumors, Encounters, Collaborations, Survival : The Migrant Smuggling-Drug Trafficking Nexus in the U.S. Southwest // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 676, iss. 1. P. 135–151.
7. *Добаев И. П.* Ислам и миграции в Европе : провал политики мультикультурализма // *Мусульманский мир*. 2015. № 4. С. 40–54.
8. *Ситохова А.* Исламизация Европы // *Россия и мусульманский мир*. 2013. №11 (257). С. 133–138.
9. *Бекяшев Д. К.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. М. : Проспект, 2016. 392 с.

Образец для цитирования:

Матвеев А. А. Евразийская миграция: механизмы и принципы глобальной миграциосферы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 374–378. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

Eurasian Migration: Mechanisms and Principles of the Global Migratiosphere

A. A. Matveev

Aleksey A. Matveev, <https://orcid.org/0000-0001-9755-1914>, Ivanovo State University, 39 Ermaka St., Ivanovo 153000, Russia, matvefal@mail.ru

The article focuses on Eurasian migration processes, seen in the context of three migration models, as well as their impact on demographic and sociocultural dynamics. The actual problematization of the article is to determine the relationship between the phenomenon of migration and the demographic crisis on the continent. The author sets a goal to find common ground between various migration models in the search for ways of overcoming the demographic crisis. To solve the problem, comparative and systems approaches were applied. The relevance and novelty of the article consist in the formation of the discourse of global migration science, the scaling of the space of migration processes and the justification of their systemic, complex nature. The significance of the study is revealed in the hypothesis of the conceptual (system-determining) place of Russia in the Eurasian migration sphere. It is shown that the reserves of migration stability are associated primarily with the controversial situation, which is characterized, on the one hand, by a huge migration potential, and, on the other hand, by an isolated European migration policy. Verification of the effectiveness of the migration model, in which "brain drain" is minimized together with the concentration of professionals within the country space, and, at the same time, "infusion" of new labor resources are possible within the framework of a real migration policy. At the same time, a harmonious migration policy will give an answer, whether it is a short-term perspective or a sustainable development process.

Keywords: migration, the migration process, migration interaction, Muslims, the demographic crisis, the migration model, migration policy.

Received: 27.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Mitchell B., Deane P. *Abstract of British Historical Statistics*. Cambridge, 1962. 325 p.
2. Massey D., Arango J., Koukousei A., Pellegrino A., Taylor A. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. *Economic Geography*, 1998, vol. 77, iss. 3, pp. 312–314.
3. *International migrant stock: The 2017 revision*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (accessed 01 April 2020).
4. Abdullah M., Nimkar R., Savage E. "We Are the Ones They Come to When Nobody Can Help" Afghan Smugglers' Perceptions of Themselves and Their Communities. *Migration Research Series*, Geneva, 2019, vol. 56, pp. 3–20.
5. Baser B., Halperin A. Diasporas from the Middle East: Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, iss. 2, pp. 215–221.
6. Sanchez G., Zhang Sh. Rumors, Encounters, Collaborations, Survival: The Migrant Smuggling-Drug Trafficking Nexus in the U.S. Southwest. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, vol. 676, iss. 1, pp. 135–151.
7. Dobaev I. P. Islam and Migration in Europe: The Failure of Multiculturalism Policy. *Musul'manskiy Mir* [The Muslim World], 2015, no. 4, pp. 40–54 (in Russian).
8. Sitokhova A. Islamization of Europe. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim World], 2013, no. 11 (257), pp. 133–138 (in Russian).
9. Bekyashev D. K. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoy i trudovoy migratsii* [International legal regulation of forced and labor migration]. Moscow, Prospect Publ., 2016. 392 p. (in Russian).

Cite this article as:

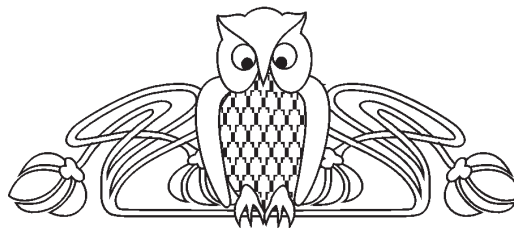
Matveev A. A. Eurasian Migration: Mechanisms and Principles of the Global Migratiosphere. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 374–378 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

УДК 17:177

Наследницы Ганди: от лесной сатьяграхи к Чипко

Д. В. Михель, И. В. Михель

Михель Дмитрий Викторович, доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, dmitrymikhel@mail.ru

Михель Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, irinamikhel@yandex.ru

В статье исследуется роль идейных наследниц Махатмы Ганди в развитии его учения о духовном сопротивлении насилию – сатьяграхе. Большое внимание уделяется истории превращения кампаний лесной сатьяграхи, характерной для периода борьбы Индии за независимость, в социальное движение Чипко, возникшее в период Независимости. Анализируется вклад «двух английских дочерей» Ганди – Миры Бен и Саралы Бен и индианки Ванданы Шивы в переформулирование целей для лесной сатьяграхи. Мира Бен заявляет о необходимости прекращения вырубки гималайских лесов в связи с опасностью наводнений и нанесения экономического ущерба сельским общинам. Сарала Бен обсуждает опасность модернизаторской концепции развития и противопоставляет ей тезис о важности сохранения климатического баланса в северной Индии для предотвращения засух и наводнений. Вандана Шива, резюмируя опыт лесной сатьяграхи и Чипко, говорит о приоритете устойчивого развития над стратегией экономического роста. Творческое развитие идей Ганди применительно к проблеме защиты индийских лесов и выживания сельских общин, осуществленное тремя наследницами Ганди, имеет важное значение для создания устойчивого мира, особенно в условиях высоко интегрированной глобальной экономической системы.

Ключевые слова: Махатма Ганди, лесная сатьяграха, Мира Бен, Сарала Бен, Чипко, Вандана Шива, устойчивое развитие.

Поступила в редакцию: 15.05.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-379-384>

Личность Махатмы Ганди (1869–1948) и дело, которому он посвятил свою жизнь, неизменно притягивали к нему людей, видевших в нем не только влиятельного политического деятеля, но и великого гуру – учителя, способного научить тому, как правильно жить. Ганди изобрел сатьяграху – практику духовного сопротивления

насилию, ставшую победоносным средством борьбы индийского народа против британского колониализма и связанной с ним политики эксплуатации природных ресурсов Индии. Философский и политический опыт Ганди показал, что, становясь делом сравнительно небольшой группы людей, сатьяграха способна привлечь на их сторону многотысячные отряды приверженцев; оружие сатьяграхов – их нравственная правота и готовность переносить страдания перед лицом более могущественного противника [1].

После смерти Ганди и достижения Индией независимости гандистская сатьяграха не утратила своей значимости и получила новое развитие в рамках движения Чипко, возникшего в связи с необходимостью сохранения лесов на севере Индии. Важную роль в мобилизации философских идей Ганди в новых исторических условиях сыграла небольшая группа последователей Ганди, в том числе три женщины – две его «английские дочери», известные как Мира Бен и Сарала Бен, и индианка Вандана Шива. В статье предлагается обсудить их вклад в творческое развитие идей Ганди применительно к проблеме защиты индийских лесов и выживания сельских общин.

Лесная сатьяграха

В своей книге «Хинд Сварадж» (1909 г.) Ганди писал, что сатьяграха опирается на древнюю индийскую традицию несотрудничества с властями: «В Индии народ в целом использовал пассивное сопротивление во всех сферах жизни. Мы перестаем сотрудничать с нашими правителями, когда они нам не нравятся» [2, с. 51]. Утверждая, что практика духовного сопротивления насилию имеет свои основания в индийском историческом опыте, он придал ей новый импульс. В своих публикациях Ганди осуществил философское обоснование сатьяграхи. Благодаря его личным усилиям сатьяграха стала самым распространенным средством сопротивления индийцев британским властям в период борьбы за независимость.

Свою первую сатьяграху Ганди провел в 1917 г. в Чампаране, Бихар, возглавив протест крестьян против навязанной им несправедливой арендной платы на землю. За этим последовала сатьяграха в Кхеде, Гуджарат, где по его призыву местные жители нарушили запрет властей, собрав

лук с собственных полей [3, с. 341–369]. Ганди обучал крестьян и ремесленников по всей Индии ведению сатьяграхи, показывая, что она является лучшим средством сопротивления несправедливым законам. Самой известной кампанией была «соляная сатьяграха» (12 марта – 6 апреля 1930 г.) в Данди, Гуджарат, где народ во главе с Ганди, нарушив британский закон о соли, занялся ее выпариванием из морской воды. Широкое освещение данной акции в прессе привело к тому, что сатьяграха окончательно превратилась в способ борьбы народа за свои интересы.

На этом фоне распространились и кампании «лесной сатьяграхи». Они стали ответом на Лесной закон 1927 г., запрещавший крестьянам использовать древесину и прочие дары леса, если он был передан в коммерческую разработку какому-либо крупному арендатору. Практика сдачи лесов в аренду британским предпринимателям возникла в 1860-е гг. В течение столетия это привело к уничтожению лесов в разных частях страны и лишило простых сельских жителей возможности удовлетворять свои хозяйственные потребности. К моменту, когда начались гандистские кампании сатьяграхи, конфликт между сельским населением и властями по поводу использования лесных ресурсов уже назрел. Он перерос в открытое неповиновение, когда стало известно об успехах «соляной сатьяграхи». В 1930–1931 гг. жители горных районов Индии смело нарушали Лесной закон и пользовались ресурсами «заповедных лесов» по своему усмотрению. Британские власти пытались подавить сатьяграху в лесах, прибегая к насилию. 30 мая 1930 г. в гималайской деревушке Тилари, на берегу Ямуна (княжество Тихри-Гархвал) десятки участников сатьяграхи были расстреляны и сотни ранены. В 1944 г. в тюрьме после 84 дней голодовки скончался Шри Дев Суман – один из «солдат сатьяграхи» в Тихри-Гархвале [4, с. 6]. Тем не менее ценой многих жертв участникам лесной сатьяграхи удалось восстановить некоторые традиционные права сельских общин на лесные продукты, важные для их выживания.

Вплоть до самого обретения Индией независимости кампании лесной сатьяграхи вспыхивали в разных частях страны и подвергались жестокому подавлению со стороны властей. После обретения страной независимости они должны были бы прекратиться, однако этого не произошло, поскольку лесная сатьяграха постепенно приняла новое содержание: вместо того, чтобы требовать от властей права на пользование лесными ресурсами, приверженцы гандистских методов сопротивления стали требовать умень-

шения экологических издержек, связанных с коммерческими лесоразработками, и защиты права общин на выживание. Выражением нового подхода к борьбе против уничтожения лесов стал лозунг «Леса несут почву, воду и чистый воздух – основу для жизни», который был сформулирован в декабре 1977 г. во время очередной кампании сатьяграхи в Адвани, округ Гархвал, в Гималаях [4, с. 7].

Мира Бен

Трансформация целей лесной сатьяграхи началась в первые годы Независимости. Важную роль в этом сыграла Медлен Слейд (1892–1982) – первая из «английских дочерей» Ганди. Узнав от Ромена Роллана о Ганди, эта яркая интеллектуалка из Англии отправилась в Индию, чтобы стать его ученицей. Прибыв туда в 1925 г., она получила от Ганди новое имя – Мира Бен, «сестра Мира», – и стала жить в ашраме, где усвоила аскетический образ жизни, вегетарианство и ежедневную работу за прялкой. Оказавшись в Индии в самый разгар борьбы за независимость, она приняла участие в самых важных кампаниях сатьяграхи. В 1931 г. Мира Бен сопровождала Ганди в его поездке в Лондон для участия в переговорах с правительством по поводу конституционных реформ для Индии. В том же году из-за участия в сатьяграхе она была арестована и помещена в тюрьму. В 1934 г. Мира Бен посетила США и вела переговоры с американскими политиками, призывая их поддержать Индию в ее борьбе за независимость. Изучив хинди, она занималась агитацией среди сельских женщин, мобилизуя их для поддержки Ганди и его идей. Именно такая работа способствовала быстрому росту популярности Ганди в самых глухих районах.

С 1942 по 1944 г. вместе с Ганди и целой группой его соратников Мира Бен вновь была заключена в тюрьму, где стала свидетельницей смерти жены Ганди – Кастурбай – и его личного секретаря Махадева Десаи. Фактически после их смерти она стала главной опорой для Ганди в последние годы его жизни. Все самые важные исторические события 1945–1947 гг., связанные с обретением Индией независимости, проходили с ее участием. Своими глазами она увидела и смерть учителя, застреленного 30 января 1948 г. в Нью-Дели. Недавно была опубликована ее переписка с Ганди [5].

После смерти Ганди Мира Бен отправилась на север страны, в Уттаракханд, где основала два ашрама – Пашулок близ Ришикеша и Гопал на берегу Бхиланганы. Там она наряду с йогой

занималась общественной работой и разводила коров, которых доила собственными руками. Погружение в сельскую жизнь позволило ей не только исполнить заветы учителя, но и глубже познакомиться с жизненными нуждами окраин Индии. В Гималаях в центре ее внимания оказался процесс уничтожения древних лесов, начавшийся еще при британцах и продолжающийся с одобрения нового индийского правительства. Предвидя его катастрофические последствия, она решила бороться с этим. В 1952 г. Мира Бен направила снабженное фотографиями письмо о происходящем премьер-министру Джавахарлалу Неру, требуя остановить вырубку леса. Позднее это письмо было опубликовано под названием «Что-то не так в Гималаях». В нем Мира Бен указала на процесс вырубki гималайского дуба Банж и замены его посадками сосны Чиль, которая, с коммерческой точки зрения, обладает большей ценностью и рассматривается индийским правительством как источник дохода в казну. По мнению Миры Бен, такой взгляд является в корне ошибочным, ибо упускает из виду последствия для гималайской экосистемы. Леса, состоящие из этих коммерчески малоценных деревьев, на самом деле являются настоящим щитом против водных потоков, которые в период ежегодных муссонов обрушиваются с горных вершин. Их опавшая листва образует богатую перегноем почву на горных склонах, на которой произрастает густой подлесок, способный впитывать большие объемы воды и затем медленно испарять ее в атмосферу. Напротив, культивирование на месте дуба гималайской сосны не дает такого эффекта. Хвоя, покрывающая горные склоны, убивает вокруг все живое и не способствует впитыванию влаги. В результате с каждым годом потоки, вызванные муссонами, все сильнее низвергаются на равнину, уничтожая крестьянские поля и нанося ущерб казне, не покрываемый доходами от лесоразработок. «Леса Банж являются центрами экономического цикла природы на южных склонах Гималаев. Уничтожить их – значит вырвать сердце и тем самым принести смерть всей системе» [6, с. 102–104].

Правительство Неру не услышало ученицы Ганди, ее призыва позаботиться об интересах крестьянских общин севера. Настойчивая борьба Миры Бен против модернизированного наследия британского колониализма, ее личная сатьяграха в индийских лесах закончились неудачей. Пережив глубокое разочарование экономической политикой правительства Индии, она в 1959 г. выехала в Европу, покинув страну, которой отдала долгие годы жизни. Но ее голос в защиту лесов был услышан другими.

Сарала Бен

Дело Миры Бен было поддержано другой «английской дочерью» Ганди – Кэтрин Мэри Хайлман (1901–1982), которая приехала в Индию в 1932 г. Первоначально она жила и работала в школе в Удайпуре, откуда переехала в Севаграм, Махараштра, где 8 лет пребывала в ашраме. Там, следуя совету Ганди, она освоила основы домашнего образования и там же получила свое новое имя – Сарала Бен, «сестра Сарала». В Севаграме она серьезно страдала от жары и малярии, из-за чего Ганди порекомендовал ей переехать в более прохладный Каусани, Уттаракханд.

Оказавшись в Гималаях, Сарала Бен не сразу устроилась. В 1942 г. она пешком прошла через весь Кумаон, ныне восточный административный регион штата Уттаракханд, поддерживая семьи политических заключенных, из-за чего была брошена в тюрьму. В 1946 г. Сарала Бен основала ашрам в честь богини Лакшми, вовлекая местных женщин в общественную работу и продолжая участвовать в гандистских кампаниях сатьяграхи. Ее первыми ученицами были всего три женщины, в том числе Вимала Бахугуна – одна из первых активисток-экологов в Гималаях. Муж Вималы Сандерлал Бахугун (род. 1927 г.) под влиянием «сестры Саралы» стал одним из самых влиятельных общественных деятелей северной Индии и включился в борьбу за права сельских общин и их выживание в Гималаях.

Подобно Мире Бен и Сандерлалу Бахугуну Вимала Бахугуна в 1950-е гг. сфокусировалась на придании нового смысла лесной сатьяграхе. Поскольку вырубкой лесов севера теперь занимались не британские, а индийские лесозаготовители, Сарала Бен сделала акцент не на проблеме доступности лесных ресурсов для населения, а на модели развития страны. Ее понимание социально-экономического развития исходило из гандистского представления о необходимости самоограничения потребностей, и поэтому модернизаторской концепции развития она противопоставила концепцию «устойчивого развития». На ее разработку ушли целые годы. Свои мысли Сарала Бен изложила в серии книг. В книге «Основные мысли о выживании в горах» (1978) она утверждала: «Мы должны помнить, что главная роль горных лесов не в том, чтобы приносить доход, но сохранять климатический баланс всей северной Индии и плодородие долины Ганга. Если мы проигнорируем их экологическое значение ради кратковременной экономической выгоды, это будет пагубно для климата северной Индии и ужасным образом повлияет на циклы повторяющихся потопов и засух» [цит. по: 7, с. 68–69].

«Сестра Сарала» была не только влиятельным гандистским теоретиком, но и талантливым организатором. Все годы пребывания в Гималаях она занималась созданием женских организаций, способных участвовать в политической жизни Индии. В 1961 г. ею была создана Сарводая Мандал («Общество развития для всех») – первая в Уттар-Прадеш женская организация; с момента своего возникновения Сарводая Мандал включилась в антиалкогольную пропаганду, а в самом начале 1970-х гг. подруги и ученицы Саралы Бен занялись защитой гималайских лесов. В июне 1972 г., когда под эгидой ООН в Стокгольме начала работать международная конференция по проблемам среды человеческого обитания, Сарала Бен со своей организацией провела крупную акцию на берегу Ямуна, на месте устроенного британцами в 1930 г. расстрела первых защитников леса. Этой акцией было положено начало крупнейшему в истории Индии женскому движению по защите лесов, получившему название «движения Чипко» (обхватыватели деревьев). В 1970-е гг. благодаря усилиям Саралы Бен это движение стало общенациональным и достигло первых своих результатов [8, 9].

Чипко

«Две английские дочери» Ганди сделали много для развития лесной сатьяграхи и выработки ее новых целей. С 1970-х гг. возрастает роль в этом движении самих индийцев. В 1970–1972 гг. представительницы Сарводая Мандал пытались препятствовать вырубке лесов в Гималаях, борясь с аукционами с участием лесозаготовительных компаний. Вскоре выяснилось, что эта мера неэффективна. В апреле 1973 г. в Гархвале была проведена первая акция с участием женщин, которые не дали лесорубам рубить деревья, закрыв их своими телами. Это была спонтанная акция, но она дала свои результаты. В том же году народный поэт Ганшиям Сайлани создал песню о Чипко – женщинах, обхватывающих деревья, и вскоре эта песня разнеслась по всем гималайским селениям. 26 марта 1974 г. группа женщин во главе с Гаурой Деви из деревни Рени, округ Чамоли, вновь закрыла своими телами деревья, которые были намечены к вырубке. В течение последующих 5 лет женщины Чипко провели еще целый ряд акций по спасению лесов северной Индии.

В июне 1977 г. в долине Хенвала состоялся съезд активистов Чипко, на котором была сформулирована цель движения – бороться за сохранение лесов, поскольку они являются основой выживания населения Гималаев. Впервые была обозначена экологическая повестка движения. В декабре 1977 г. в Адвани женщины из 15 де-

ревень встали в цепь, защищая лес от рабочих и сопровождающей их полиции. В те же дни ученик Саралы Бен Сандерлал Бахугун, находящийся вместе с ними, сформулировал знаменитый лозунг Чипко о лесе как основе для человеческого выживания. В феврале 1978 г. борьба за спасение леса в Адвани была продолжена. На этот раз уже тысячи женщин и их семьи вышли на защиту деревьев, закрывая их своими телами в течение 11 дней. Важная роль в этих событиях принадлежала Бахугуну. Он проводил голодовки в знак протеста деятельности Лесной корпорации Уттар-Прадеш. Его бросали в тюрьму, в 1980 г. он лично передал премьер-министру Индира Ганди письмо с требованием прекратить коммерческую вырубку леса в Гималаях. Эффект, произведенный движением Чипко, был ошеломляющим. Признав важность требований Чипко, Индира Ганди приняла решение о запрете коммерческой вырубке лесов севера. Запрет был введен на 15 лет, но в Индии он повсеместно был воспринят как победа женщин Чипко.

Вандана Шива

Индианка Вандана Шива родилась в семье лесника и крестьянки в Дехрадуне, Уттар-Прадеш, в 1952 г., получила образование в местной школе, а затем в двух индийских университетах, где изучала физику. В 1977–1978 гг. она училась в Онтарио, Канада, получила магистерскую степень и степень доктора по физике. О движении Чипко в ее краях она знала не понаслышке. Вернувшись в Индию, Вандана Шива попыталась сделать карьеру научного работника в Бангалоре и с самого начала сосредоточила все внимание на проблемах экологического характера. В начале 1980-х гг. она познакомилась с женщинами Чипко, стремясь лично изучить их опыт непосредственно от них, и вскоре опубликовала целую серию научных исследований о Чипко, в которых смогла не только проанализировать опыт движения, но и развить гандистскую концепцию сатьяграхи, выведя ее на новый уровень.

В своих работах Шива громко заявила о том, что не следует рассматривать Чипко как чисто эстетическое явление, нацеленное против насущных материальных потребностей общества. Лозунги Чипко вполне конкретны и характеризуют материалистический подход к жизни. Чипко согласно Шиве нацелено на защиту лесов, без которых невозможно выживание человека. При этом Чипко не следует рассматривать как препятствие процессу развития общества, поскольку оно выступает против эксплуататорского экономического роста, но за устойчивое экологическое развитие. Акцент лозунгов Чипко на экологиче-

скую стабильность – это гарантия обеспечения стабильности материальной основы для жизни.

Следуя идеям Ганди, Шива обратила внимание образованной общественности Индии и других стран на то, что идея неограниченного экономического роста и повышения производительности труда вне социального и материального контекста ущербна. Она поддержала гандистский тезис, сформулированный Бахугуном, согласно которому «экология – это постоянная экономия». Бесконтрольный экономический рост легко может стать угрозой для выживания хрупких экосистем, таких как Гималаи, и в этом смысле ситуация, сложившаяся там, служит моделью для всей планеты; наводнения, вызванные уничтожением леса и смывающие целые деревни, могут случаться не только в Индии, но и в других частях света. Однако моделью может служить и опыт движения Чипко, которое доказало эффективность методов гандистского сопротивления для решения задач по сохранению леса и выживания человеческих популяций. Поскольку экологические кризисы угрожают выживанию всех обществ, независимо от уровня их развития, то обращение к философии устойчивого развития касается и индустриального Севера, и стран глобального Юга. Вот почему экологическая стратегия Чипко и идеи альтернативного мировоззрения имеют решающее значение для создания устойчивого мира, особенно в условиях высоко интегрированной глобальной экономической системы. «Экологическое мировоззрение Чипко обеспечивает выживание не только крошечных обществ в Гархвале (Гималаи), но и для всех человеческих обществ, которым угрожают экологические катастрофы» [9, с. 141].

Являясь представителем нового поколения гандистских теоретиков и практиков, Шива продолжает свою научную и политическую работу в настоящее время. Ее мысль о том, что глобальное развитие может быть устойчивым, артикулирует-

ся во все новых работах, где речь идет о выживании не только через спасение лесов, но и посредством сохранения почвы, воды и семян [10].

Список литературы

1. *Михель Д. В., Михель И. В.* Упорство в истине : философия и политика Махатмы Ганди // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 272–276. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-272-276>
2. *Gandhi M. K.* The Collected Works : in 100 vols. New Delhi : Government of India. The Publications Division ; Ministry of Information and Broadcasting, 1958–1994. Vol. 10 : 1909–1911. 581 p.
3. *Ганди М. К.* Моя жизнь / пер. с англ. А. М. Вязьминой, Е. Г. Панфилова, Р. А. Ульяновского. М. : Изд-во Восточной литературы, 1959. 443 с.
4. *Bahuguna S.* Chipko : The people's movement with a hope for survival of humankind // International Foundation for Development Alternatives Dossier. Nyon, Switzerland, 1988. № 63. P. 3–14.
5. *Beloved Bapu.* The Gandhi-Mirabehn correspondence / ed. Tridip Suvrad. Hyderabad : Orient Blackswan Private Limited, 2014. 552 p.
6. *Guha R.* How much should a person consume? Thinking through the environment. Berkeley : University of California press, 2006. 262 p.
7. *Mallik B.* Sarala Behn: The silent crusader // Deportate, Esuli, Profughe. Venezia, 2018. № 37. P. 83–116.
8. *Klenk R.M.* Gandhi's other daughter : Sarala Devi and Lakshmi ashram // Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies. 2014. Vol. 31, № 1. P. 94–104.
9. *Shiva V., Bandyopadhyay J.* The evolution, structure, and impact of the Chipko movement // Mountain research and development. 1986. Vol. 6, № 2. P. 133–142.
10. *Михель И. В.* Освобождение земли, воды и семян : философия Ванданы Шивы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 404–409. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-404-409>

Образец для цитирования:

Михель Д. В., Михель И. В. Наследницы Ганди: от лесной сатьяграхи к Чипко // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 379–384. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-379-384>

Gandhi's Successors: from Forest Satyagraha to the Chipko Social Movement

D. V. Mikhel, I. V. Mikhel

Dmitriy V. Mikhel, <https://orcid.org/0000-0003-2250-1626>, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russia; Institute of World History of Russian Academy of Science, 32a Leninsky Ave.,

Moscow 119334, Russia; Institute of Social Science and Humanities Information of Russian Academy of Science, 5, bld. 2, Krzhizhanovskogo St., Moscow 117219, Russia, dmitrymikhel@mail.ru

Irina V. Mikhel, <https://orcid.org/0000-0002-2916-4653>, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russia; Institute of Social Science and Humanities Information of Russian Academy of Science, 5, bld. 2, Krzhizhanovskogo St., Moscow 117219, Russia, irinamikhel@yandex.ru

The article examines the role of the ideological successors of Mahatma Gandhi in the development of his teaching on spiritual resistance to violence – Satyagraha. Much attention is paid to the history of the transformation of Forest Satyagraha campaigns, which were characteristic of the period of the struggle of India for independence, into the Chipko social movement that arose during the period of Independence. The contribution of “two English daughters” of Gandhi, Mira Ben and Sarala Ben, and an Indian woman Vandana Shiva, in the formulation of new goals for Forest Satyagraha, is analyzed. Mira Ben states the need to stop cutting down the forests of the Himalayas due to the danger of flooding and causing economic damage to rural communities. Sarala Ben discusses the dangers of a modernizing development concept and opposes it to the thesis of the importance of maintaining the climatic balance in northern India to prevent droughts and floods. Vandana Shiva, summarizing the experience of Forest Satyagraha and the Chipko movement, speaks of the priority of sustainable development over the strategy of economic growth. The article shows that the creative development of Gandhi’s ideas in relation to the protection of Indian forests and the survival of rural communities, carried out by the three successors of Gandhi in India, is important for creating a sustainable world, especially in a highly integrated global economic system.

Keywords: Mahatma Gandhi, Forest Satyagraha, Mira Ben, Sarala Ben, Chipko, Vandana Shiva, sustainable development.

Received: 15.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Mikhel D. V., Mikhel I. V. Holding onto truth: philosophy and politics of Mahatma Gandhi. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 272–276 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-272-276>
2. Gandhi M. K. *The collected works: in 100 vols.* New Delhi: Government of India. The Publications Division; Ministry of Information and Broadcasting, 1958–1994. Vol. 10: 1909–1911. 581 p.
3. Gandhi M. K. *Moya zhisa* [An autobiography, or the story of my experiments with truth]. Moscow, Oriental literature Publ., 1959. 443 p. (in Russian).
4. Bahuguna S. Chipko: The people’s movement with a hope for survival of humankind. *International Foundation for Development Alternatives Dossier*. Nyon, Switzerland, 1988, no. 63, pp. 3–14.
5. Beloved Bapu. *The Gandhi-Mirabehn correspondence*. Tridip Suhrud, ed. Hyderabad, Orient Blackswan Private Limited, 2014. 552 p.
6. Guha R. *How much should a person consume? Thinking through the environment*. Berkeley, University of California press, 2006. 262 p.
7. Mallik B. Sarala Behn: The silent crusader. *Deportate, Esuli, Profughe*, Venezia, 2018, no. 37, pp. 83–116.
8. Klenk R. M. Gandhi’s other daughter: Sarala Devi and Lakshmi ashram. *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*, 2014, vol. 31, no. 1, pp. 94–104.
9. Shiva V., Bandyopadhyay J. The evolution, structure, and impact of the Chipko movement. *Mountain Research and Development*, 1986, vol. 6, no. 2, pp. 133–142.
10. Mikhel I. V. Sovereignty of land, water and seeds: a philosophy of Vandana Shiva. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 404–409 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-404-409>

Cite this article as:

Mikhel D. V., Mikhel I. V. Gandhi’s Successors: from Forest Satyagraha to the Chipko Social Movement. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 379–384 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-379-384>

УДК 165.0

Коммуникационные процессы в социальных системах сквозь призму Парадигмы сложности

Х. А. Пилото Родригес

Пилото Родригес Хавьер Альберто, соискатель кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, javier1990alberto@gmail.com

В статье рассматриваются результаты исследования социальных систем на основе принципов Парадигмы сложности; анализируются коммуникационные процессы в социальных системах. Цель данной работы предполагает рефлексию эпистемологии коммуникационных процессов, направленную на изучение параметров, находящихся в социальных системах «человеческого» типа. В качестве теоретической и методологической основы используются Парадигма сложности, а также Сложный анализ дискурса, который был получен в результате наших предыдущих исследований о Теории дискурса и ее современных достижениях. Кроме того, применялись общенаучные методы, такие как анализ и синтез, моделирование и идеализация, конкретизация и абстрагирование. Междисциплинарный характер данного исследования определяет объем (набор) используемых методов, хотя оно фокусируется на синергетическом подходе. Представлен новый подход к динамике развития и группе характеристик, присутствующих в коммуникационных процессах и системах. Содержащиеся в статье выводы фиксируют парадигматические трансформации в изучении систем коммуникации человека, обусловленные проникновением в исследовательское пространство социальных наук категории мульти-сложности, которая является новой версией Парадигмы сложности.

Ключевые слова: коммуникационные процессы, мульти-сложные системы, коммуникация, теория сложности, синергетика, лингвистика.

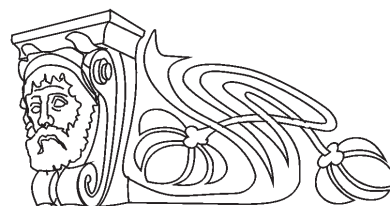
Поступила в редакцию: 21.04.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-385-388>

Введение

В интерпретации современных коммуникационных процессов высокую степень эвристичности демонстрируют эпистемологические принципы Парадигмы сложности, среди которых необходимо выделить следующие: 1) отказ от причинно-следственной модели; 2) понятия положительной и отрицательной обратной связи; 3) учет случайности и ошибок в способе понимания явлений. Сегодня изучение и восприятие коммуникационных процессов невозможны без учета категории нелинейности.

В случаях коммуникационных действий людей и обществ, которые их объединяют, проявления нелинейности наблюдаются довольно часто. Отношения между элементами, входящими в состав общества, выстраиваются на основе сложной динамики, которая начинается не с однонаправленного поведения, а с мультиэффектов и перемещений по непредсказуемым зонам и траекториям. Несмотря на то, что классическая социология и другие, соответствующие ее принципам социальные парадигмы пытались внедрить в эпистемологические основания упрощающие структуры и закономерности в духе детерминизма, практика доказала, что эти подходы являются устаревшими.

В этом контексте «человеческий фактор» принадлежит миру, который превосходит границы материальности. Он создает антропологическую вселенную, в которой человеческие цивилизации развивают возникающий результат далеко за пределами того источника, из которого он происходит. Символическая вселенная наших субъективностей имеет свои собственные правила. Многие из них не совпадают с принципами устройства вселенной, из которой эти субъективности происходят. Это все то, что определяет истинную сущность эволюции коммуникационных процессов.

Следовательно, можно утверждать, что в коммуникационных системах существует положительная и отрицательная обратная связь, как и в других социальных системах, однако специфика ее функционирования увеличивает степень непредсказуемости результатов и выходов системы как в качественном, так и в количественном отношении. Это означает, что возможностей для получения эмерджентных результатов в процессе их развития гораздо больше, чем у их биологических и искусственных аналогов.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что настоящая работа продолжает линию исследования Мульти-сложности, намеченную в предыдущих исследованиях [1]. В данной статье мы сосредоточим свое внимание на применении этих исследований к конкретному случаю «человеческих» коммуникационных процессов в социальных системах, т. е. речь идет о тех

коммуникационных процессах, которые лежат в основании цивилизационных систем, являющихся результатом сложного и многомерного со-общения людей.

Методы

Объект настоящего исследования – эпистемология коммуникативных процессов. Предметом служат современные исследования социальных человеческих систем, которые в качестве эпистемологической основы используют категорию Мультисложности. Цель данной работы предполагает рефлексию эпистемологии коммуникативных процессов, основанную на принципах Парадигмы сложности.

Использовались общенаучные методы, такие как анализ и синтез, моделирование и идеализация, а также конкретизация и абстрагирование. К ним следует добавить диалектический метод, историко-философский метод и синергетический подход.

Диалектический метод помог развить перспективу Парадигмы сложности и правильно интерпретировать ее эволюцию как форму построения знаний. Историко-философский метод позволил интерпретировать используемые примеры с интеграционной и контекстуализирующей точек зрения. Синергетический подход, лежащий в основании работы, дал возможность осуществить экспликацию особенностей эпистемологического развития Парадигмы сложности.

Согласно эпистемологическим принципам Теории сложности методология настоящего исследования воздерживается от формулирования и выдвижения каких бы то ни было гипотез. Кроме того, методологически важной является качественная составляющая (*qualitative studie*), которой обладает это мета-теоретическое исследование. Его междисциплинарный характер определяется объемом (набором) используемых методов, хотя оно преимущественно фокусируется на синергетическом подходе, благодаря которому объекты, явления и процессы изучены как сложные открытые системы, характеризующиеся самоорганизацией.

Результаты и их обсуждение

Теоретические элементы, раскрытые ранее, предоставляют несколько доказательств того, как происходят коммуникационные процессы. Рассмотрим их основные аспекты на примере дискурсивного процесса между двумя или более взаимодействующими агентами (получателем и отправителем): 1) описание построения клю-

чевых аргументов в формализации значимых моментов дискурса, основанных на более элементарных идеях; 2) обнаружение взаимосвязей идей, дающих жизнь дискурсу; 3) поиск и раскрытие точек, в которых дискурс принимает аргументативный оборот, с учетом внутреннего и внешнего контекстов, которые могут на них влиять; 4) прослеживание подсознательных линий, содержащих семантические ценности, наделяющие дискурс идеологически-коммуникативной силой.

В настоящем исследовании учтен каждый из этих аспектов, изучены их результирующие векторы и то, как они ведут себя по отношению друг к другу.

К этому необходимо добавить другие, не менее важные элементы, которые Парадигма сложности содержит в качестве центральных осей, таких как отношения порядка (хаоса) и эмерджентность. Категории порядка и хаоса используются для объяснения механизма прохождения системой разных фаз порождения. Развенчать мифы в этой предполагаемой дихотомии – это лишь одно из достоинств новой парадигмы. Это выражается в общих вопросах, например: «Как возможно, что порядок возникает из беспорядка?», «Что приводит к тому, что порядок уходит в беспорядок?», «Какова природа порядка и хаоса?», «Какие последствия имеет специфика отношений между ними для будущего нашего мира?».

Вторая категория – эмерджентность – принадлежит теории систем. «Она указывает на появление новых и последовательных структур, закономерностей и свойств в процессе самоорганизации сложных систем. Эмерджентные явления рассматриваются как возникающие на макроуровне, в отличие от компонентов и процессов на микроуровне, из которых они возникают» [2, p. 35].

Выводы

Зафиксируем ключевые характеристики, с которыми «социальная сложность» обычно отождествляется в новой парадигме и которые также могут быть распространены на понимание коммуникационных процессов. Согласно предложению Карлоса Лозареса на X Испанском конгрессе социологов [3] социальные явления прежде всего следует понимать как сеть отношений между субъектами, составляющими само общество, а также средства, с которыми оно взаимодействует в природе, и то, как оно способно это сделать.

Описание, данное этим исследователем, можно понимать как «базовую сложность»,

поскольку сложность всегда рождается как результат множественного и взаимосвязанного. Однако следует добавить, что эти отношения (меж-, интра-, основанные на положительных и отрицательных обратных связях) всегда увеличивают свою сложность, т.е. динамика этих социальных явлений становится более сложной по мере прогрессирования временной переменной, в результате чего понять ее можно только с помощью модели, которая учитывает этот факт.

Во втором случае указанный автор подчеркивает нелинейность этих взаимодействий, поэтому мы не можем говорить о «добавлении» или «интенсивности» в отношении производительности между агентами. Здесь необходимо учитывать свойство чувствительности эволюционных трансформаций к начальным условиям. Именно они определяют специфику последующих социальных изменений. Важно также подчеркнуть, что свойство нелинейности присутствует в значительной части исследований социальных и гуманитарных наук как одна из эпистемологических и методологических характеристик. В первую очередь это проявляется в «интуитивном» способе познания, лежащем в их основе. Тем не менее во многих работах, выполненных в период формализации и детализации методологий и методов социальных (гуманитарных) исследований, очень мало внимания уделяется рефлексии этих «тонкостей».

В третьем случае Карлос Лозарес рассуждает о разных уровнях и местах происхождения агентов, участвующих в социальных взаимодействиях. В связи с этим возникает важное предостережение о том, что при рассмотрении общего вида исследования необходимо учитывать наличие двух уровней взаимодействия – микро- и макро- и переходы от первого ко второму. Этот аргумент скрывает в простоте своей экспозиции несколько элементов, которые следует выделить. Речь идет не о различиях между возможностями и характером агентов (коммуникативного процесса), а о том, что за пределами количественного понимания рассматривается качественный характер.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в современной науке предпринимаются попытки понять и систематизировать сложность в

социальных системах. При этом следует всегда принимать во внимание основополагающую идею о том, что существуют различные исследовательские позиции в понимании того, что из себя представляет и чем занимается Теория сложности и ее Парадигма.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что предложенные Парадигмой сложности эпистемологические основания имеют большой эвристический потенциал для изучения социальных систем и процессов коммуникации.

Изучение коммуникационных процессов подразумевает понимание их как сложных адаптивных систем, способных трансформироваться, развиваться и творить самостоятельно. По сути эти теоретические установки являются наследием теории сложных адаптивных систем. Однако наши исследования свидетельствуют о том, что мы должны обозначить новую сложность, создаваемую сложными системами из той сложности, которая создала их. В этой связи мы вводим категорию «мульти-сложность», которая фиксирует новые свойства, рождающиеся и развивающиеся в новом типе сложности, т. е. в совершенно ином сценарии. С эпистемологической точки зрения, это позволит изучать коммуникационные процессы в социальных системах из их собственной вселенной, из реальности, которую они создают в своем эволюционном процессе. Несомненно, это может дать нам толчок в понимании функционирования этих социальных систем «человеческого» типа, потому что при таком подходе мы полностью меняем традиционные парадигмальные установки.

Список литературы

1. *Piloto Rodriguez J. A., Nikolaeva E. M.* Social Human System as an Epistemological Problem of Complexity Theory // *International Journal on Emerging Technologies*. 2019. № 10 (2a). P. 170–172. URL: <https://www.researchtrend.net/ijet/pdf/Social%20Human%20System%20as%20an%20Epistemological11.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
2. *Sosa L.* Diseño basado en sistemas adaptativos complejos. Tesis para obtener el grado de doctor en Filosofía. Universidad Autónoma de Nuevo León, 2012. 215 p.
3. *Lozares C.* De la complejidad social a su compleja metodología, 2010. URL: <http://www.fes-sociologia.com/files/congress/10/grupos-trabajo/ponencias/2.pdf> (дата обращения: 02.02.2020).

Образец для цитирования:

Пилото Родригес Х. А. Коммуникационные процессы в социальных системах сквозь призму Парадигмы сложности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 385–388. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-385-388>

Communication Processes in Social Systems Through the Prism of the Paradigm of Complexity

J. A. Piloto Rodriguez

Javier A. Piloto Rodriguez, <https://orcid.org/0000-0003-0459-5163>, Kazan Federal University, 35 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia, javier1990alberto@gmail.com

This article is focused on the results of the study of social systems based on the principles of the Complexity Paradigm. Our research task is focused on the analysis of communication processes in social systems. Our objective is to study their way of functioning of the parameters which we find in "a human" type of social systems. As a theoretical and methodological foundation, we use the Complexity paradigm, and we also rely on the Complex Discourse Analysis that was obtained as a result of our previous studies. The results of this work introduce a new approach to a group of characteristics and development dynamics present in communication processes and systems. The conclusions set out in the article fix the paradigmatic transformations in the study of human communication systems, caused by the penetration of the category of Multi-complexity, which serves here as the adapter of the paradigm of the complexity, in the research space of the social sciences.

Keywords: communication processes, multi-complex systems, communication, complexity theory, synergetics, linguistics.

Received: 21.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Piloto Rodríguez J. A., Nikolaeva E. M. Social Human System as an Epistemological Problem of Complexity Theory. *International Journal on Emerging Technologies*, 2019, no. 10 (2a), pp. 170–172. Available at: <https://www.researchtrend.net/ijet/pdf/Social%20Human%20System%20as%20an%20Epistemological11.pdf> (accessed 20 January 2020).
2. Sosa L. *Diseño basado en sistemas adaptativos complejos. Tesis para obtener el grado de doctor en Filosofía*. Universidad Autónoma de Nuevo León, 2012. 215 p.
3. Lozares C. *De la complejidad social a su compleja metodología*, 2010. Available at: <http://www.fes-sociologia.com/files/congress/10/grupos-trabajo/ponencias/2.pdf> (accessed 2 February 2020).

Cite this article as:

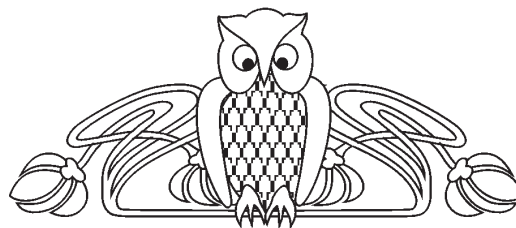
Piloto Rodriguez J. A. Communication Processes in Social Systems Through the Prism of the Paradigm of Complexity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 385–388 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-385-388>

УДК 1:[3+93]

Конец истории: факторы и методологические параметры концептуализации идеи

В. П. Рожков

Рожков Владимир Петрович, доктор философских наук, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется проблема построения концепций конца истории. Обращается внимание на антропогенный, социальный и исторический факторы возникновения и обострения интереса к теме конечности исторического процесса, отмечается проявление его в эсхатологических интенциях теологических постижений и философской рефлексии смыслов завершения пути человечества из прошлого в настоящее. Выявляется вариативная динамика в методологии философии истории, особенность которой на рубеже II–III тысячелетий просматривается в том, что доминирующими становятся цивилизационные проекты. В их параметрах Ф. Фукуяма и С. Хантингтон создают конкурирующие концепции конца истории. Проводится сравнительный анализ методологических инструментов конструирования предлагаемых моделей. Формулируется вывод об ограниченности методологического ресурса цивилизационного подхода, концептуальная реализация которого катализирует рискогенность жизнедеятельности международного сообщества. Развивая идеи предыдущих публикаций, автор предлагает применение многоуровневого методологического синтеза на основе принципов дифференциации и дополненности. По его мнению, интересную перспективу в этом отношении может представлять синтез элементов цивилизационной и формационной методологии с нравственно-аксиологическими смысловыми ориентациями христианской экзегетики.

Ключевые слова: метод, философия, история, цивилизация, культура, либерализм, формация, демократия, идеология, столкновение, сознание, человечество, парадигма, нравственность.

Поступила в редакцию: 20.05.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>

Интерес к проблеме конца истории представляется естественным для философского сознания во многих аспектах. Наверное, можно согласиться с мотивировкой правомерности поиска истоковых факторов его проявления на антропологическом уровне. Действительно, познавая себя и окружающий мир, человек осознает конечность своей жизни, получает информацию о подверженности распаду природных форм, трансформации общественных систем, противоречиях

исторической динамики, социальных взрывах, военных катастрофах, исчезновении этносов, гибели цивилизаций и разрушении культур. На основании рефлексии такого рода содержания эволюционного и исторического процессов в сознании *homo sapiens*, обращенном к природному и социальному бытию, утверждается убеждение в том, что нет ничего вечного в природе, а все явления и события в истории носят преходящий характер. Отсюда эсхатологические ожидания относительно тварного бытия в религиозном, в частности в христианском, мировидении и концептуализация конца истории в разных парадигмах философского мировоззрения. Нельзя не учитывать и социально-исторических факторов, так как очевидно, что обострение, порой до «болезненности», интереса к этой теме со стороны обывденного и теоретического сознания происходит в ситуациях исторических потрясений, социальных взрывов, глобальных катастроф, пандемий и т.д. Достаточно обратить внимание на тот факт, что развернутая теологическая концепция истории с заключением о невечности «града земного» создается Августином Блаженным (IV–V вв.) в исторической обстановке неотвратимого движения западной части античной Римской империи к гибели, в период усиливающегося военного давления варваров и внутренней политической борьбы.

Что касается философской концептуализации, то, например, марксистская версия конца истории, характеризующаяся в настоящее время в качестве завершающей в ряду подобных интерпретаций в XIX в., формировалась как часть формационной теории в целом в эпоху нарастающей классовой борьбы, европейских революций 1848–1849 гг. и революционных потрясений во Франции 1871–1870 гг. Нельзя не отметить и теоретического развития в упомянутом столетии идеи конца истории в вариантах замкнутой конфигурации цивилизационной динамики, представленных в антиевропоцентристских концепциях социокультурных локальных циклов М. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. Созданные русскими мыслителями, они отразили острое переживание российским обществом поражения

в Крымской войне 1853–1856 гг. Как известно, одну из причин этой военной катастрофы отечественные «образованные классы» усматривали в предательстве христианской России христианскими странами Западной Европы, а конкретно – Францией и Британией.

Если в таком аспекте проанализировать динамику философской рефлексии истории на предмет ее конечности в XX в. и на рубеже II и III тысячелетий, то можно выделить некоторые особенности условий философско-исторического осмысления рассматриваемой проблемы на отмеченном временном отрезке.

Во-первых, в виде сквозной тенденции всего периода просматривается постепенное проявление приоритетности цивилизационных вариантов концептуализации по направлениям «постисторизма» и «собственно конца истории», завершающееся в конце XX – начале XXI столетия явным доминированием цивилизационного подхода до полного отрицания формационной интерпретации.

Во-вторых, в первой половине XX в. ощущается влияние на содержание социокультурных концепций кризиса европейской цивилизации, трагическими последствиями которого явились Первая и Вторая мировые войны и социальные взрывы между ними. Философское осмысление происходящих и надвигающихся катастроф отразилось в известном труде О. Шпенглера «Закат Европы».

В-третьих, анализируя идеи европейских философов и социологов, подобно Ж. Бодрийяру, представлявших направление «постистории» во второй половине XX столетия, нельзя не заметить в них отражения противоречий цивилизационных трансформаций индустриального общества в постиндустриальное.

В-четвертых, современная классическая либеральная цивилизационная концепция конца истории выдвигается и развивается Ф. Фукуямой на рубеже II и III тысячелетий в исторической ситуации катастрофического распада СССР и, как следствие, конца истории холодной войны между противоборствующими социальными системами биполярного мира. И хотя эти процессы имели многоплановый и неоднозначный характер глобального масштаба, выразившегося в коренном изменении геополитического ландшафта Европы, и, более того, Евразии, американский исследователь представил их в достаточно узком формате идеологического противостояния «либеральной демократии» и «коммунизма».

Концептуализация конца истории в аспекте такого противостояния катализировала критику марксизма и его акцентов на связь конца истории

со становлением коммунистической формации. Теоретические положения исторического материализма относительно перспективы такого будущего человечества характеризуются в лучшем случае как утопические. Показательно, что в обстановке полного отрицания формационного подхода наиболее заметное оппонирование версии конца истории Ф. Фукуямы осуществляется с позиций общего для участников дискуссии социокультурного подхода в варианте концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Следовательно, дискуссия носит внутрипарадигмальный характер, поскольку оба проекта создаются в параметрах цивилизационной парадигмы. В таком случае логично возникают следующие вопросы. Какая из двух доминирующих современных концептуализаций содержит наиболее вероятный прогноз цивилизационного будущего? Какой из предлагаемых проектов моделирования цивилизационного будущего обладает достаточным методологическим ресурсом обоснования своего прогноза? Какой отрезок времени цивилизационной динамики обозначается в конкурирующих проектах?

Отвечая на поставленные вопросы, представляется необходимым исходить из вышеотмеченного обстоятельства о цивилизационных параметрах построения выдвинутых моделей на соответствующем методологическом основании. Это означает, что общество рассматривается как социокультурная общность, основой которой определяется духовно-культурная сфера жизнедеятельности. Она представляется истоком динамики во всех других областях функционирования социума. При этом нельзя не учитывать методологическую открытость цивилизационного подхода, которая проявляется в первую очередь в том, что духовно-культурные процессы во всем своем многообразии в ареалах науки, образования, искусства, религии, этики и эстетики могут связываться с различными социальными и индивидуальными субъектами: обществом, этносом, социальными группами, личностью, с институтами общества разных уровней.

В концепции Ф. Фукуямы просматривается вполне определенный выбор методологического инструментария цивилизационного подхода. Его приоритеты выражаются в апелляциях к идеологии, сознанию, либеральной демократии и «последнему человеку». Ключевая позиция Ф. Фукуямы, исходя из которой он определяет смысл истории и выстраивает концепцию ее конца, характерна для мыслителя, исследующего общество в социокультурном ключе. Она заключается в принятии мировоззренческой установки: «Сознание – причина, а не следствие,

и оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас путаницы служит идеология» [1, с. 137]. Следуя избранной мировоззренческой парадигме с апелляцией к философии Г. Гегеля и социологии М. Вебера, Ф. Фукуяма интерпретирует смысл новейшей истории как идеологическое противостояние либеральной демократии с «коммунизмом». Конец истории будет концептуализироваться им с ориентацией на победу в одной из противостоящих идеологий. В логике изложенного построения Ф. Фукуяма связывает смысл конца истории с распадом СССР и победой либеральной демократии как идеологии, воплощающейся в политических и экономических институтах США и Западной Европы. Последнее подтверждается его выводом о том, что достигнутая победа свидетельствует не столько об окончании «холодной войны», сколько о конце истории. Показательно, что смысловое значение такого финиша исторического движения из прошлого в настоящее американский философ усматривает в конце «идеологической эволюции человечества» и в «универсализации западной модели либеральной демократии как окончательной формы правления» [1, с. 134–135]. Обращает на себя внимание завершение вывода фразой об универсализации «западной модели» как «окончательной формы правления». Нельзя не отметить, что фактически речь идет о государственной системе США, воспринимаемой либеральным политическим сознанием в качестве оптимальной модели институционального выражения идеи «либеральной демократии».

Можно дискутировать с Ф. Фукуямой относительно идеальности данной формы правления, но акцент на государственную форму организации общества как окончательную свидетельствует о том, что по этому параметру американский политолог не выходит за пределы цивилизационной парадигмы. Думается, парадигмальная выдержанность и приверженность ключевой позиции социокультурного подхода дали возможность мыслителю в публикациях первых десятилетий XXI в. провести корректировку своей концепции без отказа от своего проекта как такового. Действительно, в исследованиях этого периода Ф. Фукуямой выявляется ряд противоречий либеральной демократии: проблемы между свободой и равенством, усиление религии и национализма в противостоянии либеральной демократии, слабость либерального демократического общества во влиянии на стремление человека к «признанию» и «превосходству». Философом даже высказывается опасение разрушения либеральной демократии по причине недостаточности

воздействия на желание «последнего человека» бороться для реализации самого процесса борьбы или бороться с борьбой. Но в то же время Ф. Фукуяма обозначает возможность побороть борьбу в человеке, радикально переделав его. Это биотехнологическая революция, в процессе которой совершенствуется геновая инженерия и технологии манипуляции мозгом. Напрашивается предположение об открывающейся перспективе переориентации направленности действий человека от борьбы к сотрудничеству. Неслучайно, исследуя идентичность в контексте тенденций фрагментации и раздробленности, Ф. Фукуяма характеризует свое изыскание как продолжение диалогии, первая часть которой изложена в книге «Конец истории и последний человек», представляющей концепцию целостности и непрерывности бытия в его развитии по определенному направлению. По сути его цивилизационная концепция конца истории даже с учетом последующей корректировки может восприниматься как философско-историческое обоснование развертывания правящими кругами США на рубеже II и III тысячелетий политики, ориентированной на мировое доминирование в системе однополярного мира. В этом отношении своеобразным подтверждением служат рассуждения философа об осуждении в мире политики США, цель которой он видит в демократизации мира, а причинами ее неприятия называет сложности пути к демократии стран незападного мира.

Иной вариант собственно конца истории, но также в параметрах цивилизационного подхода представлен в исследованиях С. Хантингтона. Приверженность цивилизационному подходу отражается непосредственно в названиях его публикаций: статье «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.) и книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996 г.), в которых четко обозначена специфика смыслового содержания концепций автора. Использование термина «столкновение» ориентирует на концептуализацию конца истории в контексте конфликтов цивилизаций. И эта смысловая направленность последовательно реализуется в содержании работ С. Хантингтона. Однако теоретико-методологическим подтверждением цивилизационных параметров построения концепции, думается, правомерно считать авторский акцент на категорию «культура» как концентрированное выражение базового фактора, определяющего характер взаимодействия конфликтов и столкновений цивилизаций. Именно «культурные идентичности – этические, национальные, религиозные, цивилизационные, занимают, – согласно его выводу, – главное место, а культурные сход-

ства и различия формируют союзы, антагонизмы и политические линии государств» [2, с. 509]. Думается, другая методологически значимая установка из ресурса цивилизационного подхода состоит в определении С. Хантингтоном государств как «основных игроков на поле мировой политики» [2, с. 24]. Она сыграет концептуально важную роль в аргументации им своих положений против универсализма и однополярного мира и в доказательстве необходимости проведения «многополюсной» и «полицивилизационной» политики [2, с. 17].

Сравнивая проанализированные концепции конца истории, можно предложить ряд суждений с учетом поставленных ранее вопросов. Исследованные конкурирующие концепции отражают современный отрезок исторического времени, на котором проявляется выведенное в предыдущей авторской публикации противоречие между нарастанием международной экономической интеграции и консервацией государственно-политической формы правления [3, с. 284]. Это само по себе свидетельствует об ограниченности исторической перспективы проектируемых моделей. Вероятность прогноза в этом случае зависит от времени доминирования одной из разнонаправленных тенденций выделенного противоречия.

Что касается методологического ресурса проектов, то он ограничен параметрами цивилизационной парадигмы. Это ясно просматривается, прежде всего, в апелляциях авторов к категориям «идеология» и «культура». В своих методологических обращениях они исходят из узкого смысла методологически значимых для их концептуальных построений понятий, сводя их к интеллектуальным и духовным контекстам. Однако в научном сообществе культура определяется и в широком смысле как искусственная среда, создаваемая в процессе созидательной деятельности человека в интеллектуально-духовном и материальном измерениях. Более того, на этом основании утверждается понимание относительности разделения материальной и духовной культур. И это вполне объяснимо, если осознать то, что атрибуты материальной культуры несут в себе интеллектуально-духовную энергию создающего их человека. При таком подходе противопоставление культуры и идеологии, акцент на ее доминирование над экономикой и политикой выглядят несостоятельными. И экономика, и политика, и идеология – это проявление культуры в широком смысле слова. Кстати, и либерально-демократическая доктрина, и коммунистическая идеология корнями уходят в западно-европейскую культуру. Следовательно, у цивилизационного и формаци-

онного подходов один культурный европейский исток. Уяснение этого факта дает основание предполагать реальность синтеза их методологического инструментария на принципах концептуально обоснованной дифференциации и дополнительнойности. Думается, данное обстоятельство позволило бы дополнить содержание рассматриваемых проектов анализом экономических и социальных причин неприятия идей либеральной демократии в аспекте универсализма, так же как и концепций столкновения цивилизаций. Расширение на отмеченных основаниях методологического ресурса социокультурного подхода не исключает обращения и к нравственно-смысловым значениям христианской культуры. Многоуровневый синтез вполне оправдан в условиях резкого усиления цивилизационных рисков в процессе многократного усложнения современной исторической динамики. Он дает возможность создания философско-исторических проектов, ориентирующих на долговременную антропно-виталистическую перспективу, основанных на понимании того, что истинный смысл конца истории может проявиться лишь в гибели человечества. Концепции, содержащие идеи борьбы ради борьбы, характерные для «последнего человека», аргументирующие столкновение цивилизаций, только подтверждают рефлексию вероятности реализаций такого смысла. Они не несут идей прорыва из пространства культуры, формами проявления которой стали экономические войны и политическое балансирование на грани ядерной, природной, вирусно-пандемической катастроф. В них не открывается выход за пределы государственной формы организации общества, постоянно наращивающей потенциал военного-политического насилия. Ими не моделируется преодоление агрессивности человека и закрепление табу на убийство человека человеком. Может быть, эта концептуальная и прогностическая ограниченность позволяет предположить, что историческое время для проектирования таких прорывов уже истекло?

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
3. Рожков В. П. Цивилизационный подход: историко-философский анализ проблемы методологического ресурса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 282–286. DOI://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-282-286

Образец для цитирования:

Рожков В. П. Конец истории: факторы и методологические параметры концептуализации идеи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 389–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>

The End of History: Factors and Methodological Parameters of the Conceptualization of the Idea

V. P. Rozhkov

Vladimir P. Rozhkov, <https://orcid.org/0000-0002-4737-665X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vladim-rozhkov@yandex.ru

The article explores the problem of constructing concepts of the end of history. The author draws attention to the anthropogenic, social and historical factors of the emergence and increasing of interest to the topic of finiteness of the historical process. He notes its manifestation in eschatological intentions of theological comprehension and philosophical reflection of the meanings of completing the path of humanity from the past to the present. The author reveals the variable dynamics in the methodology of the philosophy of history, the peculiarity of which at the turn of the second and third millennia is seen in the fact that civilizational projects become dominant. F. Fukuyama and S. Huntington create competing concepts of the end of history in their parameters. The article provides a comparative analysis of methodological tools for designing the proposed models. As a result, the author comes to the conclusion about the limitations of the methodological resource of the civilizational approach, the conceptual implementation of which catalyzes the risk-generating character of the functioning of the international community. Developing the ideas of previous publications, he suggests applying

a multi-level methodological synthesis based on the principles of differentiation and complementarity. In his opinion, the synthesis of elements of civilizational and formational methodology with moral and axiological semantic orientations of Christian exegesis can present an interesting perspective in this regard.

Keywords: method, history, civilization, culture, liberalism, formation, democracy, ideology, clash, consciousness, humanity, paradigm.

Received: 20.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Fukuyama F. Konets istorii? *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134–148 (in Russian).
2. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (in Russian).
3. Rozhkov V. P. Civilization Approach: Historical and Philosophical Analysis of the Methodological Resource. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 282–286 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-282-286>

Cite this article as:

Rozhkov V. P. The End of History: Factors and Methodological Parameters of the Conceptualization of the Idea. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 389–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-389-393>

УДК 165.721(09)

Из истории нигилизма в России: «Вехи» и Франк

Е. В. Романовская

Романовская Евгения Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evromanovskaya@mail.ru

В настоящей статье предпринята попытка осмыслить влияние идеологии нигилизма на общественное состояние России после поражения революции 1905 г. В сборнике «Вехи», вышедшем в 1909 г., ведущие русские философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк) высказались о роли русской интеллигенции в этой революции. Выход сборника вызвал яростную полемику в обществе. Мы остановились на статье С. Л. Франка «Этика нигилизма», которая была посвящена феномену русского нигилизма. По его мнению, увлеченность интеллигенции идеями нигилизма была болевой точкой неудачи ее участия в революции. Рассматриваются проявления нигилизма в России, который был здесь не только «академической философской теорией», но и важным фактором влияния на события русской революции. Под нигилизмом Франк понимал непризнание абсолютных ценностей (истины, справедливости, свободы, красоты). Морализм, нигилистический морализм – это суть мировоззрения русской интеллигенции, и Франк в своей статье доказывает, что русской интеллигенции необходимо пересмотреть старые ценности и овладеть новыми ценностями, ценностями творческого религиозного гуманизма.

Ключевые слова: интеллигенция, нигилизм, морализм, этика, революция.

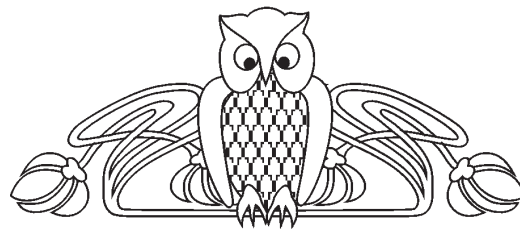
Поступила в редакцию: 13.05.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-394-397>

В марте 1909 г. в России, в Москве вышел сборник «Вехи» с подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». Сборник состоял из статей М. О. Гершензона, Н. А. Бердяева, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Н. Булгакова и С. Л. Франка. Эти авторы не первый раз участвовали в совместной работе. В 1902 г. пятеро из них (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк) были в составе участников сборника «Проблемы идеализма».

Выход сборника «Вехи» имел свою историю. Один из его инициаторов предложил написать статью (об итогах Первой русской революции),

предварительно договорившись, что каждый из авторов пишет, не зная темы статьи своих соавторов. Тем не менее в итоге сборник оказался идеологически цельным и непротиворечивым. Он затевался и создавался, когда в России была тяжелая обстановка после поражения революции 1905 г. Были запрещены все кружки, в правительстве взяли верх консерваторы. В интеллигентских кругах было то, что называется «разброд и шатание». В этой ситуации авторы сборника пытались проанализировать и общественное положение в России и, главное, осмыслить роль, которую сыграла интеллигенция в этой революции. Предпринималась попытка критики духовных основ интеллигенции. В широком смысле авторы пытались осмыслить религиозные проблемы бытия.

Н. А. Бердяев в своей статье поднимал вопрос о философской истине и интеллигентской правде: «Интеллигенция не могла бескорыстно относиться к философии, потому что корыстно относилась к самой истине» [1, с. 8]. М. О. Гершензон писал о творческом самосознании интеллигенции, А. С. Изгоев – о русском студенчестве и интеллигенции. «Средний массовый интеллигент... большей частью не любит своего дела и не знает его. Он – плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист...» [2, с. 122]. Б. А. Кистяковский посвятил свою статью вопросам права, пониманию правосознания интеллигенции, П. Б. Струве – роли интеллигенции в революции, тема С. Н. Булгакова – героизм и подвижничество. Завершала сборник статья С. Л. Франка «Этика нигилизма». Все авторы жестко высказывались о роли интеллигенции в общественной жизни и в русской революции в частности.

Выход сборника привел в шок читающую публику. Противники сборника «Вехи» были справа и слева – от кадетов до большевиков. Как относились Ленин и его приверженцы к выходу «Вех», понятно. Всем известна ленинская оценка сборника. Для него авторы «либеральные ренегаты», а их тексты – это «сплошные потоки реакционных помоев, вылитых на демократию». Кадет П. Н. Милюков в своем неприятии совершил даже лекционное турне по России, где пытался опровергать идеи «веховцев». Д. С. Мережковский выступил с докладом в Религиозно-философском

обществе, где упрекал направление сборника в реакционности. Л. Н. Толстой тоже не принял идею «Вех», хотя считал правильными упреки интеллигенции в нерелигиозности.

Однако были и люди, принявшие работу. В. Розанов полемизировал с Д. Мережковским: «От себя я скажу, что это – самая грустная и самая благородная книга, какая появлялась за последние годы. Кто знает Достоевского и помнит ... судьбу и исповедание благородного Шатова, который, залезши в самую гущу революционеров и революции, потом отошел от нее, грустно, в раздумье...» [3]. Андрей Белый также встал на сторону «веховцев»: «... Печать ответила авторам «Вех» не добросовестным разбором их положений, а военно-полевым расстрелом сборника» [4, с. 65]. Князь Е. Трубецкой – замечательный русский философ обвинял в неудачах революционного движения увлечение интеллигенции народническими идеями: «Чтобы освободить народ, нужно найти другой высший предмет почитания и высший критерий поведения над народом. Необходимо признать, что существуют начала нравственные и правовые, которые обладают всеобщей и безусловной ценностью независимо от того, полезны или вредны они большинству, согласны или не согласны они с его волей» [5, с. 1]. Наш современник А. И. Солженицын, оценивая «Вехи», делает вывод о том, что судьбоносные черты русского образованного слоя в условиях предреволюционной России были фундаментальным образом рассмотрены и представлены в «Вехах» и «возмущенно отвергнуты всею интеллигенцией, всеми партийными направлениями от кадетов до большевиков... Сегодня мы читаем ее с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом – и сегодняшние наши» [6, с. 28].

Франк назвал свою статью «Этика нигилизма» (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции). Почему он сделал главной в этой статье идею нигилизма? Он сразу же об этом заявляет, приводя эпиграф из работы Ницше: «Так говорил Заратустра». «Не вокруг творцов нового шума, – вокруг творцов новых ценностей вращается мир; он вращается неслышно» [7, с. 185].

Наверное, Франк считал идею русского нигилизма болевой точкой неудачи участия интеллигенции в революции 1905–1907 гг. Но почему?

В XIX в. нигилизм в качестве философской идеи понимался как отрицание общепринятых ценностей, норм, нравственности и вообще культуры. В общественной жизни нигилисты исповедовали материализм и атеизм. В России нигили-

стами называли революционеров-народников. Это нашло отражение в романе И. Тургенева «Отцы и дети» в образе Евгения Базарова. Слово «нигилизм» вошло в оборот после опубликования этого романа. Однако нигилизм был не только русским явлением. О нем писал Ф. Ницше, а позже М. Хайдеггер [8, с. 94]. Ницше расценивал нигилизм как переоценку бывших до сего времени ценностей. «Что означает нигилизм? То, что высшие ценности обесцениваются». Это, по Ницше, было борьбой против христианской морали, иллюзий гуманизма, ну и, конечно, путь к «сверхчеловеку», стоящему «по ту сторону добра и зла».

В России нигилизм проявил себя не только как «академическая философская теория», он активно влиял на политические события и с особой остротой это проявилось в русской революции. Современный отечественный философ И. Чубаров прямо говорит: «Тема нигилизма не столько философская, сколько этическая и политическая. Нигилизм с самого возникновения этого понятия выступал скорее как моральное обвинение в адрес людей с особым образом мысли, за которым обыденному сознанию чудилась какая-то враждебность, тайное служение недобрым целям, или, еще хуже – отказ от следования общепринятым человеческим ценностям и идеалам» [9].

Как же Франк объясняет *«несостоятельность традиционного морального и культурно-философского мировоззрения русской интеллигенции»*?

Во-первых, его совсем не устраивают объяснения типа – во всем виновата реакция, начальство. Это, по его мнению, методологически ошибочно. Он жестко возражает: «Всякий народ имеет то правительство, которого он заслуживает». Раз движение духовно руководилось интеллигенцией, то она не имела никакого права уйти от ответственности, если движение потерпело неудачу.

Во-вторых, важен еще такой факт – почему казавшаяся крепкой нравственность интеллигенции так быстро расшаталась? Франк считал, что с миросозерцанием интеллигенции не все благополучно. Ее духовную жизнь необходимо пересмотреть. Он отмечал, что нравственный мир интеллигенции, формирующийся десятилетиями, сложился в некий живой организм, и он сделал попытку его «анатомировать». С одной стороны, в душе интеллигенции главное место занимает нравственность, почти исключая ценности теоретические, эстетические, религиозные. В эстетике царит «писаревщина», религиозность как вера в высшие ценности отсутствует. Такое умонастроение Франк обозначал как морализм, морализм, окрашенный в «утилитарный цвет».

Он предупреждал: «Религиозность несовместима с признанием абсолютного значения за земными, человеческими интересами, с нигилистическим и утилитаристическим поклонением внешним жизненным благам. И здесь мы подошли к самому глубокому и центральному мотиву интеллигентского жизнепонимания. Морализм русской интеллигенции есть лишь выражение и отражение ее нигилизма» [7, с.181].

Итак, морализм, утилитаризм, нигилизм. Под нигилизмом Франк понимал непризнание абсолютных ценностей. И это не новый мотив в его творчестве. Можно обратиться к ранней работе философа «Фр. Ницше и этика “любви к дальнему”». «Главное, что привлекает Франка к Ницше – это новая этическая система, в основе которой принцип “любви к дальнему” или “любовь к вещам и призракам”, под которыми Ницше понимал любовь к отвлеченным ценностям – истине, справедливости, свободе, религиозному или нравственному идеалу, красоте, чести» [10, с. 57].

Рассуждая о вере и морали, Франк объяснял, что мораль играет служебную роль по отношению к вере, идеалу, конечной цели, и, если мораль имеет самодовлеющее значение, то мы с полной уверенностью можем сказать, что это и есть главный недостаток в духовной жизни русской интеллигенции.

«Это умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишенным веры в абсолютные ценности, можно назвать морализмом, и именно такой нигилистический морализм и образует существо мировоззрения русского интеллигента» [7, с. 183].

В итоге Франк приходит к выводу, что русская интеллигенция по существу стоит перед пересмотром старых ценностей. И от нигилистического морализма она должна перейти к творческому, религиозному гуманизму.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 1–23.
2. Изгоев А. С. Об интеллигентской молодежи (Заметки об ее быте и настроениях) // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 97–125.
3. Розанов В. В. Мережковский против «Вех» // Новое время. 1909. № 11897. С. 3. URL: dugward.ru/library/rozanov/rozanov_merejkovskiy_protiv_veh.html (дата обращения: 14.05.2019).
4. Белый А. Правда о русской интеллигенции // Веси. 1909. № 5. Май. С. 65–68.
5. Трубецкой Е. Вехи и их критика // Московский еженедельник. 1909. № 23. 13 (26) июня. С. 1–18.
6. Солженицын А. И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28–46.
7. Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М. : Молодая гвардия, 1990. С. 175–210.
8. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 163–167.
9. Чубаров И. «Европейский нигилизм» : ошибка популярной эксплуатации. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1940> (дата обращения: 09.05.2019).
10. Романовская Е. В. Этика нигилизма : Франк и Ницше // Человек. История. Культура : исторический и философский альманах. Саратов : Поволжская академия государственной службы, 2009. С. 56–60.

Образец для цитирования:

Романовская Е. В. Из истории нигилизма в России: «Вехи» и Франк // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 394–397. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-394-397>

From the History of Nihilism In Russia: “Vekhi” and Frank

E. V. Romanovskaya

Eugenia V. Romanovskaya, <https://orcid.org/0000-0001-9204-7348>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, evromanovskaya@mail.ru

In the article, the attempt is made to comprehend the influence of the ideology of nihilism on the social condition of Russia after the defeat of the 1905 revolution. Leading Russian philosophers (N. A. Berdyaev, S. N. Bulgakov, M. O. Gershenzon, A. S. Izгоеv, B. A. Kistyakovskiy, P. B. Struve, S. L. Frank) in the collection of ar-

ticles “Vekhi”, published in 1909, spoke about the role of the Russian intelligentsia in this revolution. The release of the collection caused a fierce debate in the society. We settled on the article by S. L. Frank (“Ethics of Nihilism”), which was devoted to the phenomenon of Russian nihilism. In his opinion, the enthusiasm of the intelligentsia in the ideas of nihilism was a pressure point in the failure of their participation in the revolution. The article attempts to consider the manifestations of nihilism in Russia, which was not only an “academic philosophical theory”, but also an important factor in influencing the events of the Russian revolution. Frank understood nihilism as the non-recognition of absolute values (truth, justice, freedom, beauty). Moralism, namely nihilistic moralism is the essence of the worldview of the Russian intelligentsia. And Frank, in his article, argues that the Russian intelligentsia must reconsider old values and

acquire new ones, – the values of creative religious humanism.
Keywords: intelligentsia, nihilism, moralism, ethics, revolution.

Received: 13.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Berdyaev N. A. Philosophical Truth and Intelligent Truth. In: *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 1991, pp. 1–23 (in Russian).
2. Izgoev A. S. About Intelligent Youth [Notes on its life and moods. In: *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 1991, pp. 97–125 (in Russian).
3. Rozanov V. V. Merezhkovsky against «Vekhi». *Novoe vremia* (New Time), 1909, no. 11897, p. 3. Available at: dugward.ru/library/rozanov/rozanov_merezhkovskiy_protiv_veh.html (accessed 14 May 2019) (in Russian).
4. Belyi A. The truth about the Russian intelligentsia. *Vesy* [The Scales], 1909, no. 5, May, pp. 65–68 (in Russian).
5. Trubetskoi E. Vekhi and their criticism. *Moskovskii ezhenedelnik* [Moscow daily], 1909, no. 23, 13 (26) June, pp. 1–18 (in Russian).
6. Solzhenitsyn A. I. Education. *Noviy mir* [New world], 1991, no. 5, pp. 28–46 (in Russian).
7. Frank S. L. Ethics of Nihilism. In: *Vekhi. Sbornik statei o russkoi intelligentsii* [Vekhi. Collection of articles about the Russian intelligentsia]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 1990, pp. 175–210 (in Russian).
8. Heidegger M. European Nihilism. In: Heidegger M. *Sein und Zeit*. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 163–167 (Russ. ed.: Haidegger M. *Evropeiskii nihilizm*. In: Haidegger M. *Vremia i bytie: Statia i vystupleniy*. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 163–167).
9. Chubarov I. «Evropeiskii nihilizm»: oshibka populyarnoi ekspluatatsii (Evropean nihilism: popular exploitation error). Available at: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1940> (accessed 9 May 2019) (in Russian).
10. Romanovskaya E. V. Ethics of nihilism: Frank and Nietzsche. In: *Chelovek. Istoria. Kultura: istoricheskii i filosofskii al'manakh* [Person. History. Culture: a historical and philosophical almanac]. Saratov, Privolzhskaya academia gosudarstvennoy sluzhby Publ., 2009, pp. 56–60 (in Russian).

Cite this article as:

Romanovskaya E. V. From the History of Nihilism In Russia: “Vekhi” and Frank. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 394–397 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-394-397>

УДК 1(091)+17

Нравственная проблематика в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России

Л. И. Тетюев, П. А. Владимиров

Тетюев Леонид Иванович, доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tetjuew@mail.ru

Владимиров Павел Анатольевич, кандидат философских наук, преподаватель, Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Саратове, Vladimirov_p_a@mail.ru

Статья посвящена сложной проблеме развития русского неокантианства в контексте истории трансцендентальной философии. Очерчивается общая тенденция развития трансцендентальной философии в форме «истории мотивов», выявленная на основе историко-философского анализа. Становление русского неокантианства как оригинального творческого направления обусловлено его развитием в контексте немецкой неокантианской методологии и стремлением русских философов к самостоятельности мышления. Специфика нравственной проблематики и ее своеобразии наиболее отчетливо отражаются в трудах русских неокантианцев, начиная с А. И. Введенского. Тем не менее общий вектор развития их взглядов согласуется с европейской философской традицией. Б. А. Фохт и В. Э. Сеземан занимаются проблематикой трансцендентального метода, а С. И. Гессен направляет свои усилия на формирование философии образования на принципах критического идеализма И. Канта. Новизна проводимого исследования состоит в выявлении специфики русского неокантианского методологического подхода в контексте развития проекта трансцендентальной философии. Особое внимание уделено проблематике соотношения свободы и ответственности, специфике раскрытия «принципа должностования». В завершение отмечается, что характерной чертой русского неокантианства становится переосмысление неразрывности целостного мировоззрения и взаимодополнительности трех «Критик» кенигсбергского философа. **Ключевые слова:** Кант и трансцендентальная философия, русское и немецкое неокантианство, критический идеализм, логицизм, практическая философия, нравственность.

Поступила в редакцию: 20.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>

Трансцендентальная философия может быть представлена как проект, имеющий сложный путь становления, в котором выделяются определенные исторические этапы. Начало традиционно связывается с основами трансцендентального мышления Платона и Аристотеля, стремящихся

задать границы знанию и опыту сверхчувственно-го, интеллигибельного постижения. Затем теологическое учение о трансценденталиях (единство, истинность и благодать) открывает перспективу для применения аналогии бытия как трансцендентного измерения, что позже сказалось на всей тематике трансцендентальной метафизики сущего. Стремление И. Канта реабилитировать метафизику заставило его обратиться в «Критике чистого разума» к идее трансцендентальной философии. Вместо прежнего вопроса о первых принципах сущего для него становится важным вопрошание о принципиальной возможности знания этих принципов. Трансцендентальная философия выступает у И. Канта системой всех принципов разума, поскольку их знание возможно априори. А это значит, что необходимы изучение и разработка принципов познания. Начиная с формирования проблематики основ человеческой познавательной способности, в трансцендентальной философии значимой становится тематика обоснования теоретического познания, что непосредственно оказало влияние на формирование современной научной методологии.

Неокантианство продолжило этот основной лейтмотив кантовой философии, но и при этом поставило своей целью не только преодолеть имеющиеся трудности, а и качественно переосмыслить основные функции теоретической и практической философии. Интерес к практически значимой составляющей кантовского наследия в неокантианстве порождился философской рефлексией проблемного поля нравственных проблем. Интерпретация этических идей Канта объясняется их философской составляющей и практической ролью в обосновании «интеллигибельного» возможного опыта.

В отличие от общей европейской тенденции специфика восприятия нравственной проблематики в русском неокантианстве сформировалась в контексте исторического развития отечественной философской мысли, широкого влияния религиозного сознания. При этом особо отметим, что интерес к трансцендентальному мышлению подкреплялся в русском неокантианстве не только миром познания, но и нравственным миром человека.

Следует выделить несколько закономерностей, или мотивов, становления трансцендентальной философии в *послекантовском* историко-философском контексте. Первый мотив исходит от основателя системной теории немецкого идеализма – И. Фихте [1, с. 59]. Второй определяется проблематикой новоевропейской философии сознания с позиции логицистской программы (неокантианский логицизм и семантика высказываний Г. Фреге) [1, с. 61–69]. Третий мотив вследствие развития теорий монистической онтологии и гегелевской диалектики порождает кризис трансцендентального идеализма и неокантианства как в Европе, так и в России. Заключительным в данном списке можно назвать новейший мотив «прагматического поворота» в философии, а также современные призывы к реабилитации замысла трансцендентальной философии Канта и развитию программ постнеокантианства.

Обозначенная «история мотивов» требует концептуального дополнения, поскольку первоначально она осмысливалась применительно к контексту развития западноевропейской трансцендентальной философии в XIX–XX вв. Если обратиться к контексту развития русского неокантианства в начале XX в., то стремление к применимости трансцендентальной методики исследования и ее расширения на сферы практического разума определили не только саму специфику русского неокантианства как неоднородного философского направления, а и его однородность общим историко-философским мотивам европейской *послекантовской* философии. Речь идет о втором мотиве в «истории мотивов» трансцендентальной философии. С одной стороны, философская позиция русских неокантианцев во многом согласовалась с немецким неокантианством, в частности, Б. А. Фохт, В. Э. Сеземан и С. И. Гессен всецело относили себя к последователям трансцендентальной философии, основанной И. Кантом. С другой стороны, попытки достичь самостоятельности мышления в собственном подходе к осмыслению успехов немецкого неокантианства и критического идеализма выразились в создании авторских теорий, отличающихся своей оригинальностью. В результате можно наблюдать наличие общего противоречия в вопросах идентичности неокантианской программы и внутренней, имманентной самоидентичности и самостоятельности во взглядах.

Стоит заметить, что не все русские философы причисляли себя к неокантианцам, хотя их идеи находились в явном контексте критического идеализма или были на нем основаны. Философские воззрения русского поэта Андрея Белого (Б. Н. Бугаев) имплицитно выстраивались

на неокантианской методологии, одновременно с этим в его позднем творчестве обнаруживается крайне негативная критика. Представляет интерес позиция мыслителя в определении культуры, которая «есть жизнь сознания, данная в пути самосознания» [2, с. 530] и соответственно этика определялась им из особенностей соотношения индивидуального сознания и комплекса самосознания в культуре. Андрей Белый опирался на рефлексию философии культуры Г. Риккерта, яркого представителя Баденской школы неокантианства, но эксплицитно привлекал и контекст идей символизма, который еще не оформился в русской философской традиции. Не случайно его называют одним из основоположников русского символизма в философии или даже предтечей «современной постмодернистской эстетики» [3, с. 92].

Наиболее четко специфика русского неокантианства отразилась в постановке нравственной проблематики, точнее ее расширения до нового исследовательского горизонта. Нельзя обойти вниманием А. И. Введенского, который стоял у истоков формирования неокантианства в России. В его работах обнаруживается двойственность в восприятии этики и проблем нравственной жизни, которая выражалась в безоговорочном признании «принципа долженствования» и идей практической философии Канта. Нравственность есть чистое понятие разума и определялась она философом через раскрытие феномена веры. Однако понятно, что обозначение контекста иррационального в понимании свободы и ответственности оказывается за рамками кантовского критического идеализма.

В работе «О пределах и признаках одушевления» неокантианец писал, что «кантовский метод» еще не оформился в своей целостности и «нельзя ждать от него быстрых успехов», хотя он может предоставить «что-нибудь прочное» в дальнейшем своем развитии [4, с. 119]. В то же время А. И. Введенский постоянно вел дискуссии по поводу предмета этики. И это понятно, с постановкой нравственных проблем связана философская аргументация существования различных форм веры. Выделяя религиозный и философский контексты осмысления веры, он стремился определить особенность нравственного чувства по отношению к религиозному опыту.

Подобная проблематика была актуальна на рубеже XIX–XX вв., поскольку нравственность и религиозное чувство сопоставлялись в русской религиозной философии. Более того, А. И. Введенский пытался дистанцироваться в своих рассуждениях от идей не только русских религиозных философов, но и от наукоучения

И. Фихте, на что справедливо указывает Н. А. Дмитриева [5, с. 47–49]. Философ не стремился к элиминации религиозной веры из состава способов постижения мира, но и не признавал за верой возможности формировать достоверное знание о мире. Свои исследования А. И. Введенский выстраивал на принципах критической философии [6], но их оригинальность именно в том и состоит, что они изначально в качестве своей основы опирались на метод логицизма и положение о целостном мировоззрении.

Представители «зрелого» неокантианства – В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт – обратили внимание на отсутствие в системе критицизма достаточной апробации нравственности и художественного творчества. Б. А. Фохт обозначил неразрешенность в классической кантовской философии вопроса о методах анализа художественного творчества. Философ отстаивал точку зрения, согласно которой необходимо дополнить «познание природы (сущего)» и «познание мира нравственного (должного)» постижением «мира прекрасного», поскольку последнее представляет собой особую форму «направления сознания» [7, с. 137]. Нравственное и природное сливались у него в «чистом чувстве» и «им усвояемой идеи гуманности» [7, с. 144]. Мир прекрасного, обуславливающий наличие «чистого чувства», по Б. А. Фохту позволяет преодолеть искусственное разграничение интеллектуального и нравственного. Философ выдвинул положение о взаимодополняемости всех способов постижения, и главной для него являлась идея о существовании «единства целого всей человеческой культуры» [7, с. 149]. Свой подход русский неокантианец подкреплял рассуждением об универсальности трансцендентального метода, который, по его мнению, способствует достижению целостного восприятия неразрывности трех миров: природы, должного и мира художественного творчества. Нравственность как объединяющая установка теоретического познания и художественного восприятия воплощает в себе в качестве основания принцип долженствования, который делает необходимым раскрытие области эстетического, лежащего вне границ рационального познания.

Тем самым в дальнейшем творчестве В. Э. Сеземан вышел на центральную тему своей философии – проблему структуры знания как сложной системы взаимоотношения компонентов рационального и иррационального. Его теория чистого знания постулирует принцип бесконечности познания, а именно единство и непрерывность научной проблематики, логические корни которой усматриваются в бесконечности познания и неисчерпаемости его объектов [8, с. 99].

Как и Б. А. Фохт, В. Э. Сеземан выявил невозможность раскрытия подлинной сущности знания только рациональными методами познания, которые ограничиваются областью «заданного» и «данного». Так, одной из значимых составляющих целостного представления о мире является область нравственного, которая «предзадана» и не дается в непосредственном опыте, но существует с очевидной необходимостью и общеобязательностью для всех и для каждого. В более поздних своих работах В. Э. Сеземан сконцентрировал внимание уже на проблемах эстетики и ее роли в соотношении рационального и иррационального в системе целостного знания.

Так или иначе, но подобные идеи русских неокантианцев явно расширяют содержание трансцендентальной философии и отличаются как от положений Марбургского, так и Баденского направлений немецкого неокантианства. Если специфика развития идей Б. А. Фохта и В. Э. Сеземана проявилась в расширении трансцендентального метода и в целом критической методологии, то С. И. Гессен сфокусировал свое внимание на проблеме формирования философии образования на принципах практической философии. В его работах философская рефлексия была обращена на соотношение понятий свободы, ответственности и долга и применения их в процессе обучения. Неокантианец обозначил собственную позицию как теорию нравственного и правового образования, подчеркивая, что человек в процессе обучения должен приобщаться к самообразованию и культурным ценностям и, таким образом, к самовоспитанию и осознанию собственной свободы. Согласно С. И. Гессену, если на начальных этапах образования учитель исполняет роль наставника, то на ступени «научного образования» уже должна реализовываться «свобода преподавания и учения» [9, с. 319]. Здесь учитель и ученик выступают равноправными партнерами в приобщении к культурным ценностям. Одной из ключевых проблем в развитии практической философии является проблема соотношения свободы и творчества: «Будучи прикладной этикой, теория нравственного образования в конце концов падает в этику, служившую ей ранее теоретическим основанием» [9, с. 202] в решении задач образования и воспитания.

С. И. Гессен, как и Б. А. Фохт, особое значение придавал исследованиям П. Наторпа, что обусловлено несколькими причинами: во-первых, П. Наторп развивал идеи практической философии в рамках собственной теории социальной педагогики; во-вторых, немецкий неокантианец

пытался раскрыть в полном объеме исследовательские возможности трансцендентального метода, а также его специфику по отношению к другим способам познания, в том числе и к естественнонаучным. Однако русские философы заметно расширяют методологические основания критической философии. В. Э. Сеземан и Б. А. Фохт постулировали наличие иррационального компонента в познании и, следовательно, обозначали проблематику самой возможности знания только в пределах рационального. С другой стороны, С. И. Гессен подвергал сомнению отсутствие взаимосвязи между актами постижения нравственности и процессом социального обучения личности. Только после обретения личностью способности к самоопределению посредством обучения в полной мере осознается собственная свобода.

Как видим, специфика русского неокантианства выразилась в своеобразии выводов, сделанных на основе теоретической рефлексии критического идеализма Канта и применения неокантианской методологии. Характерным стало особое внимание именно к нравственной проблематике долга, свободы и творчества, а не к осмыслению «принципа долженствования», который воспринимался как необходимое условие неокантианского прочтения философии Канта (Г. Коген и П. Наторп). При всем том, что положения И. Канта явно развивались через интерпретацию немецкого неокантианства (кроме А. И. Введенского), русские философы смогли достичь самостоятельности в собственных воззрениях, что отчетливо проявилось при сопоставлении их исследований с немецкой неокантианской традицией. Конечно, методологическая база, примат практического разума в философии и особое внимание к проблемам соотношения свободы и ответственности во многом согласовывались с общей направленностью европейского неокантианства, но стремление к достижению

целостности мировоззрения стало отличительной характеристикой неокантианства в России. Кантовская трансцендентальная философия выступает своего рода фактообразующим началом не только теоретической, но и практической философии. Кроме того, сегодня уже очевидно, что русское неокантианство в начале XX в. приблизилось к пониманию взаимодополнительности трех «Критик» Канта, а это имеет непосредственное, философское значение для систематики трансцендентальной философии.

Список литературы

1. Тетюев Л. И. Трансцендентальная философия : современный проект. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 292 с.
2. Белый А. Душа самосознающая. М. : Канон +, 2004. 560 с.
3. Аكوпова Ю. А. От символа к симулякру (на примере «московского текста» Андрея Белого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 92–95.
4. Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления. М. : Книга по требованию, 2012. 119 с.
5. Дмитриева Н. А. Критицизм или мистицизм? А. И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России : Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин. М. : РОССПЭН, 2013. С. 40–73.
6. Введенский А. И. Опыт построения теории материи на принципах критической философии. М. : Либроком, 2011. 352 с.
7. Фохт Б. А. Избранное (из философского наследия). М. : Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.
8. Сеземан В. Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М. : Тип. т-ва А. А. Левенсон, 1911. Кн. 1. С. 93–122.
9. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-Пресс, 1995. 448 с.

Образец для цитирования:

Тетюев Л. И., Владимиров П. А. Нравственная проблематика в русском неокантианстве: специфика становления трансцендентальной философии в России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 398–402. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>

Moral Problems in Russian Neo-Kantianism: The Specifics of the Formation of Transcendental Philosophy in Russia

L. I. Tetyuev, P. A. Vladimirov

Leonid I. Tetyuev, <https://orcid.org/0000-0002-4453-3509>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tetyuewl@mail.ru

Pavel A. Vladimirov, <https://orcid.org/0000-0003-3993-3636>, Branch of Samara State University of Railways Transport in Saratov, 1 International Ave., Saratov 410004, Russia, Vladimirov_p_a@mail.ru

The article is devoted to the complex problem of the development of Russian Neo-Kantianism in the context of the history of transcendental philosophy. The general tendency of the development of transcendental philosophy in the form of “the history of motives”, identified on the basis of historical and philosophical analysis, is

outlined. The formation of Russian Neo-Kantianism as an original creative direction is the result of its development in the context of German Neo-Kantian methodology and the pursuit of Russian philosophers for independent thinking. The specificity of moral issues and its originality are most clearly reflected in the writings of Russian Neo-Kantians, starting with A. I. Vvedensky. Nevertheless, the general vector of development of their views is consistent with European philosophical tradition. B. A. Focht and V. E. Sezeman deal with the problems of the transcendental method, and S. I. Hessen directs his efforts to the formation of the philosophy of education on the principles of critical idealism of I. Kant. The novelty of the study consists in the identification of the specifics of the Russian Neo-Kantian methodological approach in the context of the development of transcendental philosophy project. Particular attention is paid to the problem of the relationship between freedom and responsibility, the specifics of the disclosure of the "principle of obligation". In conclusion, it is noted that a characteristic feature of Russian neo-Kantianism is the rethinking of the inextricability of a holistic worldview and the complementarity of three "Critics" of I. Kant.

Keywords: Kant and transcendental philosophy, Russian and German neo-Kantianism, critical idealism, logicism, practical philosophy, morality.

Received: 20.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Tetyuev L. I. *Transtsendental'naya filosofiya: sovremennyy proyekt* [Transcendental Philosophy: A Modern Project]. Saratov, Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2001. 292 p. (in Russian).
2. Bely A. *Dusha samosoznayushchaya* [Self-aware soul]. Moscow, Kanon+ Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
3. Akopova Yu. A. From symbol to simulacrum (by the material of Andrei Bely's "Moscow text"). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2019, vol. 12, iss. 10, pp. 92–95 (in Russian).
4. Vvedensky A. I. *O predelakh i priznakakh odushevleniya* [On the limits and signs of animation]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012. 119 p. (in Russian).
5. Dmitrieva N. A. Criticism or mysticism? A. I. Vvedensky and Russian Neo-Kantianism. In: *Neokantianstvo v Rossii: Aleksandr Ivanovich Vvedenskiy, Ivan Ivanovich Lapshin* [Neo-Kantianism in Russia: Alexander Ivanovich Vvedensky, Ivan Ivanovich Lapshin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. pp. 40–73 (in Russian).
6. Vvedensky A. I. *Opyt postroyeniya teorii materii na printsipakh kriticheskoy filosofii* [Experience in building a theory of matter on the principles of critical philosophy]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 352 p. (in Russian).
7. Focht B. A. *Izbrannoye (iz filosofskogo naslediya)* [Selected works (from philosophical heritage)]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 456 p. (in Russian).
8. Sezeman V. E. *Ratsional'noye i irratsional'noye v sisteme filosofii* [Rational and irrational in the philosophy of the system]. *Logos. Mezhdunar. ezhegodnik po filosofii kultury* [Logos. International yearbook on philosophy of culture]. Moscow, Tip. t-va A. A. Levenson, 1911, book 1, pp. 93–122 (in Russian).
9. Hessen S. I. *Osnovy pedagogiki. Vvedeniye v prikladnuyu filosofiyu* [Fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. 448 p. (in Russian).

Cite this article as:

Tetyuev L. I., Vladimirov P. A. Moral Problems in Russian Neo-Kantianism: The Specifics of the Formation of Transcendental Philosophy in Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 398–402 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-398-402>

УДК 1(101.3+101.8)

Системный подход в отечественной системологии: транзитивность философского смысла и значения

М. В. Шаров

Шаров Максим Викторович, аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, maxsharov@list.ru

Статья посвящена проблеме системного подхода в контексте философской проблематики. Обосновывается необходимость пересмотра системных представлений и расширения динамической компоненты согласно требованиям времени. Внимание автора акцентируется на эволюции понятия «системный подход в отечественной системологии». Констатируется, что уникальность эволюции системного подхода в нашей стране обусловлена проблемой определения его роли и места в условиях господства материалистической диалектики в советский период. Цель статьи – проследить современное становление синтеза системного подхода и диалектики. Посредством исторического анализа обнаруживается возникновение базовых концепций, на которых сегодня осуществляется системно-диалектический синтез. Освещаются варианты интерпретации системного подхода в отечественной науке и философии – его отношения с философским принципом системности, междисциплинарной научной областью, сферой частных наук. Отмечается, что системный подход, обогащенный динамическими возможностями диалектического и синергетического подходов, качественно расширяет свои возможности применения. Поднятая В. Н. Сагатовским и продолженная Э. Г. Винограем линия исследования проблемы причин образования систем как результата разрешения системных противоречий дополняется возможностью образования систем на основе возникающих синергичных отношений. Противоречие и синергию предлагается рассматривать в качестве парной категории системообразующих факторов в процессе становления современной концепции системного подхода.

Ключевые слова: диалектический метод, принцип системности, системный подход, системное мышление, методология науки.

Поступила в редакцию: 22.04.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-403-406>

Системный подход, утвердившийся в науке более полувека назад, сегодня продолжает демонстрировать неисчерпаемость своего потенциала, раскрываясь в новых формах и приложениях. Современные вызовы российского общества требуют поиска новых решений, в которых, как показывает практика, системный подход играет далеко не последнюю роль. Г. Греф, анализируя эталон современного управленца, выделяет системное мышление как основополагающее качество, отсутствие которого превращает управ-

ленца в «пожирателя времени», неспособного решать поставленные задачи в заданный срок. Подобной эвристичности системного подхода в контексте современных системных представлений во многом поспособствовали работы советских ученых, исследовавших проблему отношения системного подхода и диалектики.

Системный подход прошел значительную эволюцию со времени своего утверждения в науке. Господство материалистической диалектики в советский период способствовало становлению системного подхода в нашей стране особым путем. Советским ученым-системникам приходилось доказывать, что системный подход не противоречит диалектике, а порой и ограничивает сферу его применения рамками естественнонаучной междисциплинарной области, оставляя область собственно философского знания исключительно диалектике. Заметим, что впоследствии именно такая постановка проблемы обусловила уникальный методологический синтез, который в настоящее время находится только на стадии формирования и ценность которого еще не проявилась в полной мере.

В 1970-е гг. в отечественной системологии сложились две интерпретации системного подхода в контексте его принадлежности к философскому знанию.

Первая интерпретация не предполагает распространения системного подхода на философскую проблематику, где системные представления относят к философскому принципу системности (отношение части и целого). Советскими учеными была выработана «концепция четырех уровней методологического знания» [1, с. 35–37; 2, с. 68–71], построенных по принципу от абстрактного к конкретному, где первый, наиболее абстрактный уровень, выступал областью «философской методологии» в рамках собственно диалектики. Второй уровень открывал область применения системного подхода как уровень «общенаучных методологических принципов и форм исследования» [2, с. 37]. Третий и четвертый уровни, являясь уровнями методологий конкретных наук и эмпирических исследований, также распространяют на себя применение системного подхода. В. Н. Садовский отмечает, что знание, полученное в рамках системного подхода, конкретизирует разделы диалектики [2, с. 34],

прослеживая тем самым и обратное движение от конкретного к абстрактному (от системного подхода к диалектике). Соответственно, здесь речь идет не о конкретизации понятия, а о «конкретизации степени абстрагирования» понятия, т. е. «конкретизации второго порядка». Таким образом, *системный подход в рамках данной интерпретации не является философским знанием*. Релевантна здесь и полемика среди советских ученых о сферах распространения системного подхода и содержании самого понятия «системный подход» вплоть до традиции «отрицания» понятия «подход» в контексте философской проблематики [2, с. 37; 3, с. 59]. Парадигмы системного подхода как общенаучной методологии вне рамок философской проблематики придерживались И. В. Блауберг, Д. М. Гвишиани, Л. В. Канторович, В. Е. Плиско, В. Н. Садовский, Ю. А. Шрейдер, Э. Г. Юдин, Б. Г. Юдин и др.

Вторая интерпретация системного подхода предполагает его распространение на область философского знания, где системный подход занимает промежуточное и одновременно «проникающее» положение между философией и наукой. А. И. Уемов методом конкретизации «адаптирует» философское знание к условиям междисциплинарных и частнонаучных онтологий, распространяя системный подход, таким образом, как на область философии в сторону абстрагирования, так и на область науки в сторону конкретизации предмета: «Системный подход к исследованию представляет собой конкретизацию принципов материалистической диалектики» [3, с. 270]. Такая парадигма открывает возможности безграничного проникновения системного подхода в различные сферы бытия в рамках абстрагирования объекта до уровня системы. Прикладное применение системного подхода в широком диапазоне естественнонаучной, социогуманитарной областей и философских проблем естествознания характерно для работ М. Месаровича и Я. Такахары [4]. Исследования в рамках философской герменевтики через призму системного подхода представлены трудами И. В. Дмитриевской [5]. В. Н. Сагадовский, анализируя системную динамику с диалектических позиций, пишет, что системообразующие факторы состоят из «системопорождающих противоречий» и «целевых факторов» [6, с. 65], где первые служат причиной возникновения новой системы, разрешающей данные противоречия, а вторые задают направление этой новой системе в разрешении противоречий. Сами же противоречия порождаются в ходе дальнейшего развития системы проблемой преодоления препятствий, накладываемых внешней средой относительно «направленности» системы, детерминированной начальными целевыми факторами [6, с. 66].

С наступлением эпохи гласности снимается необходимость «уживать» системный подход с материалистической диалектикой. И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин и В. Н. Садовский приводят релевантное определение системного подхода: «*Системный подход* – направление философии и методологии науки, специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем» и далее: «Важную часть философского обоснования системного подхода составляет системности принцип» [7].

В. В. Миронов и А. В. Иванов рассматривают системный подход непосредственно как конкретизацию философского принципа системности, что реализуется образованием концепций междисциплинарного уровня за пределами собственно философского знания: «Системный подход не отменяет философского принципа системности, а, напротив, закрепляет его в качестве важнейшего принципа диалектического объяснения бытия, уточняя проблему части и целого в нескольких иных понятиях и представлениях, связанных с определением системы как таковой» и далее: «Результатом системного подхода выступает создание общенаучных методологических концепций главным образом в рамках современной логики и методологии науки» [8, с. 57].

Таким образом, системный подход выступает связующим звеном между философией и наукой, проникая в них согласно их предметной необходимости.

Не касаясь таких междисциплинарных областей науки, как кибернетика, синергетика, диатропика, ряда общих и специальных теорий систем, возникшего в рамках общей теории систем Л. фон Берталанфи системного анализа, необходимо отметить, что системный подход продолжает оставаться самостоятельной основой для методологических построений применительно к самому широкому спектру человеческой деятельности.

Наблюдается постепенное становление диалектического синтеза, предполагающего в качестве тезиса и антитезиса системный подход и, собственно, диалектику. Благодаря такому синтезу современные системные представления обогащаются диалектическим методом, включая такие компоненты, как факторы противоречия и развития. В этой связи Ю. А. Урманцев пишет: «Основываясь на главных предложениях ОТС и учения о поли- и изоморфизме, симметрии и диссимметрии, мы разовьем далее системный подход прежде всего к ряду философских проблем – к отношениям противоречия и непротиворечия, взаимодействия, одностороннего действия и взаимонедействия, к проблемам единства и многообразия мира, изменения и развития» [9, с. 39].

Э. Г. Винограй, анализируя концепцию В. Н. Сагатовского, заключает: «Системы порождаются противоречиями и являются средством их разрешения» [10, с. 20]. Необходимо дополнить, что возникновение новых систем обусловлено как противоречиями, так и свойствами взаимодополняющего характера, обеспечивающими синергичные отношения и образующими новую систему. Примером здесь могут служить современная тенденция конвергенции наук (NBICS) или системы, соотнесенные по принципу ауто-поэзиса. Таким образом, прослеживается выход на два фактора, определяющих системную динамику – противоречие и синергия, которые могут выступать в качестве парной категории в составе современных системных представлений.

Э. Г. Винограй, тщательно проанализировав преимущества диалектики и системного подхода, предлагает концепцию системно-диалектического подхода по алгоритмическому принципу в «два эшелона» – в рамках первого эшелона предпринимается диалектический разбор проблемы структурно и динамически, затем, в рамках второго эшелона, к полученным данным в форме характеристик выявленных свойств и отношений применяются средства системного подхода в соответствии с обозначенными системными принципами и ориентацией на «цель» объекта, выраженную направлением разрешения существующих противоречий [11, с. 92]. Охват проблемы в «трех масштабах рассмотрения» – с объемлющих метасистем, в собственном масштабе и с объемлемых подсистем – учитывает полный спектр факторов системной динамики. Ориентированность на цель не исключает возможности явления «спонтанных» нецелевых синергетических процессов, влияющих на качество диалектического синтеза. Своеобразной «страховкой» от нежелательной вероятности спонтанных «сюрпризов» эмерджентной природы Э. Г. Винограй видит в «идее альтернативности», предполагающей многовариантность реализации объекта. В рамках первого эшелона особое внимание уделяется выявлению противоречий, а также решающих свойств и связей; в рамках второго эшелона – функциональных и дисфункциональных качеств относительно цели.

Необходимо отметить, что анализ противоречий может быть продуктивнее в связке с анализом синергий в том случае, когда в ситуации участвуют разнонаправленные, но родственные по своей природе процессы.

Более детально проблема вариативности динамических аспектов затронута Э. А. Самбуровым в контексте прогностической функции системного подхода. Влияние синергетики на системный подход выражается в вариативном анализе ситуации с различных точек зрения для обнаружения ее

скрытых особенностей – «полисистемном анализе», являющемся одним из компонентов системно-диалектического подхода Э. А. Самбурава [12, с. 7]. Такой полисистемный анализ подобен поиску и анализу флуктуаций – множества динамических факторов. Э. А. Самбуров в возможностях системно-диалектического подхода видит потенциал для построения «теории эффективного прогнозирования» [12, с. 8], обладающей возможностями долгосрочного прогноза цивилизационного характера.

Таким образом, пройдя длительную эволюцию, сегодня системный подход обогатился диалектическими и синергетическими компонентами, расширив свои динамические возможности. Подобная эволюция обусловлена развитием науки и техники, способствующим ускорению информационных потоков, что превращает время в наиболее ценный ресурс, и, как следствие, необходимости учета комплекса динамических факторов в рамках системного подхода, исключения «пожирателей времени».

Список литературы

1. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 274 с.
2. Садовский В. Н. Системный подход и общая теория систем : статус, основные проблемы и перспективы развития // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. М. : Наука, 1979. С. 29–54.
3. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
4. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы. М. : Мир, 1978. 312 с.
5. Дмитриевская И. В. Текст как система : понимание, сложность, информативность : учеб. пособие. Иваново : ИВГУ, 1985. 88 с.
6. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. М. : Наука, 1980. С. 52–68.
7. Блауберг И. В., Юдин Э. Г., Садовский В. Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a0d47bb13eacfee67> (дата обращения: 01.03.2020).
8. Мионов В. В., Иванов В. А. Онтология и теория познания : учебник. М. : Гардарики, 2005. 447 с.
9. Урманцев Ю. А. Общая теория систем : состояние, приложения и перспективы развития // Система, симметрия, гармония. М. : Мысль, 1988. С. 38–124.
10. Винограй Э. Г. Категориальный анализ, реконструкция и алгоритмизация системного подхода // Вестн. Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 10. С. 16–31.
11. Винограй Э. Г. Системно-диалектические инструменты познания сложных объектов // Социогуманитарный вестник Кемеровского ин-та (филиал) РГТЭУ им. Г. В. Плеханова. 2013. № 2 (11). С. 88–102.
12. Самбуров Э. А. Системно-диалектическая методология и теория предвидения // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2007. № 1 (29). С. 6–8.

Образец для цитирования:

Шаров М. В. Системный подход в отечественной системологии: транзитивность философского смысла и значения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 403–406. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-403-406>

Systems Approach in Russian Systemology: The Transitivity of Philosophical Value and Meaning

M. V. Sharov

Maxim V. Sharov, <https://orcid.org/0000-0002-9018-9788>, Ivanovo State University, 5 Timiryazeva St., Ivanovo 153025, Russia, maxsharov@list.ru

The article is devoted to the issue of a systems approach in the context of philosophical problems. The necessity of revising system representations and expanding the dynamic component, according to the requirements of the time, is substantiated. Attention is focused on the evolution of the concept of the systems approach in Russian systemology. It is shown that the uniqueness of the evolution of the systems approach in Russia is due to the problem of determining its role and place in the conditions of the dominance of materialistic dialectics in the Soviet period. The aim of the article is to trace the modern formation of the synthesis of the systems approach and dialectics. Through historical analysis, the emergence of basic concepts on which system-dialectical synthesis is carried out today is revealed. Variants of interpretation of the systems approach in Russian science and philosophy are highlighted – its relationship with the philosophical principle of systemicity, an interdisciplinary scientific field, and the field of private sciences. It is shown that the systems approach, enriched by the dynamic capabilities of the dialectic and synergetic approaches, is qualitatively expanding its application possibilities. The line of research raised by V. N. Sagatovskiy and continued by E. G. Vinogray is the problem of the causes of the formation of systems as a result of resolving systemic contradictions, complemented by the possibility of forming systems based on emerging synergistic relationships. It is proposed to consider the contradiction and synergy as a double category of system-forming factors in the process of formation of the modern concept of the systems approach.

Keywords: dialectical method, principle of systemicity, systems approach, science methodology.

Received: 22.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Blauberg I. V., Yudin E. G. *Stanovlenie i sushchnost sistemnogo podhoda* [The formation and essence of the systems approach]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 274 p. (in Russian).
2. Sadovskiy V. N. Systems approach and general system theory: status, main problems and development prospects. In: *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik* [Systems research. Methodological problems. Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 29–54 (in Russian).
3. Uyemov A. I. *Sistemnyy podhod i obshaya teoriya system* [Systems approach and general system theory]. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 272 p. (in Russian).
4. Mesarovich M., Takahara Ya. *Obshaya teoriya system: matematicheskie osnovy* [General System Theory: mathematical basics]. Moscow, Mir Publ., 1978. 312 p. (in Russian).
5. Dmitrevskaya I. V. *Tekst kak sistema: ponimanie, slozhnost' informativnost'* [Text as a system: understanding, complexity, informativeness]. Ivanovo, IvGU Publ., 1985. 88 p. (in Russian).
6. Sagatovskiy V. N. Systemic activity and its philosophical understanding. In: *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik* [Systems research. Methodological problems. Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 52–68 (in Russian).
7. Blauberg I. V., Yudin E. G., Sadovskiy V. N. Systems Approach. In: *Novaya Filosofskaya Entsiklopediya* (New Philosophical Encyclopedia). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a0d47bb13eeacfee67> (accessed 01 March 2020) (in Russian).
8. Mironov V. V., Ivanov V. A. *Ontologiya i teoriya poznaniya* [Ontology and theory of knowledge]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 447 p. (in Russian).
9. Urmantsev V. A. General system theory: state, applications and development prospects. In: *Sistema, Simmetriya, Garmoniya* [System, Symmetry, Harmony]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. pp. 34–124 (in Russian).
10. Vinogray E. G. Categorical analysis, reconstruction and systems approach algorithmization. *Vestnik KemGUKI* [Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2010, no. 10, pp. 16–31 (in Russian).
11. Vinogray E. G. Systemic dialectical tools for cognition of complex objects. *Sotsiogumanitarnyj vestnik Kemerovskogo instituta (filiala) RGTEU imeni G. V. Plekhanova* [Sociohumanitarian Bulletin of the Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian state technical University], 2013, no. 2 (11), pp. 88–102 (in Russian).
12. Samburov E. A. Systemic dialectical methodology and foresight theory. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2007, no. 1 (29), pp. 6–8 (in Russian).

Cite this article as:

Sharov M. V. Systems Approach in Russian Systemology: The Transitivity of Philosophical Value and Meaning. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 403–406 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-403-406>

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

Взаимосвязь когнитивных характеристик личности и дезадаптивных поведенческих установок в структуре индивидуальности у студентов

Т. В. Белых

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tvbelih@mail.ru

В статье представлены данные статистического исследования с применением корреляционного анализа, выявившего специфику связей между выраженностью ригидности, гибкости, особенностями когнитивного стиля и дезадаптивными поведенческими установками в структуре индивидуальности у студентов. Для диагностики использовались такие методы, как: Томский опросник ригидности Г. В. Залевского; Схемный опросник Дж. Янга (YSQ S3R); Методика «Интеллектуальная лабильность» В. Т. Козлова; Методика словесно-цветовой интерференции (Тест Дж. Струпа); Тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга; Методика «Гибкость мышления» А. С. Лачинса; Тест включенных фигур К. Готтшальдта. Применялся корреляционный анализ данных статистики. В исследовании приняли участие 73 студента вуза в возрасте 17–25 лет. Как показали результаты исследования, чем выше когнитивная пластичность и интеллектуальная лабильность личности, тем сильнее выражена способность личности к принятию ответственности на себя в ситуации фрустрации потребностей. При этом высокий уровень ригидности (общей, актуальной, преморбидной, ригидности как состояния) связан с проявлением усвоенных в детстве дезадаптивных схем поведения, сужающих возможности для оптимальной самореализации личности, с преобладанием агрессивных действий, с фиксацией на препятствии в ситуации фрустрации. Выраженная полезависимость связана с самозащитной стратегией разрешения фрустрирующей ситуации и фиксацией на удовлетворении собственных потребностей.

Ключевые слова: структура интегральной индивидуальности, реакция на фрустрацию, ригидность, гибкость, когнитивный стиль, тип и направленность реакции на фрустрацию, дезадаптивные поведенческие схемы.

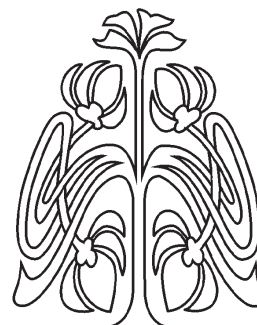
Поступила в редакцию: 10.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-407-413>

Введение

Проблема изучения детерминант дезадаптивного поведения личности привлекает внимание многих исследователей не только в сфере психологического знания, но и в смежных гуманитарных дисциплинах – юриспруденции, социологии, девиантологии, психогенетике, психофизиологии. Исследователи предпринимают многочисленные попытки выявить биологические и социально детерминированные особенности личности, которые провоцируют актуализацию дезадаптивных форм поведенческой активности, препятствуют ее оптимальной социализации и самореализации в современном социуме.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Проявления дезадаптации в различных психологических состояниях и как устойчивая форма поведения изучались в работах П. Жане, А. Кемпински, Г. В. Залевского, В. К. Вилюнаса и др. Нарушения высших психологических функций, приводящих к дезадаптивному поведению человека, стали предметом исследования в трудах Б. С. Братуся, К. Е. Игошева, В. Н. Мясищева, Е. Д. Хомской и др. В работах И. П. Башкатова, А. А. Даниленкова, П. П. Горностая, В. П. Емельянова, А. А. Самохиной, В. А. Татенко, Д. И. Фельдштейна, Л. В. Яссман и других дезадаптивное поведение изучалось во взаимосвязи с проявлениями личности девиаций и асоциального поведения, подчеркивается преобладание ригидности как одного из факторов, определяющих отклоняющееся поведение личности. Механизмы психологической дезадаптации, с точки зрения организации психологической помощи, анализируются в исследованиях Ю. А. Александровского, Ф. В. Березина, А. Е. Личко, Е. Г. Эйдемиллера и др.

В настоящее время интерес к изучению индивидуальных и личностных детерминант поведенческой дезадаптации не ослабевает. Рассматривая эмоциональную неустойчивость как ведущий фактор формирования дезадаптивного поведения у студентов, Е. Г. Шукина отмечает, что детерминантами, дифференцирующими эмоциональную устойчивость и неустойчивость, являются личностные особенности, ответственные за активность поведения, эмоциональную направленность переживания и когнитивную оценку ситуации [1]. В работе И. Д. Барбаевой изучались психологические детерминанты дезадаптации личности в условиях изоляции. Ею обнаружена недостаточность абстрактного мышления у респондентов, преобладание наглядно-образного мышления, неумение выделить главное, замедленное, недостаточно полное либо искаженное восприятие информации, снижение активного интереса к окружающему, стремление заниматься только знакомым делом, боязнь новых заданий [2]. Изучается проблема взаимосвязи жизнеспособности и адаптированности (дезадаптации) современных подростков. Так, в диссертационной работе А. И. Лактионовой установлено, что снижение жизнеспособности как личностной ресурсности приводит к появлению дезадаптивных форм поведения у подростков [3, 4].

В рамках теории интегральной индивидуальности проводится комплекс исследований, направленных на изучение роли субъектной активности в профилактике дезадаптации личности на разных возрастных этапах ее развития [5–8]; выявлены особенности структуры интегральной индивидуальности у студентов с разной степенью

адаптации к стрессовой ситуации [9]; изучены гендерные особенности личности, определяющие специфику самоактуализации личности в современном социуме [10, 11]. В психологической школе В. В. Белоуса исследовалась роль волевой регуляции, рефлексии и самосознания в гармонизации структуры интегральной индивидуальности школьников и студентов, определяющих успешность адаптации личности к условиям обучения и социального взаимодействия [12–14].

В настоящем исследовании была поставлена цель – установить связь когнитивных характеристик личности, представленных ригидностью (флексibilityностью), интеллектуальной лабильностью, когнитивным стилем, а также типом и направленностью реакции на фрустрацию и типом сформированных дезадаптивных поведенческих схем в структуре индивидуальности у студентов. Изучение выявленных связей в структуре индивидуальности позволит, на наш взгляд, обнаружить те особенности когнитивной оценки личностью ситуации, которые могут выступать во взаимосвязи с сформированными дезадаптивными установками и поведенческими схемами, определяющими характер социального взаимодействия личности, его адаптивный или дезадаптивный вектор.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 73 студента Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского в возрасте от 17 до 25 лет. Использовались следующие психодиагностические методы: Томский опросник ригидности Г. В. Залевского, Схемный опросник Дж. Янга (YSQ S3R), Тест Дж. Струпа, Тест фрустрационных реакций С. Розенцвейга, Методика «Гибкость мышления» А. С. Лачинса, Методика «Интеллектуальная лабильность» В. Т. Козлова, Тест включенных фигур К. Готтшильда.

Результаты исследования

Результаты корреляционного анализа связи выраженности ригидности (флексibilityности) и типа ранних дезадаптивных поведенческих схем представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, на данной выборке обнаружены значимые корреляции выраженности разных типов ригидности со следующими ранними дезадаптивными поведенческими схемами. Высокая выраженность общей ригидности имеет значимые корреляционные связи с такими дезадаптивными поведенческими схемами, как: покинутость (нестабильность); неуспешность; покорность; недостаточность самоконтроля; поиск одобрения; негативизм (пессимизм); подавлен-

Таблица 1 / Table 1

Связь выраженности ригидности (флексibility) и типа ранних дезадаптивных поведенческих схем у студентов
The relationship between the severity of rigidity (flexibility) and the type of early maladaptive behavioral patterns in students

Дезадаптивная поведенческая схема	Общая ригидность	Актуальная ригидность	Ригидность как состояние	Сензитивная ригидность	Преморбидная ригидность	Флекси-бильность	Шкала реальности
Покинутость (Нестабильность)	,670**	,540*		,584*	,370*	,583*	
Неуспешность	,704**	,635**					
Зависимость (Беспомощность)			,633**				
Покорность	,716**	,668**					
Недостаточность самоконтроля	,632**			,585			
Поиск одобрения	,717**						
Негативизм (Пессимизм)	,822**	,627**		,503			
Эмоциональная депривированность		,523*				,516*	,408*
Подавленность эмоций	,520*						
Пунитивность	,521*						
Самопожертвование			-,546*				
Дефективность (Стыдливость)		,568*			,406*		
Социальная отчужденность					,368*		
Неуспешность					,378*		

Примечание. ** – коэффициент корреляции значим на уровне 0,01 по Пирсону; * – коэффициент корреляции значим на уровне 0,05 по Пирсону.

ность эмоций; пунитивность. Это означает, что человек, склонный к персеверациям (устойчивому повторению какой-либо деятельности, эмоции, ощущения), ярко выраженным упрямством, педантизмом, стереотипиям, может иметь сформированные перечисленные неадаптивные поведенческие схемы, которые в свою очередь закрепляются на бессознательном уровне в виде глубинных убеждений о собственной неуспешности, покинутости и т.д. Сформированные таким образом дезадаптивные установки могут оказывать влияние на поведение в ситуациях межличностного взаимодействия, характер осуществления учебной деятельности, сужая возможности для оптимальной самореализации личности в общении и будущей профессиональной деятельности.

Высокие показатели выраженности актуальной ригидности коррелируют с такими дезадаптивными поведенческими схемами, как неуспешность, покорность, негативизм (пессимизм), эмоциональная депривированность,

дефективность (стыдливость). Актуальная ригидность проявляется в неспособности личности при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания, что по данным, полученным в ходе исследования, сопровождается проявлением излишней покорности, ощущением собственной неуспешности, негативизмом или пессимизмом, эмоциональной отчужденностью, повышенной застенчивостью и стыдливостью как неадаптивными способами самореализации личности в социуме. Все это может не только создавать трудности адаптации личности к быстро меняющимся условиям социальной реальности, но и препятствовать профессиональному становлению и развитию в студенческом возрасте.

Ригидность как состояние положительно коррелирует с одной из выявленных дезадаптивных схем, а именно с зависимостью (беспомощностью) и имеет отрицательную значимую связь с самопожертвованием, как поведенческой уста-

новкой. Она характеризуется тем, что в состоянии страха, стресса (дистресса), плохого настроения, утомления или какого-либо болезненного состояния человек особенно склонен к ригидному поведению. Когда человек не испытывает негативных эмоций, то он может и не проявлять такого типа ригидность. Однако важно подчеркнуть, что наличие такой особенности сочетается, как правило, с глубинным убеждением в собственной беспомощности и зависимости от других людей, обстоятельстве.

Показатели выраженности преморбидной ригидности коррелируют с такими дезадаптивными поведенческими схемами, как покинутость (нестабильность), социальная отчужденность, дефективность (стыдливость), неуспешность. Преморбидная ригидность проявляется в том, что уже и в подростковом и в юношеском (школьном)

возрасте испытуемые сталкивались с трудностями в ситуациях каких-либо перемен, нового и т.п. Это свидетельствует о том, что еще со школьного возраста они предрасположены к восприятию себя как неуспешных, ненужных, что проявляется в чувстве нестабильности, социальной отчужденности, стыдливости при взаимодействии с окружающими.

Показатели по шкале реальности коррелируют с эмоциональной депривированностью как дезадаптивной поведенческой установкой. Шкала реальности удостоверяет, исходит ли респондент в своих ответах на вопросы из своего опыта или только из предположений. Наличие данной корреляции свидетельствует о том, что опрошенные имеют опыт эмоциональной депривации.

Данные о связи ранних дезадаптивных схем и флексибельности представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Связь ранних дезадаптивных схем и флексибельности личности
The relationship of early maladaptive schemes and personality flexibility

Дезадаптивные схемы	Флексибельность
Эмоциональная депривированность	,516*
Покинутость (Нестабильность)	,583*

Примечание. * – коэффициент корреляции значим на уровне 0,05 по Пирсону.

Как видно из табл. 2, выявлены значимые корреляционные связи между показателями флексибельность (когнитивная пластичность) и следующими ранними дезадаптивными поведенческими схемами, а именно эмоциональной депривированностью, покинутостью (нестабильностью). Эти данные свидетельствуют о том, что быстрое переключение внимания, умение оперативно и безошибочно переходить с решения одних задач на решение других свойственно респондентам, которые воспитывались в семьях с нестабильной эмоциональной ситуацией, что согласуется с данными о том, что сочетание гомогенности и нестабильности социальной среды по-разному влияет на проявление креативности, продуктивного и репродуктивного мышления [15]. Когда человек воспитывается в гомогенной и стабильной социальной ситуации, ему не требуется проявления интеллекта и креативности, а усвоенные ранее способы действия позволяют ему действовать вполне успешно. По мере нарастания неоднородности требуется все более активное использование интеллектуальных и творческих способностей, с тем чтобы успешно адаптироваться к ситуациям с высокой степенью неопределенности.

На следующем этапе осуществлялся анализ связи типа и направленности реакции на фрустрацию и особенности когнитивной обработки информации.

Данные связи типа и направленности реакции на фрустрацию и когнитивные особенности личности в структуре индивидуальности у студентов представлены в табл. 3.

Данные табл. 3 позволяют обнаружить обратную корреляционную связь между уровнем ригидности и типом реакции на фрустрацию с фиксацией на удовлетворении потребности. То есть при высоком уровне ригидности личность сталкивается с невозможностью удовлетворить потребности в силу неизменности своих внутренних программ по отношению к внешним, изменяющимся условиям среды. При этом гибкость мышления на высоком уровне значимости коррелирует с количеством реакций на фрустрацию интропунитивной направленности, выраженность которой свидетельствует о сформированной способности к принятию личной ответственности не только за себя, но и за другого человека. Такие люди заинтересованы в адекватном разрешении ситуации фрустрации, принимают ее как благоприятную для себя, а вы-

Таблица 3 / Table 3

**Связь типа и направленности реакции на фрустрацию и когнитивных особенностей личности
в структуре индивидуальности у студентов**
**The relationship between the type and orientation of the reaction to frustration and the cognitive characteristics
of the personality in the structure of individuality in students**

Структурные компоненты индивидуальности	Экстрапунитивные реакции	Интрапунитивные реакции	Импунитивные реакции	Препятственно-доминантные	Самозащитные	Фиксация на удовлетворении потребностей
Ригидность						-,491**
Гибкость мышления		,486**				
Интеллектуальная лабильность	-,570**	,380*	,356*			
Флексибельность				-,370*		
Полезависимость (полнезависимость)					,657**	,838**

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 1.

сокий уровень пластичности мышления может способствовать быстрому и адаптивному реагированию на изменяющуюся ситуацию.

Помимо этого, обнаруживается значимая корреляция между низкой выраженностью интеллектуальной лабильности и количеством реакций на фрустрацию экстрапунитивной направленности. Респонденты, имеющие тенденцию к осуждению внешней причины, других людей в возникновении ситуации фрустрации имеют низкие показатели интеллектуальной лабильности. Это может сопровождаться агрессивными действиями осуждающего характера по отношению к другим людям. Положительные корреляции между интеллектуальной лабильностью и выраженностью интрапунитивных и импунитивных реакций на фрустрацию лишь подтверждают высказанное мнение.

Из табл. 3 также видно, что чем выше когнитивная флексибельность, тем менее активны препятственно-доминантные реакции на ситуацию фрустрации. Особенности когнитивного стиля, а именно полезависимость связаны с такими типами реакции на фрустрацию, как самозащитный и реакция с фиксацией на удовлетворение потребностей.

Обсуждение результатов и выводы

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о наличии связи между когнитивными особенностями личности, ее дезадаптивными поведенческими установками, типами и направленностью реакции на фрустрацию в ситуациях межличностного взаимодействия у студентов. Как показали результаты исследо-

вания, ригидность личности, проявляющаяся в отказе использовать многовариативные поведенческие стратегии, сформированная в раннем детстве и проявляющаяся уже в подростковом возрасте, связана с целым рядом неадаптивных поведенческих схем, функционирующих в форме негативных глубинных убеждений о самом себе. При этом высокий уровень флексибельности характерен для студентов, воспитывавшихся в эмоционально нестабильной семейной ситуации, характеризующейся, скорее всего, повышенным уровнем неопределенности и непредсказуемости реактивного поведения у членов семьи, что создавало условия для формирования когнитивной сложности при оценке внутрисемейной ситуации. Высокие показатели гибкости и лабильности интеллектуальной деятельности характерны для студентов, проявляющих интрапунитивные реакции в ситуации фрустрации потребностей, что говорит об их способности брать ответственность за ситуацию, в которой они оказались, на себя. Доминирующей направленностью реакции на фрустрацию при низком уровне интеллектуальной лабильности, напротив, является экстрапунитивная, характеризующаяся проявлением агрессии по отношению к участникам общения во фрустрирующей ситуации. Также при высоких показателях уровня ригидности личности у респондентов преобладает тип реакций на ситуацию фрустрации с фиксацией на препятствие. Для студентов с ярко выраженным полезависимым стилем интеллектуальной деятельности характерны такие типы реакции на фрустрацию, как самозащитная и реакция с фиксацией на удовлетворение потребностей.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы в практике оказания психологической помощи студентам, испытывающим затруднения в эффективной самореализации в учебно-профессиональной деятельности, в сфере межличностного взаимодействия за счет изменения не только негативных глубинных убеждений относительно себя, но и за счет развития когнитивной сложности в восприятии себя и окружающей действительности в рамках когнитивно-поведенческой психологической коррекции, тренингов креативности и личностного роста.

Список литературы

1. Щукина Е. Г. Эмоциональная неустойчивость как ведущий фактор формирования дезадаптивного поведения студентов : дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 176 с.
2. Барбаева И. Д. Психологические детерминанты дезадаптации личности в условиях изоляции : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2007. 21 с.
3. Лактионова А. И., Махнач А. В. Факторы жизнеспособности девиантных подростков // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 39–47.
4. Лактионова А. И. Жизнеспособность и ее место в системе психологических понятий // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Психологические науки. 2010. № 3. С. 11–15.
5. Белых Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. М. : Илекса ; Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2003. 328 с.
6. Вяткин Б. А. Активность в структуре интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности : Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 233–272.
7. Гасанов С. К. Активность бытия как фактор развития интегральной индивидуальности // Психология интегральной индивидуальности : Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 284–298.
8. Волочков А. А. Учебная активность : от инновационной идеи к психологии активности субъекта жизни // Психология интегральной индивидуальности : Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 305–318.
9. Белых Т. В. Специфика межуровневых связей в структуре интегральной индивидуальности у студентов с разным уровнем адаптации в стрессовой ситуации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Психология. Философия. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 298–303. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-298-303>
10. Городилова Е. Н. Гендерные особенности самоактуализации и их связь с индивидуальностью // Психология интегральной индивидуальности : Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 466–490.
11. Васюра С. А. Гендерное исследование коммуникативной активности студентов // Психология интегральной индивидуальности : Пермская школа. М. : Смысл, 2011. С. 490–497.
12. Тахтылова Е. А. Интегральная индивидуальность и волевая регуляция // Системное познание индивидуальности человека. Пятигорск : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2009. С. 30–54.
13. Романовская С. Л. Интегральная индивидуальность и самосознание // Системное познание индивидуальности человека. Пятигорск : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2009. С. 54–67.
14. Гринь С. В. Интегральная индивидуальность и рефлексия // Системное познание индивидуальности человека. Пятигорск : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2009. С. 103–110.
15. Воронин А. Н. Ситуационные и межличностные детерминанты проявления интеллекта и креативности // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 1. С. 88–114.

Образец для цитирования:

Белых Т. В. Взаимосвязь когнитивных характеристик личности и дезадаптивных поведенческих установок в структуре индивидуальности у студентов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 407–413. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-407-413>

The Relationship of Cognitive Characteristics of Personality and Maladaptive Behaviors in the Structure of Individuality in Students

T. V. Belykh

Tatiana V. Belykh, <https://orcid.org/0000-0001-8760-9297>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tvbelih@mail.ru

The article presents the data of a statistical study using correlation analysis, which revealed the specifics of the relationship between the severity of rigidity, flexibility, the characteristics of the cognitive style and maladaptive behaviors in the structure of individuality in students.

For diagnosis, such methods were used as: G. V. Zalevsky's Tomsk rigidity questionnaire; J. Young Schema Questionnaire; V. T. Kozlov's "Intellectual liability" test; The Stroop Color and Word Test; Rosenzweig Frustration Test; A. Luchin's test for flexibility of thinking; K. Gottshaldt Figures test. A correlation analysis of statistics was used. The study involved 73 university students aged 17–25 years. As the results of the study showed, the higher the cognitive plasticity and intellectual liability of the personality, the more pronounced is the ability to accept personal responsibility in a situation of frustration needs. At the same time, a high level of rigidity (general, relevant, premorbid, rigidity as a state) is associated with the manifestation of maladaptive patterns of behavior adopted in childhood, narrowing the possibilities for optimal self-realization of a person, with the predominance of aggressive

actions with fixation on an obstacle in a situation of frustration. Expressed field dependence is associated with a self-defensive strategy for resolving a frustrating situation and fixing on satisfying one's own needs.

Keywords: structure of an integral individuality, reaction to frustration, rigidity, flexibility, cognitive style, type and orientation of reaction to frustration, maladaptive behavioral patterns.

Received: 10.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Shchukina E. G. *Emotsional'naya neustoychivost' kak vedushchiy factor formirovaniya dezadaptivnogo povedeniya studentov* [Emotional instability as a leading factor in the formation of maladaptive behavior of students]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow, 1998. 176 p. (in Russian).
2. Barbayeva I. D. *Psikhologicheskie determinant dezadaptatsii lichnosti v usloviyakh izolyatsii* [Psychological determinants of personality disadaptation in isolation]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Khabarovsk, 2007. 21 p. (in Russian).
3. Laktionova A. I., Makhnach A. V. Viability factors for deviant adolescents. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2008, vol. 29, no. 6, pp. 39–47 (in Russian).
4. Laktionova A. I. Viability and its place in the system of psychological concepts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Psikhologicheskie nauki"* [Vestnik MGOU. Ser. "Psychological Sciences"], 2010, no. 3, pp. 11–15 (in Russian).
5. Belykh T. V. *Psikhologicheskie zakonomernosti dinamiki subektnyh svoystv v structure individualnosti* [Psychological regularities of dynamics of subjective properties in the structure of individuality]. Moscow, Ileksa Publ.; Stavropol, Stavropol'servisshkola Publ., 2003. 328 p. (in Russian).
6. Vyatkin B. A. Activity in the structure of integral individuality. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 233–272. (in Russian).
7. Hasanov S. K. The activity of being as a factor in the development of integral individuality. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 284–298. (in Russian).
8. Volochkov A. A. Educational activity: from an innovative idea to the psychology of the activity of the subject of life. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 305–318 (in Russian).
9. Belykh T. V. The specificity of inter-level connections in the structure of the integral individuality of students with different levels of adaptation in a stressful situation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, no 3, pp. 298–303 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-3-298-303>
10. Gorodilova E. N. Gender features of self-actualization and their relationship with individuality. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 466–490 (in Russian).
11. Vasyura S. A. Gender study of students communicative activity. In: *Psikhologiya integral'noy individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, pp. 490–497 (in Russian).
12. Takhtylova E. A. Integral individuality and volitional regulation. In: *Sistemnoe poznanie individual'nosti cheloveka* [Systemic knowledge of human individuality]. Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2009, pp. 30–54 (in Russian).
13. Romanovskaya S. L. Integral individuality and self-consciousness. In: *Sistemnoe poznanie individual'nosti cheloveka* [Systemic knowledge of human individuality]. Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2009, pp. 54–67 (in Russian).
14. Grin S. V. Integral individuality and reflection. In: *Sistemnoe poznanie individual'nosti cheloveka* [Systemic knowledge of human individuality]. Pyatigorsk, Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2009, pp. 103–110 (in Russian).
15. Voronin A. N. Situational and interpersonal determinants of the manifestation of intelligence and creativity. *Ekspериментальная психология* [Experimental Psychology], 2010, vol. 3, no. 1, pp. 88–114 (in Russian).

Cite this article as:

Belykh T. V. The Relationship of Cognitive Characteristics of Personality and Maladaptive Behaviors in the Structure of Individuality in Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 407–413 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-407-413>

УДК 316.61

Ценностные факторы склонности к риску у курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации

Д. А. Мещеряков

Мещеряков Денис Александрович, адъюнкт, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, dma21051980@mail.ru

Изучение роли ценностей через призму проблематики риска и рискованного поведения в процессе военно-профессиональной социализации у курсантов – интересная и важная задача социальной психологии. Приверженность определенным базовым общечеловеческим ценностям, формирование готовности пойти ради них на риск или, наоборот, их неприятие существенно влияют на успешное выполнение служебной деятельности военнослужащих, а следовательно, на общество и государство в целом. Поэтому **цель** данного исследования – проанализировать изменения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения у курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации, проверить гипотезу, согласно которой поведение, связанное с риском, и поведение, связанное с рациональностью, обуславливаются в основном различными ценностями. В исследовании приняли участие 182 курсанта Саратовского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации. **Методика.** Для изучения изменения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения и выявления наиболее важных ценностных предикторов готовности к риску и рациональности использовались опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР) Т. В. Корниловой, а также опросник Ш. Шварца (PVQ-R). Обработка данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics Subscription. На основе проведенного корреляционного и регрессионного анализа были выявлены усложнение в процессе военно-профессиональной социализации ценностной детерминации рискованного и рационального поведения, а также основные факторы – ценности готовности к риску и рациональности.

Ключевые слова: риск, рациональность, ценности, предикторы риска и рациональности, факторы риска и рациональности, курсанты, военная социализация.

Поступила в редакцию: 10.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-414-421>

Профессиональная деятельность военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации неразрывно связана с риском. Особенно это актуально в нынешнее неспокойное время.

В процессе военно-профессиональной социализации в военном институте курсант, развиваясь как личность, проходя этапы становления как военный специалист, свыкается с мыслью о сопутствующем риске. Но полноценное развитие личности невозможно без такого важного и динамичного компонента, как ценности [1]. Поэтому проблема риска и рискованного поведения, их взаимосвязи с ценностями среди военнослужащих, по нашему мнению, относится к числу наиболее интересных и актуальных и с научно-теоретической, и с практической точки зрения. И если первая связана с необходимостью изучения этой проблемы для разработки методов эффективного управления рисками (так называемый риск-менеджмент) и получения нового научного знания в области социальной психологии риска, то вторая нацелена на разработку программ и рекомендаций для специалистов по риск-менеджменту и военных психологов.

Теоретический анализ проблемы

Занимаясь проблематикой риска в среде военнослужащих (в данном случае среди курсантов военного института), проводя опросы в ходе повседневного общения, невозможно было не отметить, что от курса к курсу, в процессе военной социализации свою готовность или неготовность к риску молодые люди поясняли в том числе и различными ценностными ориентирами. Причем эти ценности варьировались и по направленности, и по фокусу.

Работы М. В. Леви, Е. А. Некрасовой, Е. Э. Бабаян [2], М. А. Правенького [3], Е. Ф. Талаш [4], Н. С. Кырлан [5], Е. В. Алфеевой и других авторов посвящены изучению различных аспектов риска, сопровождающего военнослужащих. В то же время к вопросу изучения ценностей и их прямого и опосредованного влияния на представителей этой специфической профессии обращались такие авторы, как Р. М. Шамионов, А. В. Созонник [6], Р. А. Терехин [7], К. С. Вызулина [8] и др.

Актуальность настоящей работы обусловлена явным недостатком научных исследований, посвященных взаимосвязи показателей склонности к риску и ценностей в процессе военной социализации курсантов военных вузов.

Цель исследования – изучить изменения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения у курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации, проверить гипотезу, согласно которой поведение, связанное с риском, и поведение, связанное с рациональностью, обуславливается в целом различными ценностями.

Предмет исследования – ценностные факторы склонности к риску у курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации.

Задачи исследования заключаются в следующем:

– изучить изменения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения у курсантов военного вуза в процессе военно-профессиональной социализации;

– выявить наиболее важные ценности-факторы готовности к риску и рациональности.

Методологическая основа исследования

В качестве методологической основы исследования был выбран общенаучный системный подход (А. А. Богданов [9], Г. Саймон [10], П. Друкер, А. Чандлер, С. А. Черногор, А. Н. Малюта), в соответствии с которым ценности и отношение к риску рассматриваются как имеющие внутреннюю структуру системные объекты; системно-диахронический подход к анализу процесса социализации личности (Р. М. Шамионов [11]), согласно которому утверждение (становление) личностных образований на разных этапах социализации отличительной чертой имеет диахронность и смену оснований; принцип детерминизма (В. Г. Иванов [12], А. А. Ивин [13], С. А. Лебедев [14], М. Бунге), в соответствии с которым изменения, происходящие с отношением к риску под влиянием различных ценностных предикторов, не случайны, а закономерны; методы математической статистики – корреляционный и регрессионный анализ.

Выборка. В исследовании приняли участие 182 курсанта мужского пола Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации в возрасте от 18 до 26 лет, $M = 20,5$ лет. Объем выборки: I курс – $n = 38$, II курс – $n = 48$, III курс – $n = 28$, IV курс – $n = 32$, V курс – $n = 36$.

Методика. Для получения эмпирических данных применялся метод опроса и анкетирования.

В процессе обработки данных использовалась статистическая программа Statistical Package for the Social Sciences (SPSS Statistics Subscription).

Основным методом при анализе полученных результатов явился сравнительный метод.

Для изучения изменения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения и выявления наиболее важных ценностных предикторов готовности к риску и рациональности использовались опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР) Т. В. Корниловой, состоящий из 25 пунктов и позволяющий определить показатели по шкалам: готовности к риску и рациональности, а также опросник Ш. Шварца (PVQ-R), состоящий из 57 пунктов, позволяющий определить базовые человеческие ценности.

Основная часть

Как видно из данных корреляционного анализа, между шкалами риска, рациональности и ценностями (табл. 1) их соотношение от курса к курсу претерпевает изменения. На наш взгляд, это происходит в связи с трансформацией определенных жизненных установок и ценностных ориентиров, происходящих в ходе военной социализации.

На первом курсе обучения выявлено две высокосвязанные связи, что составляет 6,3% от их общего количества. По нашему мнению, это свидетельствует о сопряженности рациональности, связанной с принятием решения, и таких ценностей, выражающих интересы группы, как скромность и благожелательность.

Считаем, что это связано с тем, что на начальном этапе процесса адаптации и становления в военном коллективе молодые люди в основной массе склонны руководствоваться так называемым «золотым правилом нравственности», которое гласит: «Поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы с вами поступили». Курсанты осознают, что попали в военный коллектив надолго и в связи с этим должны соблюдать определенную сдержанность, ровность и благожелательность (заботливость) в отношениях.

Установленные на II курсе высокосвязанные связи указывают на сопряженность ценностей как с рациональностью, так и с риском. Таких связей установлено 6, что составляет 18,8% от общего их количества. Причем такие ценности, как гедонизм, достижение, власть и безопасность, сопряжены с готовностью к риску, а репутация и благожелательность – с рациональностью. Как можно наблюдать, на II курсе у испытуемых происходит смещение и увеличение количества ценностных приоритетов. Из социально значимых ценностей на смену благожелательности-заботе приходит такая ценность как благожелательность-чувство долга; ценность-скромность теряет свое значение, на смену ей приходит ценность безопасность-общественная. Большую важность для сопряженности с риском приобретают индивидуально значимые ценности гедонизма, достижений, власти-доминирования, а с рациональностью – репутация.

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязь показателей риска и ценностей у курсантов на разных этапах военной социализации
Correlation of risk indicators and values among cadets at different stages of military socialization

Курс	Показатели рациональности и риска	СМ	СП	Г	Д	ВД	ВР	Р	БЛ	БО	КП	КМ	С	УЗП	УЗД	БЗ	БЧД
I	ЛФРР	,287	,270	,170	,314	,063	,163	,284	,312	,247	,303	,043	,331*	,279	,272	,369*	,306
	ЛФРГР	-,009	-,088	-,138	-,011	-,113	,165	,119	-,188	-,036	-,147	-,068	-,133	-,131	-,069	-,111	-,030
II	ЛФРР	,219	,138	,087	,072	-,034	-,095	,287*	,045	,142	,101	-,079	,023	,207	,150	,255	,298*
	ЛФРГР	,263	,215	,313*	,325*	,307*	,062	,235	,175	,285*	,269	,237	,077	,207	,149	,268	,271
III	ЛФРР	,565**	,245	,211	,287	,507**	,504**	,189	,220	,380*	,289	,284	,238	,273	,217	,367	,055
	ЛФРГР	,328	-,046	-,024	,179	,401*	,296	,164	,015	,098	,282	,158	,088	,359	,128	,106	-,165
IV	ЛФРР	,357*	,407*	,334	,373*	-,095	,016	,112	,554**	,493**	,372*	,420*	,259	,427*	,379*	,495**	,420*
	ЛФРГР	,232	,189	,432*	,459**	,432*	,440*	,225	,265	,222	,243	,246	,070	,281	,342	,192	,179
V	ЛФРР	,276	,331*	,174	,255	,175	,041	,358*	,182	,242	,173	,264	,331*	,271	,253	,302	,263
	ЛФРГР	,047	,054	,041	-,035	-,018	-,041	,043	-,071	,026	-,029	-,083	,018	-,016	-,029	-,002	-,038

Примечание. ** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.); * Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.). Личностный фактор принятия решений, связанный с рациональностью (ЛФРР); личностный фактор принятия решений, связанный с готовностью к риску (ЛФРГР); самостоятельность-мысли (self-direction thought) (СМ); самостоятельность-поступки (self-direction action) (СП); гедонизм (hedonism) (Г); достижение (achievement) (Д); власть-доминирование (power dominance) (ВД); власть-ресурсы (power resources) (ВР); репутация (face) (Р); безопасность-личная (security personal) (БЛ); безопасность-общественная (security social) (БО); конформизм-правила (conformity-rules) (КП); конформизм-межличностный (conformity-interpersonal) (КМ); скромность (humility) (С); универсализм-забота о природе (universalism-nature) (УЗП); универсализм-забота о других (universalism-concern) (УЗД); благожелательность-забота (benevolence-care) (БЗ); благожелательность-чувство долга (benevolence-dependability) (БЧД).

Данные связи указывают на то, что ценность репутации в воинском коллективе для курсантов выступает фактором рациональности. Также мы считаем, что на II курсе воинский коллектив уже представляет собой более сплоченный организм, курсанты восприняли базовые основы функционирования военной организации. Понятия «войсковое товарищество», «чувство долга» приобретают для молодых людей осмысленную значимость («не подвести мое отделение, мой взвод и т.д.», «это мой воинский долг», «я защитник, воин», «чувство локтя»), что находит отражение в реализации потребности в благожелательности-чувстве долга через рациональность.

В то же время корреляции между риском и такими ценностями, как гедонизм и достижения, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что курсанты II курса могут пойти на определенный риск ради получения чувственного удовольствия (редкие минуты отдыха между занятиями, вкусная еда, общение с семьей по телефону, увольнения в город и т.п.); курсанты активно принимают участие в спортивных и военно-прикладных соревнованиях, на занятиях, сопряженных с высоким уровнем риска, чтобы подчеркнуть свои достижения в коллективе.

Сопряженность ценности власть-доминирование с риском объясняется тем, что на данном этапе военной социализации для молодых людей большое значение имеет достижение определенного весомого статуса в коллективе (занятие (сохранение) доминантной позиции). Как показывает практика, именно на II курсе происходит большое количество назначений на сержантские должности из числа наиболее авторитетных и грамотных курсантов.

Связь между риском и безопасностью-общественной свидетельствует о том, что, осознавая себя военнослужащими войск национальной гвардии, курсанты нацелены на обеспечение безопасности общества (семьи, товарищей, страны) и для реализации этой потребности готовы принимать решения, сопряженные с риском.

На III (кризисном) курсе нами установлено 5 высокозначимых связей (15,6% от общего количества), свидетельствующих о взаимосвязи ценностей и показателей риска. Как можно видеть, ценность самостоятельность-мысли сопряжена с рациональностью. Это значит, что на III курсе возможность самостоятельно принимать решение приобретает для курсантов особую значимость и реализовывать ее молодые люди предпочитают через призму рациональности.

Ценности власть-доминирование и власть-ресурсы коррелируют с рациональностью (т.е. стремление к доминированию реализуется посредством принятия взвешенных, не основанных на эмоциях решениях). Также (хотя и в меньшей степени) власть-доминирование коррелирует с риском, но, по нашему мнению, лишь подчеркивает значимость этой ценности. Ведь для ее реализации курсанты готовы принять в том числе и рискованное решение.

Безопасность-общественная, как и на II курсе, на III курсе играет роль значимой ценности, но в данном случае выступает как фактор рациональности, а не риска.

Наибольшее количество высокозначимых связей (15) выявлено на IV курсе, что составило 46,9% от общего числа. Это свидетельствует о сильной ценностной детерминации поведения курсантов, связанного с рациональностью и готовностью к риску. Ценности, относящиеся к социальному и личностному фокусу, поделены примерно пополам, что говорит о сбалансированном отношении курсантов к окружающей действительности и к себе в ней. Различия заключается лишь в способе реализации. Так, например, рациональность помогает реализовывать личные устремления курсантов в самостоятельности (в мыслях и поступках), достижениях, безопасности (личной и общественной), конформизме, универсализме, благожелательности. Реализация устремлений в гедонизме, достижениях (даже в большей степени, чем через рациональность) и власти, в свою очередь, происходит с возможностью принятия решений, связанных с риском.

На V курсе выявлены три высокозначимые корреляции (9,4% от общего количества связей). Все установленные связи свидетельствуют о сопряженности ценностей с рациональностью в принятии решений. На данном этапе военной социализации рациональность при принятии решений коррелирует с самостоятельностью-поступками, репутацией, скромностью. По нашему мнению, это можно объяснить близостью предстоящего выпуска и распределения в войска. Поэтому как люди взрослые курсанты V курса, дорожа возможностью совершать самостоятельные поступки в рамках, определенных требованиями военной организации, в целях поддержания собственной репутации как добросовестного курсанта – будущего офицера (что очень важно для предстоящего распределения), предрасположены к скромности и сдержанности и при принятии решений руководствуются рациональностью.

Как видим, на разных этапах военной социализации факторами риска выступают раз-

ные ценности. Но если сравнивать ценностные факторы риска на начальном этапе военной социализации с ценностными факторами на завершающем этапе, то можно отметить, что и на I и на V курсе значимые ценности сопряжены с рациональностью. Тем не менее различия между этапами все равно существуют. На V курсе ценности, относящиеся к личностному фокусу, преобладают над ценностями, относящимися к фокусу социальному (в отличие от I курса) с точки зрения ценностной детерминации рискованного и рационального поведения.

Если рассматривать ценностные факторы склонности к риску через призму их значимости на всем протяжении военной социализации и количество встречающихся высокозначимых связей, то можно наблюдать следующую картину:

1) ценность власть-доминирование (четыре высокозначимые связи, личностный фокус) встречается на протяжении трех курсов (со II по IV) и сопряжена с готовностью к риску при принятии решений и рациональностью;

2) ценность достижение (три высокозначимые связи, личностный фокус) встречается на II и IV курсах и также сопряжена с готовностью к риску при принятии решений и рациональностью;

3) ценность безопасность-общественная (три высокозначимые связи, социальный фокус) встречается на II, III и IV курсах, сопряжена с рациональностью (в большей степени) и готовностью к риску при принятии решений.

По две высокозначимые связи у таких ценностей, как власть-ресурсы, самостоятельность-мысли, самостоятельность-поступки, гедонизм, репутация, скромность и благожелательность-забота. В этой группе (по количеству связей) ценностей у большинства курсантов наблюдается сопряженность с рациональностью при принятии решений. Исключение составляют ценности власть-ресурсы (сопряжена и с рациональностью, и с готовностью к риску) и гедонизм (сопряжена с готовностью к риску).

Меньше всего высокозначимых связей со шкалами риска (по одной) у таких ценностей, как: безопасность-личная, конформизм-правила, конформизм-межличностный, универсализм-забота о природе, универсализм-забота о других. Все корреляции с этими ценностями выявлены на IV курсе и характеризуются сопряженностью с рациональностью при принятии решений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе военной социализации курсантов происходит усложнение ценностной детерминации рискованного и рационального поведения. На передний план выдвигаются цен-

ности, относящиеся и к личностному фокусу, и к социальному. Это значит, что поведение, связанное с риском, и поведение, связанное с рациональностью, обуславливаются в основном различными ценностями. Исходя из корреляционного анализа, можно судить и о перспективности регрессионного анализа, который, по нашему предположению, высветит наиболее важные ценности-факторы готовности к риску и рациональности.

Рациональность. В результате проведенного регрессионного анализа (табл. 2) удалось установить, что на I курсе предиктором рациональности у курсантов является ценность благожелательность-забота ($\beta = 0,37$), характеризующая склонность курсанта на начальном этапе военной социализации проявлять благожелательность (заботу) по отношению к окружающим его людям и описывающая 14% вариаций рационального поведения.

Таблица 2 / Table 2

Ценностные предикторы склонности к риску
Value predictors of risk propensity

Курс	Ценность	Рациональность				Риск			
		β	t	p	ΔR^2	β	t	p	ΔR^2
I	Благожелательность-забота	0,37	2,4	< 0,01	0,14	–	–	–	–
		$F = 5,7; p < 0,01; R^2 = 0,14$							
II	Благожелательность-чувство долга	0,6	3,6	< 0,01	0,09	–	–	–	–
	Конформизм-межличностный	–0,5	–2,8	< 0,01	0,14	–	–	–	–
	Достижение	–	–	–	–	0,9	3,3	< 0,01	0,1
	Универсализм-толерантность	–	–	–	–	–0,7	–3,2	< 0,01	0,1
	Власть-ресурсы	–	–	–	–	–0,6	–2,9	< 0,01	0,1
	Гедонизм	–	–	–	–	0,5	2	< 0,01	0,06
		$F = 6,6; p < 0,01; R^2 = 0,23$				$F = 6; p < 0,01; R^2 = 0,36$			
III	Самостоятельность-мысли	1	5,7	< 0,01	0,3	0,7	2,6	< 0,01	0,15
	Благожелательность-чувство долга	–0,7	–3,7	< 0,01	0,3	–0,8	–3,7	< 0,01	0,16
	Власть-доминирование	–	–	–	–	0,3	1,3	< 0,01	0,16
		$F = 16,4; p < 0,01; R^2 = 0,6$				$F = 0,6; p < 0,01; R^2 = 0,47$			
IV	Безопасность-личная	0,6	3,6	< 0,01	0,3	–	–	–	–
	Достижение	–	–	–	–	0,5	2,8	< 0,01	0,2
		$F = 13,3; p < 0,01; R^2 = 0,3$				$F = 8; p < 0,01; R^2 = 0,2$			
V	Репутация	0,4	2,2	< 0,01	0,12	–	–	–	–
		$F = 5; p < 0,01; R^2 = 0,12$							
Общая	Благожелательность-забота	0,5	4,6	< 0,01	0,09	–	–	–	–
	Универсализм-толерантность	–3	–2,4	< 0,01	0,03	–0,4	–3,2	< 0,01	0,03
	Власть-доминирование	–	–	–	–	0,3	2,6	< 0,01	0,04
	Самостоятельность-мысли	–	–	–	–	0,3	2	< 0,01	0,02
		$F = 12,3; p < 0,01; R^2 = 0,12$				$F = 6,2; p < 0,01; R^2 = 0,09$			

Положительным предиктором рациональности на II курсе выступает ценность благожелательность-чувство долга ($\beta = 0,6$). Это свидетельствует о том, что действительно на данном этапе военной социализации курсант уже четко осознает важность и значимость того, что окружающие люди могут быть в нем уверены (как в друге, товарище, сослуживце, воине) и стремится эту уверенность оправдать.

Отрицательным фактором на II курсе является конформизм-межличностный ($\beta = -0,5$). Это свидетельствует о том, что избегание конфликтов, причинения вреда или огорчения другим людям негативно сказывается на рациональности.

На III курсе ценности описывают 60% вариаций рационального поведения у курсантов. На данном (кризисном) этапе рациональность детерминирована ценностью самостоятельность-

мысли ($\beta = 1$), свидетельствующей об особой значимости для курсантов возможности свободно развивать свои способности и самостоятельно принимать решения.

Отрицательным предиктором рациональности на III курсе является ценность благожелательность-чувство долга ($\beta = -0,7$). Это свидетельствует о том, что стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом воинского коллектива ослабляет рациональность у курсантов.

Ценностным предиктором рациональности на IV курсе служит безопасность-личная ($\beta = 0,6$), подчеркивающая осознанное стремление курсантов к обеспечению безопасности как личной, так и ближайшего окружения (данная ценность описывает 30% вариаций рационального поведения).

На заключительном этапе военно-профессиональной социализации определенное влияние на вариации рациональности оказывает ценность репутация ($\beta = 0,4$), характеризующая стремление выпускников защищать и поддерживать свою репутацию (имидж) в глазах окружающих (друзей, сослуживцев, командиров) с прицелом на будущее распределение после выпуска из военного учебного заведения.

Риск. На II курсе ценности описывают 36% вариаций рискованного поведения. Наиболее сильным положительным предиктором риска выступает ценность достижение ($\beta = 0,9$), характеризующая стремление курсанта выделиться среди окружающих, подчеркнуть свои успехи (в учебе, спорте и т.д.).

Следующим положительным предиктором риска служит ценность гедонизм ($\beta = 0,5$). Это говорит о том, что склонность к получению удовольствия и чувственного удовлетворения может сподвигнуть курсанта к определенному риску.

Отрицательными предикторами рискованного поведения на втором курсе выступают ценности универсализм-толерантность ($\beta = -0,7$) и власть-ресурсы ($\beta = -0,6$). Это свидетельствует о том, что терпимость к окружающим и стремление к оказанию влияния посредством контролирования материальных и социальных ресурсов снижают вероятность риска.

На кризисном этапе военной социализации (III курс) ценности описывают 47% вариаций рискованного поведения. Положительными предикторами риска в данном случае выступают такие ценности, как самостоятельность-мысли ($\beta = 0,7$) и доминирование ($\beta = 0,3$), а отрицательным предиктором служит ценность благожелательность-чувство долга ($\beta = -0,8$). Эти данные свидетельствуют о том, что стремление курсанта иметь возможность самостоятельно принимать решения, развивать

свои идеи, оказывать влияние на людей увеличивают вероятность рискованного поведения, и, наоборот, стремление быть надежным членом воинского коллектива эту вероятность снижает.

Любопытен тот факт, что на III курсе ценности самостоятельность-мысли и благожелательность-чувство долга являются предикторами и риска, и рациональности. По нашему мнению, это говорит о том, что на данном этапе военно-профессиональной социализации молодые люди находятся на распутье, и многие курсанты становятся перед внутренним выбором – продолжать обучение в военном институте либо отчислиться, что в очередной раз подтверждает тезис о «кризисности» данного курса.

На IV курсе влияние на рискованное поведение оказывает ценность достижение ($\beta = 0,5$), что составляет 20% вариаций и подчеркивает, что ради достижения успеха (в учебе, спорте, выполнении служебно-боевых задач и т.д.) курсант может пойти на определенный риск.

Исходя из результатов регрессионного анализа, можно заключить, что в наибольшей степени (от 36 до 47%) вариации риска объясняются ценностями на II и III курсах (предкризисный и кризисный). Видимо, это связано с тем, что кризисный этап военной социализации у курсантов совпадает по времени с кризисным этапом в развитии взрослого (19–21 год) [15, 16], и именно в это время происходит переосмысление и появление новых социально-профессиональных ценностей, выделение наиболее значимых из них. В периоды кризиса человеку свойственно более острое реагирование на различные раздражители, он становится менее эмоционально устойчивым и, вероятно, в силу этого более расположен к риску в реализации своих ценностных устремлений.

Установлено, что наиболее устойчивым предиктором рациональности является ценность благожелательность (социальный фокус). Видимо, это связано с тем, что процесс военно-профессиональной социализации формирует так называемое «чувство локтя», «войскового братства» и становится осмысленной необходимостью в условиях нахождения в военной среде. Изменения, происходящие с этим предиктором, лишь отражают переломный (кризисный) этап военной социализации, не умаляя его значимости.

Для риска очень важной ценностью является ценность-достижение (личный фокус). Очевидно, это связано с тем, что курсанты в основной своей массе нацелены на достижение успеха в освоении военной профессии, стремятся стать лучшими в учебе, спорте, службе и т.д. и в этом стремлении готовы пойти на риск и совершать рискованные поступки.

Выводы

Результаты проведенного регрессионного анализа подтверждают выдвинутую ранее гипотезу о том, что в процессе военной социализации курсантов происходит усложнение ценностной детерминации рискованного и рационального поведения, а также что поведение, связанное с риском, и поведение, связанное с рациональностью, обуславливаются в основном различными ценностями, в том числе по своей направленности (личностной или социальной).

Список литературы

1. Щеголь А. И. Система ценностей курсантов военно-учебных заведений в современных условиях // Учен. зап. ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 10 (140). С. 220–224.
2. Леви М. В., Некрасова Е. А., Бабаян Е. Э. Взаимосвязь статуса военнослужащего в коллективе и риска формирования аддикции игры в тотализатор // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 383–390.
3. Правенький М. А. Общие особенности психологической адаптации военнослужащих, проходящих военную службу по призыву // Наука без границ. 2019. № 6 (34). С. 101–104. URL: <http://nauka-bez-granic.ru/zhurnaly.html> (дата обращения: 04.06.2020).
4. Талаш Е. Ф. Перфекционизм как фактор суицидального риска военнослужащих Российской армии // Инновационные подходы и современная наука. 2011. № 5 (2). С. 117–120.
5. Кырлан Н. С. Представления о разумном риске и стратегии преодолевающего поведения курсантов военных вузов // Азимут научных исследований : педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 373–375.
6. Шамянов Р. М., Созонник А. В. Динамика и личностные предикторы предпочитаемых стратегий // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5, вып. 2 (18). С. 128–136.
7. Терехин Р. А. Взаимосвязь ценностей, социально-психологических установок военнослужащих и их личностной готовности к переменам // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 8. С. 109–127.
8. Вызулина К. С. Личностно-психологические ресурсы социальной адаптации кадровых военнослужащих на разных этапах жизненного пути : дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2017. 240 с.
9. Богданов А. А. Познание с исторической точки зрения. СПб., 1901. 217 с.
10. Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и в науке о поведении // Вехи экономической мысли. Т. 2. Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 2000. С. 54–72.
11. Шамянов Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782-shamionov27.html> (дата обращения: 04.06.2020).
12. Иванов В. Г. Детерминизм в философии и физике. Л. : Наука, 1974. 183 с.
13. Ивин А. А. Логическое исследование детерминизма // Философия и культура. 2008. № 9. С. 11–25.
14. Лебедев С. А., Кудрявцев И. К. Детерминизм и индетерминизм в развитии естествознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 6. С. 3–20.
15. Профессиональное развитие личности : начало пути. Эмпирическое исследование / Л. А. Головей и др. СПб. : Нестор-История, 2015. 275 с.
16. Ганзен В. А., Головей Л. А. К системному описанию онтогенеза человека // Психология развития. СПб. : Питер, 2001. С. 81–97.

Образец для цитирования:

Мещеряков Д. А. Ценностные факторы склонности к риску у курсантов военного вуза на разных этапах военно-профессиональной социализации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 414–421. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-414-421>

Value Factors of Risk Propensity in Military University Cadets at Different Stages of Military-Professional Socialization

D. A. Meshcheryakov

Denis A. Meshcheryakov, <https://orcid.org/0000-0002-8959-3556>, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, 158 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia, dma21051980@mail.ru

The study of the role of values through the prism of the problem of risk and risky behavior in the process of military-professional socialization of cadets is an interesting and important task of social psychology. Adher-

ence to certain basic universal values, the formation of a willingness to take risks for them, or vice versa, their rejection, significantly affect the successful performance of service activities of military personnel, and therefore on society and the state as a whole. Therefore, the purpose of this research is to study changes in the value determination of risky and rational behavior in military University cadets in the process of military – professional socialization, to test the hypothesis that the behavior associated with risk and behavior associated with rationality are mainly due to different values. 182 cadets of the Saratov military Institute of the national guard of the Russian Federation took part in the study. *Method.* To study changes in the value determination of risky and rational behavior and identify the most important value predictors of risk readiness and rationality, we used the questionnaire “Personal decision factors” (LFR) by T. V. Kornilova, as well as the questionnaire by

Sh. Schwartz (PVQ-R). Data processing was performed using the IBM SPSS Statistics Subscription program. Based on the conducted correlation and regression analysis, the complexity of the value determination of risky and rational behavior in the process of military-professional socialization was revealed, as well as the main factors – the values of risk readiness and rationality.

Keywords: risk, rationality, values, predictors of risk and rationality, risk and rationality factors, cadets, military socialization.

Received: 10.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Shchegol A. I. System of values of cadets of military educational institutions in modern conditions. *Uchenye zapiski universteta imeni P. F. Lesgafta* [Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University], 2016, no. 10 (140), pp. 220–224 (in Russian).
2. Levi M. V., Nekrasova E. A., Babayan E. E. The Relationship between the status of a serviceman in the team and the risk of forming an addiction to the game of sweepstakes. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh* [Psychopedagogics in law enforcement agencies], 2019, vol. 24, no. 4 (79), pp. 383–390 (in Russian).
3. Pravenky M. A. General Features of the Psychological Adaptation of Military Personnel Undergoing Military Conscriptation. *Nauka bez granits* (Science without Borders), 2019, no. 6 (34), pp. 101–104. Available at: <http://nauka-bez-granic.ru/zhurnaly.html> (accessed 4 June 2020) (in Russian).
4. Talash E. F. Perfectionism as a factor of suicidal risk of Russian army servicemen. *Innovatsionnye podkhody i sovremennaya nauka* [Innovative Approaches and Modern Science], 2011, no. 5 (2), pp. 117–120 (in Russian).
5. Kyrlan N. S. Ideas of reasonable risk and strategies for overcoming the behavior of cadets of military universities. *Azimuth nauchnykh isledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 2016, vol. 5, no. 4 (17), pp. 373–375 (in Russian).
6. Shamionov R. M., Sozonnik A. V. Dynamics and personality predictors of preferred strategies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, vol. 5, iss. 2 (18), pp. 128–136 (in Russian).
7. Terekhin R. A. Interrelation of values, socio-psychological attitudes of military personnel and their personal readiness for change. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2017, vol. 19, no. 8, pp. 109–127 (in Russian).
8. Vyzulina K. S. *Lichnostno-psikhologicheskie resursy sotsialnoy adaptatsii kadrovyykh voennosluzhashchikh na raznykh etapakh zhiznennogo puti* [Personally-psychological resources of social adaptation of personnel of military personnel at different stages of life]. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Krasnodar, 2017. 240 p.
9. Bogdanov A. A. *Poznanie s istoricheskoy tochki zreniya* [Cognition from a historical point of view]. St. Petersburg, 1901. 217 p. (in Russian).
10. Simon G. A. The theory of decision making in economic theory and in the science of behavior. *The American Economic Review*, vol. 49, no. 3 (June, 1959), pp. 253–283 (Russ. ed.: Simon G. A. Teoriya prinyatiya resheniy v ekonomicheskoy teorii i v nauke o povedenii. *Vekhi ekonomicheskoy mysli*. T. 2. Teoriya firmy. Ed. by V. M. Halperin. St. Petersburg, School of Economics, 2000. pp. 54–72).
11. Shamionov R. M. Socialization of personality: system-diachronic approach. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2013, vol. 6, no. 27. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/782shamionov27.html> (accessed 04 June 2020) (in Russian).
12. Ivanov V. G. *Determinizm v filosofii i fizike* [Determinism in philosophy and physics]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 183 p. (in Russian).
13. Ivin A. A. Logical research of determinism. *Filosofiya i cultura* [Philosophy and Culture], 2008, no. 9, pp. 11–25 (in Russian).
14. Lebedev C. A., Kudryavtsev I. K. Determinism and indeterminism in the development of natural science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya* [The Journaln “Moscow University Bulletin. Series 7 Philosophy”], 2005, no. 6, pp. 3–20 (in Russian).
15. Golovey L. A. et al. *Professional'noe razvitiye lichnosti: nachalo puti. Empiricheskoe issledovanie* [Professional development of the individual: the beginning of the path. Empirical research]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. 275 p. (in Russian).
16. Ganzen V. A., Golovey L. A. *To the system description of human ontogenesis. Psikhologiya razvitiya* [Developmental Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001, pp. 81–97 (in Russian).

Cite this article as:

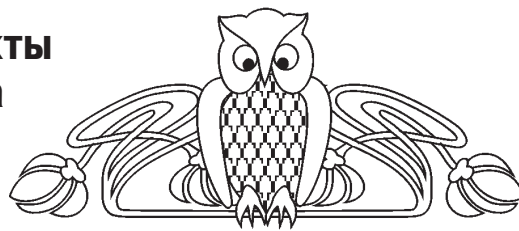
Meshcheryakov D. A. Value Factors of Risk Propensity in Military University Cadets at Different Stages of Military-Professional Socialization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 414–421 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-414-421>

УДК 316.6

Социально-психологические аспекты профилактики школьного буллинга в условиях цифровой среды

Я. К. Нелюбова, О. С. Гришанова

Нелюбова Янина Камильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования, Саратовский областной институт развития образования, y.nelubova@mail.ru

Гришанова Оксана Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования, Саратовский областной институт развития образования, grihanok@mail.ru

Статья посвящена преодолению рисков цифровой социализации в контексте представлений подростков и педагогов о феномене буллинга в школьной среде. Обращение к данной теме обусловлено необходимостью разработки региональной модели профилактики буллинга, что требует изучения дефицитов и ресурсов в профессиональной позиции педагогических кадров. Цель статьи – показать возможности профессиональной рефлексии для снижения противоречия между значимостью для подростков проблемы буллинга и неготовностью педагогических коллективов эффективно реагировать на эту проблему. Представлены результаты эмпирических исследований – данные из ежегодного социально-психологического тестирования подростков Саратовской области (90 422 обучающихся). Рассматриваются проблемы, способствующие снижению психологической стойкости молодежи – агрессивные проявления в подростковой среде, травля, преследование в сети Интернет; анализируются представления учителей о причинах, участниках и профилактике буллинга и кибербуллинга (125 чел.). Акцентируется внимание на реально имеющихся и желательных стратегиях реагирования педагогов на агрессию в подростковой среде. Авторы приходят к выводу о том, что коллективное модерирование проблемы позволяет выявить компоненты антибуллинговой стратегии школы. Обосновывается необходимость включения навыков реагирования в ситуации буллинга в программы повышения квалификации для педагогов.

Ключевые слова: цифровая среда, подростки, агенты социализации, буллинг, кибербуллинг, представления учителей, профессиональная рефлексия, антибуллинговая стратегия школы.

Поступила в редакцию: 26.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-422-427>

Современное общество подвержено процессам глобализации и информатизации, заставляющим личность активнее приспосабливаться к изменяющейся среде. Первыми в освоении новой цифровой реальности выступают молодые люди, которые существенно опережают в этом взрослое

население [1, с. 71]. На психическое развитие и формирование личности детей и подростков серьезное влияние оказывает насыщенность цифровой информационной среды. Результаты исследований в этом направлении доказывают, что информационно-коммуникационные технологии дополняют и расширяют жизнь школьников, активно влияя на структуру их деятельности в реальности и киберпространстве. Ряд исследователей отмечают увеличение числа разнообразных моделей детства и называют среди факторов, способствующих такой вариативности, технологические изменения в обществе [2]. Важно указать, что информационная среда действует как влиятельный агент социализации, который активно конкурирует с семьей и школой [3]. На основе данных общероссийских исследований (Г. У. Солдатова) выявляется специфика социальной ситуации развития подростков в условиях информатизации. Наблюдаются изменения в интеллектуальном и личностном развитии школьников, в их отношениях с ближайшим окружением, в социальном поведении [4, с. 71].

Современные дети и подростки, широко используя возможности цифровой среды, часто сталкиваются с рисками и угрозами в сети Интернет и за ее пределами. В подростковой среде на сегодняшний день наиболее распространены буллинг и кибербуллинг (и их разновидности). Буллинг характеризуется запугиванием, оскорблением, преследованием с целью устрашения и подчинения личности [5]. Он включает в себя агрессивные поведенческие реакции, систематичность проявления, согласованность властных механизмов среди участников, преднамеренность. С развитием информационной среды в подростковых группах получил распространение кибербуллинг, заключающийся в применении сотых телефонов, возможностей сети Интернет для преследования личности, распространения личной закрытой информации, сообщений, унижающих достоинство. Согласно исследованиям (Г. Солдатова, Е. Рассказова, Е. Зотова, М. Лебешева, П. Роггендорф) в России буллингу подвергается каждый 10-й подросток больше одного раза в месяц, кроме того, 6% лиц подросткового

возраста терпят оскорбления от сверстников каждый день или 1–2 раза в неделю, а 4% 1–2 раза в месяц. Чаще испытывают проявления буллинга подростки в возрасте 11–12 лет [6, с. 94].

В Саратовской области в 2019 г. было проведено социально-психологическое исследование, выявившее проблемы, способствующие снижению психологической стойкости подростков. В опросе приняли участие 90 422 обучающихся из 959 образовательных организаций Саратовской области. Отвечая на вопрос о проблемах, волнующих ровесников, вариант *«агрессия среди сверстников, проявляющаяся в насилии и травле»* выбрали 25,5% подростков в возрасте 13–14 лет, а также 30,6% опрошенных подростков в группе от 15 лет и старше. Проблему *«троллинг в сети, сомнительные группы в социальных сетях, информационная безопасность»* назвали 33,6% респондента в возрасте 13–14 лет и 29,7% респондентов в возрастной группе от 15 лет. Постоянно сталкиваются с травлей, агрессией и издевательствами 9,05% участников опроса [7, с. 56]. Проблемы агрессии со стороны сверстников в реальной жизни и в сети Интернет попали в первую пятерку тревожащих проблем в ответах каждой возрастной группы, что еще раз подтверждает их место в рисках социализации современной молодежи.

Данные масштабного регионального исследования призваны стимулировать изменения в отношении педагогической и родительской общественности к проблеме подростковой агрессии как в реальной жизни, так и в цифровом пространстве. Взрослые не всегда осознают, что при столкновении с угрозами и преследованиями неэффективными оказываются прежние воспитательные стратегии, апеллирующие к самостоятельности ребенка или подростка – «справляйся сам», требуется коррекция привычных представлений о «безобидности» школьных конфликтов, а со стороны родителей и педагогов важны открытость и готовность к конструктивной поддержке.

Оценка проблемы буллинга педагогами, исследование их представлений о причинах этого явления и стратегиях преодоления – задача, которая уже начала решаться исследователями (С. Ениколопов, В. Собкин, А. Жилинская, А. Бочавер, К. Хломов). Опираясь на анализ зарубежных и отечественных научных публикаций, А. А. Реан и М. А. Новикова выявляют связи между представлениями учителей о буллинге и их дальнейшими поведенческими реакциями [8, с. 85], что служит ключевым обоснованием необходимости исследования представлений на уровне профессиональных групп. Более того, рефлексивный анализ и способность к пере-

смотру собственных представлений выступают условиями для овладения новыми навыками, способами действий.

Исследование профессиональных представлений учителей – важное звено в разработке региональных моделей профилактики буллинга и кибербуллинга в образовательной среде. Источником анализа в данной статье является обмен мнениями педагогов в рамках учебного форума как элемента дистанционных курсов повышения квалификации. Параметры обсуждения не задавались модераторами, они возникли спонтанно, отчасти с опорой на теоретический материал, с которым могли ознакомиться участники форума – 125 чел. Это учителя-предметники гуманитарного цикла (истории, обществознания, музыки и изобразительного искусства), общеобразовательных организаций, из них – 50 педагогов г. Саратова и 75 педагогов школ Саратовской области. Средний возраст участников исследования 48,7 лет. В ключевых линиях обсуждения отразились представления педагогов о причинах буллинга, об участниках и стратегиях профилактической работы со школьниками. Обращает внимание солидный стаж большинства участников форума (более 70% педагогов, принявших участие в дискуссии, имеют стаж работы свыше 20 лет), что подтверждает наличие «цифрового разрыва» между поколениями детей и взрослых.

Предваряя анализ мнений, отметим наличие формального и неформального подходов к репрезентации собственной позиции на форуме. В первом случае его участники защищали себя в ситуации оценочного общения с коллегами, высказывая социально ожидаемые суждения: *«Классным руководителям необходимо проводить профилактические мероприятия, будут формироваться доброжелательные отношения в группе подростков, приобретаться навыки конструктивного реагирования в конфликте, снижаться агрессия, «отверженные» дети включатся в процесс работы классного коллектива»* (В.В., педагог 38 лет). При высказывании более заинтересованных, неформальных суждений присутствуют критические оценки ситуации: *«Актуальность профилактики буллинга заключается в том, что так и не созданы действенные способы борьбы с этой проблемой в школах, учителя не замечают или не хотят замечать травлю среди подростков»* (Е.И., педагог 8 лет). Обсуждение темы в профессиональном сообществе стимулирует профессиональную рефлексию, собственное осмысление «встречи» с проблемой: *«Когда изучала материал, сразу вспомнился мой класс и девочка, которая подвергалась буллингу»* (А. А., педагог 2 года); *«Для меня открылись новые*

формы травли, которые я не считала травлей» (И. А., педагог 12 лет). Возможность осмыслить и пересмотреть профессиональную реакцию – важное звено в противостоянии недопустимому поведению учеников, в формировании последовательной антибуллинговой стратегии школы.

Размышления о причинах буллинга охватывают комплекс как психологических, так и социальных факторов, распределяя ответственность между социокультурной ситуацией и всеми субъектами образовательного пространства – учениками, педагогами, родителями. Педагоги отмечают, что не всегда срабатывают привычные объяснительные механизмы: «Когда-то было принято считать, что причина кроется в семье, которая находится в социально опасных условиях, но сегодня мы знаем, что это подростки из вполне достойных семей, нужно рассматривать механизмы, которые провоцируют такое поведение подростка» (С. Г., педагог 22 года). Позитивной можно считать тенденцию, когда общий дискурс обсуждения не ушел в «поиски виноватого», не выразился в скором клише «виноваты родители», что зачастую бывает на педагогических форумах.

Участники форума среди психологических мотивов буллингового поведения подростков выделили следующие: «желание утвердиться за счет унижения другого»; «проверить границы дозволенного»; «поиск дешевого авторитета». Особый акцент ставился на безнаказанности как факторе, провоцирующем случаи буллинга, делающем его системным: «Усугубляет буллинг то, что дети не заступаются за однокласснику...»; «Детями часто движет безнаказанность, поэтому – ни один случай буллинга не должен остаться безнаказанным...». Отсутствие санкций за агрессивное поведение, ощущение безнаказанности, особенно при кибербуллинге, с одной стороны, и страх – с другой – «Часто за того, кого травят, некому заступиться – все боятся» (Н. В., педагог 18 лет) – выступают питательной почвой ситуаций буллинга в школе.

Еще одним фактором риска является «инаковость» ученика, его непохожесть на остальных, причем необязательно выраженная или явно бросающаяся в глаза: «Иногда я вижу, как на уроке начинают нападать на ученика, который отвечает на все вопросы, знает больше, чем все остальные... вот таких детей мало и их не любят, на таких нападают» (Л. Г., педагог 28 лет). Далее педагог признает, что работает в одной из первых школ, с которых в регионе начался процесс внедрения инклюзивного образования: «В нашей школе к детям с физическими недостатками относятся очень осторожно и толерантно». Такая неочевидная ситуация бьет

по стереотипу, что травят детей с выраженными недостатками, и еще раз доказывает, что потенциально объектом буллинга может стать любой ученик, как имеющий физические недостатки, так и не имеющий, но отличающийся «поведенчески» – кругом интересов, учебным потенциалом, мотивацией к учебной деятельности. По мнению исследователей, существует противоречие между пониманием учителями причин и последствий буллинга и их готовностью активно реагировать на него [9, с. 113]. Прояснение причин, по которым учитель зачастую остается в роли «активного наблюдателя», их детализация, осмысление и поэтапное преодоление актуальны и для региональной образовательной практики.

Высказываясь о феномене буллинга, педагоги отчасти проясняют причины «наблюдательной» позиции – неоднозначность роли самого учителя, который вольно или невольно может «потворствовать» ситуациям травли, может сам оказаться объектом преследования – «В сети встречаются случаи травли педагога всем или большей частью класса» (М. С., педагог 6 лет), и именно от учителя ждут, что «он должен вовремя заметить буллинг в классе, разобраться в причинах и прекратить его» (Т. В., педагог 30 лет). Значимость учительской позиции в возникновении и эскалации ситуации буллинга особо акцентируется участниками форума: «Ребенок чаще пострадает в том классе, где педагоги позволяют себе насмешки и унижения в адрес учеников... или учитель ведет себя пассивно, как наблюдатель, зная о проблеме, но не вмешиваясь в нее, закрывая глаза» (Т. В., педагог 19 лет). Однако зачастую такое «невмешательство» объясняется внутренней беспомощностью учителя, боязнью «чтобы не вышло еще хуже», непониманием, как можно конструктивно изменить ситуацию. Бывает и так, что «учителя знают о случаях травли, но, боясь директора школы (с потерей работы), никак не реагируют» (И. Ю., педагог 28 лет). Действительно, сложившийся дисбаланс в приписывании школе гиперответственности за все случаи детского неблагополучия, практикующийся надзорными органами, заставляет образовательные организации ежеминутно думать о возможных репутационных потерях и дисциплинарных санкциях.

При обсуждении участниками форума вопросов профилактики буллинга, разработки антибуллинговой стратегии школы было высказано несколько ключевых моментов. Во-первых, важна сама артикуляция проблемы на уровне конкретной школы или класса, признание, что «это не просто «детская шалость», отказ от замалчивания: «Обсуждение проблемы – это первый шаг к

ее решению, говорить нужно не только с детьми, но и с родителями, с педагогами и руководством» (С. Ю., педстаж 18 лет). Во-вторых, разделение профилактических мер на экстренные и системные: «Если травля уже присутствует, то ее надо незамедлительно остановить ...параллельно должна вестись кропотливая и долгая работа по улучшению школьного микроклимата» (С. Г., педстаж 22 года). В-третьих, принципиальная ранняя профилактика деструктивных явлений: «Начинать профилактику надо с младших классов, когда еще не сформировалась жесткая иерархия... важно совместно придумать правила поведения, записать их и повесить в классном кабинете, напоминать об их существовании» (С. Ю., педстаж 18 лет).

В-четвертых, помимо правил для класса, принципиальной основой антибуллинговой стратегии школы должна стать единая программа (план) действий с привлечением административного ресурса и лучших школьных практик: «Сам план работы по профилактике буллинга в школе вполне может быть централизованным: его составляет не один из классных руководителей, а совместно с социальным педагогом, школьным психологом, представителем школьной службы медиации (С.Г., педстаж 22 года). Признавая важность психологических приемов сплочения ученического коллектива, педагоги отмечают роль гуманитарных дисциплин в ценностном становлении подростков: «Классические произведения учат вечным ценностям, в них найдешь ответы на все случаи жизни, наш предмет играет не последнюю роль в создании благоприятного психологического климата в коллективе» (С. В., педстаж 20 лет). Многим участникам форума важно осознавать собственный профессиональный вклад в формирование доброжелательных отношений между учениками, нетерпимости к проявлениям насилия.

В-пятых, в профилактическое пространство должны быть включены родители как пострадавших учеников, так и тех, кто выступил в роли обидчиков: «Несмотря на все усилия, педагогам не справиться с проблемой травли без помощи мам и пап учеников... иногда родители первыми замечают, что с ребенком что-то не так, а некоторые дети очень доверяют мнению родителей, считают его самым авторитетным» (С. Н., педстаж 27 лет). Важная тема доверия к взрослым, затронутая в пространстве дискуссии, определяет психоэмоциональный компонент, лежащий в основе любых воспитательных практик: «Дети нам доверяют, рассказывают о своих проблемах, здесь важно не навредить, а помочь» (Г. П., педстаж 25 лет); «Основным средством

профилактики буллинга является доверительное отношение между родителями и детьми, между классным руководителем и учениками» (Р. М., педстаж 34 года). Реальные модели поведения взрослых играют определяющую роль в формировании отношений доверия, поскольку «мы можем о чем угодно говорить, но дети видят, как ведут себя взрослые... они невольно снимают их модель поведения на себя, считая ее верной» (О. В., педстаж 7 лет).

Попытки алгоритмизировать собственные действия при столкновении с буллингом характерны для многих участников форума, что актуально в ситуации, когда в большинстве школ отсутствует четкая система последовательных шагов, которые должны предприниматься администрацией и педагогами школы для превенции и фактического реагирования на буллинговые ситуации. Разработка таких регламентов представляется важной мерой и действенной альтернативой стратегии замалчивания случаев буллинга и агрессии среди школьников.

Несмотря на многие оставшиеся вопросы, важным результатом профессиональной рефлексии является артикуляция принципа «ученик не должен оставаться один на один с насильственной ситуацией». Обращает на себя внимание желание участников дискуссии осваивать «программы работы с буллингом», продолжать учиться самим и делиться опытом с коллегами, превентивно обсуждать проблему с учениками и родителями. Изучая международный опыт внедрения антибуллинговых программ, Д. В. Молчанова и М. А. Новикова отмечают важность включения навыков работы с травлей в программы профессиональной подготовки для педагогов. Поскольку школы и учителя, как правило, адаптируют представленные им материалы [10, с. 52], знакомство с базовыми компонентами уже действующих программ учителей и представителей административных команд школ, разрабатывающих регламенты действий для всех участников кризисной ситуации, представляется первоочередной задачей.

В любом случае, о каком бы уровне реализации программ не шла речь (школьный, региональный, федеральный), наиболее важными предпосылками их внедрения, выявленными еще Д. Ольвеусом, являются открытая коммуникация среди учителей и внимание школы к проблемам травли [10, с. 13]. Пространство педагогического форума послужило виртуальной площадкой коллективного модерирования проблемы, обозначив наиболее важные задачи антибуллинговой стратегии школы – от «озвучивания» проблемы буллинга и кибербуллинга к предложению инструментов ее решения.

Список литературы

1. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет. 2013. 144 с.
2. Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 2. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
3. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
4. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI: [10.17759/sps.2018090308](https://doi.org/10.17759/sps.2018090308)
5. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
6. Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. М.: Фонд Развития Интернет, 2012. 213 с.
7. Результаты социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ. Саратов, Министерство образования Саратовской области, ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования». 2019. URL: https://soiro.ru/sites/default/files/pav_2019_itog.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
8. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 78–97. DOI: [10.17323/1814-9545-2019-2-78-97](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97)
9. Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 1. С. 103–116.
10. Молчанова Д. В., Новикова М. А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования, 2020. 72 с.

Образец для цитирования:

Нелюбова Я. К., Гришанова О. С. Социально-психологические аспекты профилактики школьного буллинга в условиях цифровой среды // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 422–427. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-422-427>

Socio-Psychological Aspects of School Bullying Prevention in a Digital Environment

Ya. K. Nelyubova, O. S. Grishanova

Yanina K. Nelyubova, <https://orcid.org/0000-0002-3041-2618>, Saratov Institute for Educational Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia, y.nelyubova@mail.ru

Oksana S. Grishanova, <https://orcid.org/0000-0001-5032-2858>, Saratov Institute for Educational Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410031, Russia, grihanok@mail.ru

The article is devoted to the analysis of overcoming the risks of digital socialization in the context of the ideas of adolescents and teachers about the phenomenon of bullying in the school environment. The relevance of addressing the topic is due to the need to develop a regional model for the prevention of bullying, which requires the study of deficits and resources in the professional position of teaching staff. The purpose of the article is to show the possibilities of professional reflection to reduce the contradiction between the significance of bullying problems for teenagers and the unpreparedness of pedagogical teams to effectively respond to this problem. The article contains the results of empirical studies – data from the annual socio-psychological testing of adolescents in the Saratov region (90,422 students), exploring problems that reduce the psychological stability of youth – aggressive manifestations in the teenage environment as well as an analysis of teachers' ideas about the causes, participants and prevention of bullying and cyberbullying (125 people). The article focuses on actually available

and desirable strategies for teachers to respond to aggression in the teenage environment. The conclusions indicate that the collective moderation of the problem allows us to identify the components of the school's anti-bullying strategy, the study defines the need for including response skills in the bullying situation in continuing education programs for teachers.

Keywords: digital environment, adolescents, socialization agents, bullying, cyberbullying, teacher presentations, professional reflection, school anti-bullying strategy.

Received: 26.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. Ju. *Tsifrovaya kompetentnost podrostkov i roditeley. Rezultaty vserossiyskogo issledovaniya* [Digital competence of adolescents and parents. All-Russian study results]. Moscow, Fond Razvitiya Internet Publ., 2013. 144 p. (in Russian)
2. Polivanova K. N. Childhood in a changing world. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern Foreign Psychology], 2016, vol. 5, no. 2, pp. 5–10 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050201>
3. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost* [The digital generation of Russia: competence and security]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 375 p. (in Russian).

4. Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Socialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 3. pp 71–80 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2018090308
5. Kon I. S. What is bullying and how to deal with it? *Semya i shkola* [Family and School], 2006, no. 11, pp. 15–18 (in Russian).
6. Soldatova G., Rasskazova E., Zotova E., Lebesheva M., Poggendorf P. *Deti Rossii onlayn: riski i bezopasnost. Rezultaty mezhdunarodnogo proekta EU Kids Online II v Rossii* [Children of Russia online: risks and safety. Results of the EU Kids Online II international project in Russia]. Moscow, Fond Razvitiya Internet Publ., 2012. 213 p. (in Russian).
7. *Rezultaty tsocialno-psihologicheskogo testirovaniya obuchayushchikhsya, napravlenno na rannee vyyavlenie nemeditsinskogo potrebleniya narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* (The results of socio-psychological testing of students aimed at early detection of non-medical use of narcotic drugs and psychotropic substances). Saratov, Ministerstvo obrazovaniya Saratovskoy oblasti, GAU DPO «Saratovskiy oblastnoy institut razvitiya obrazovaniya», 2019. Available at: https://soiro.ru/sites/default/files/pav_2019_itog.pdf (accessed: 10 May 2020) (in Russian)
8. Novikova M. A., Rean A. A. The influence of the school climate on the occurrence of bullying: domestic and foreign research experience. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues], 2019, no. 2, pp. 78–97 (in Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97
9. Bochaver A. A., Zhilinskaya A. V., Hlomov K. D. School bullying and teacher stance. *Socialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015, vol. 6, no. 1, pp. 103–116 (in Russian).
10. Molchanova D. V., Novikova M. A. *Protivodeystvie shkolnomu bullingu: analiz mezhdunarodnogo opyta* [Countering School Bullying: An Analysis of International Experience]. Moscow, Nacionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshchaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya Publ., 2020. 72 p. (in Russian).

Cite this article as:

Nelyubova Ya. K., Grishanova O. S. Socio-Psychological Aspects of School Bullying Prevention in a Digital Environment. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 422–427 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-422-427>

УДК [159.9:616]+316.6

Зависимость семейного совладания от индивидуальных адаптационных стратегий и характеристик семейного окружения

М. М. Орлова

Орлова Мария Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, orlova-maria2010@mail.ru

Проблема адаптации к трудным жизненным ситуациям является актуальной для современного периода развития общества. Изучение семейного совладания как механизма поддержки дает возможность расширить представления о механизмах адаптации. Вопрос совместного копинга связан с характеристиками социального взаимодействия, ролевого поведения, степени интернальности личности, стратегий преодоления. Выделяют совместные копинги, реализуемые на уровне когнитивных, эмоциональных и поведенческих. Семейный стресс при предъявлении повышенных требований к социальным и психологическим ресурсам семьи является продолжением индивидуального стресса. Проведенное исследование включает анализ личностных особенностей: самоотношения, копинг-стратегий, психологических защит, оценки качества жизни, склонности к иждивенчеству, уровня субъективного контроля и особенностей семьи, к которым относятся факторы семейного окружения и супружеского копинга. Новизна работы связана с определением личностных и межличностных предикторов стилей супружеского совладания. Применялись методы математической статистики. Формулируется вывод о том, что стиль супружеского совладания связан как с ресурсностью личности и ситуации, так и непосредственно способами совладания, характерными для индивида. Ресурсность рассматривается в контексте личностных механизмов адаптации и в контексте характеристик семейного окружения.

Ключевые слова: социальная поддержка, интернальность, семейное окружение, адаптационные стратегии.

Поступила в редакцию: 05.06.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-428-433>

Способность семьи выживать и адаптироваться в изменяющихся обстоятельствах определяет ее стабильность. Проблема семейного совладания, прежде всего, представлена в концепции Е. В. Куфтык [1], согласно которой динамический характер этого процесса зависит от факторов, связанных с индивидуальными свойствами и особенностями семейного развития. Предложенная модель развития семейной устойчивости включает оценку возможностей совладания с ситуацией и восстановления функций семьи.

Понятие «совместный копинг» (communal coping) дало возможность обозначить стратегии преодоления в контексте социальных систем [2].

В рамках партнерских отношений различают 5 подходов к совместному копингу: независимый индивидуальный копинг обоих партнеров [3]; согласованный либо несогласованный копинг в парах [4]; копинг, основанный на взаимоотношениях [5]; эмпатический копинг [6]; диадический копинг [7].

Совместные копинги предполагают различные формы социальной поддержки. Так, концепция копинга взаимоотношений [5] предусматривает 2 варианта: «активное взаимодействие», предполагающее вовлечение партнера в обсуждение и совместное принятие решений, и «защитная форма» – освобождение партнера от забот и эмоциональных трудностей. В эмпатическом копинге социальная поддержка выражается, прежде всего, в заботе об эмоциях партнера [8].

С. Хобфолл утверждал, что семейный стресс является продолжением индивидуального стресса при дефиците семейных ресурсов [9].

Семейная сплоченность в трудных жизненных ситуациях, в том числе в ситуации болезни и бедности, была определена нами как социально-психологический ресурс, дающий опору при недостаточности личностных механизмов адаптации [10]. При хронических соматических заболеваниях этот фактор способствовал ресурсности адаптационных стратегий. В случае отторжения семейной поддержки при попытке сохранить целостность своей личности возникает формализация отношений как форма психологической защиты [11]. Таким образом, поддержка семьи становится противоречивой: при очевидной необходимости такой поддержки выраженная потребность в ней может нарушать ролевые взаимоотношения в семье [12].

Еще один важный семейный ресурс – эффективные способы общения [9]. Установлено, что общение является таковым для семьи только в случае, если члены используют одобрительные образцы общения, содержащие взаимную поддержку, а не переходящие в борьбу и провоцирующие тенденцию ухудшения ситуации [13, 14].

Наличие опасности разрушения семьи порождает ее защитную активность. Совладающее поведение как осознанная стратегия по преодолению трудностей выступает ведущим механизмом этой активности.

В данной работе предпринята попытка ответить на вопрос о том, как совладающее поведение в супружеских отношениях зависит от индивидуальных способов совладания и психологических защит, семейного окружения, а также самоотношения.

В исследовании приняли участие 60 испытуемых – лица без хронических заболеваний трудоспособного возраста со средним специальным или высшим образованием обоего пола. Использовались следующие методики: методика исследования самоотношения (МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантлеева; методика исследования копинг-стратегий Лазаруса; методика исследования психологических защит Келлермана – Плутчика – Конте; шкала семейных отношений (ШСО) в мо-

дификации С. Ю. Куприянова; методика оценки качества жизни (ВОЗ-100); методика исследования склонности к иждивенчеству В. Н. Долматова; методика уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера и опросник супружеского копинга Mariai Coping Inventoiy (MCI) в модификации Е. В. Куфтяк. В качестве метода математической статистики выступил регрессионный анализ.

Анализ результатов

Исследование копинг-стратегий показало следующие результаты, представленные на рис. 1.

Сравнительный анализ выраженности супружеских копингов показал, что наименее часто используется стратегия самообвинения. То есть супруги стараются избегать проблем, уходить в работу, идти на открытый конфликт или решать проблемы примирением.

Результаты анализа предикторов позитивного стиля совладания в исследуемой группе представлены на рис. 2.

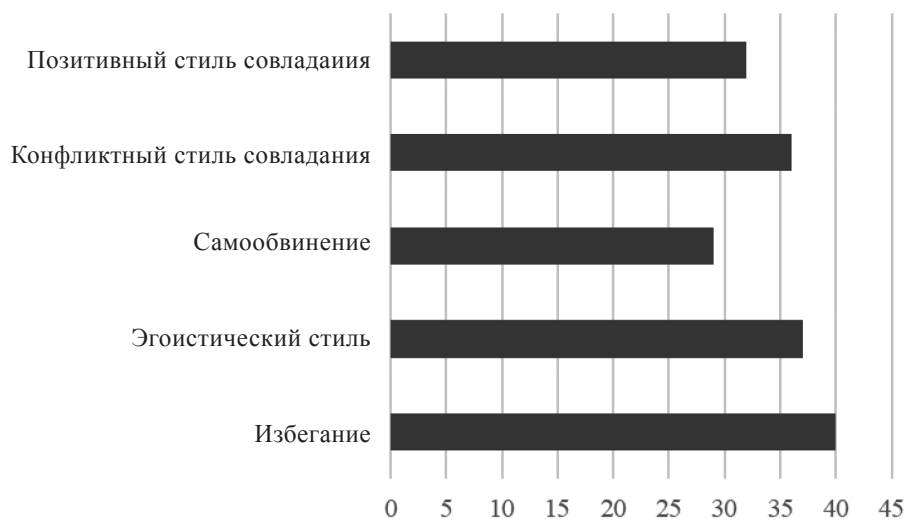

Рис. 1. Выраженность копинг-стратегий в исследуемой группе
Fig. 1. Expression of coping strategies in the studied group

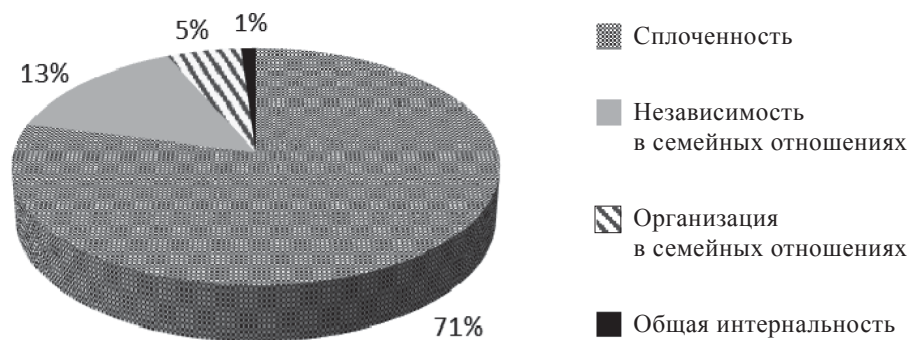

Рис. 2. Предикторы позитивного стиля совладания у представителей исследуемой группы
Fig. 2. Predictors of positive coping style in representatives of the studied group

Регрессионный анализ показал, что позитивный стиль совладания, предполагающий нахождение способов и ресурсов примирения, определяется сплоченностью семьи, ощущением независимости в семейных отношениях, наличием в ней правил и общей интернально-

стью личности. То есть возможность опираться на себя и семью позволяет идти навстречу друг другу в ситуациях трудностей взаимодействия.

Выраженность предикторов конфликтного стиля совладания показана на рис. 3.

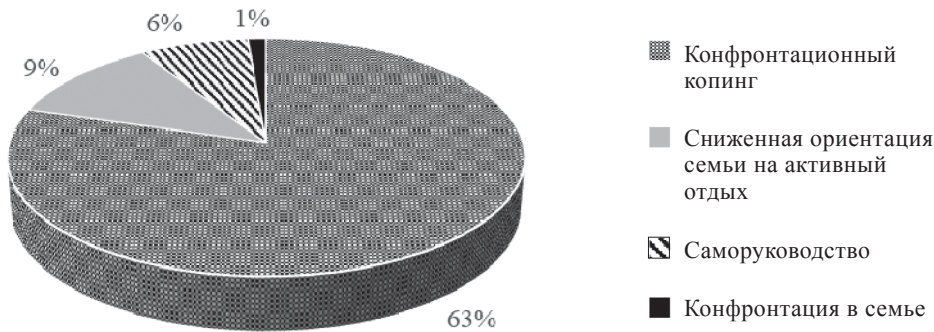

Рис. 3. Предикторы конфликтного стиля совладания у представителей исследуемой группы
Fig. 3. Predictors of conflict coping style in representatives of the studied group

Конфликтный стиль совладания определяется степенью индивидуальной склонности к конфронтации, недостаточной ориентацией семьи на совместное проведение активного отдыха, склонностью опираться на себя и наличием конфронтации в семейном окружении. По-видимому,

конфликтный стиль совладания служит проявлением привычного способа индивидуального и семейного совладания.

Представленность предикторов по параметру «самообвинение» в исследуемой группе изображена на рис. 4.

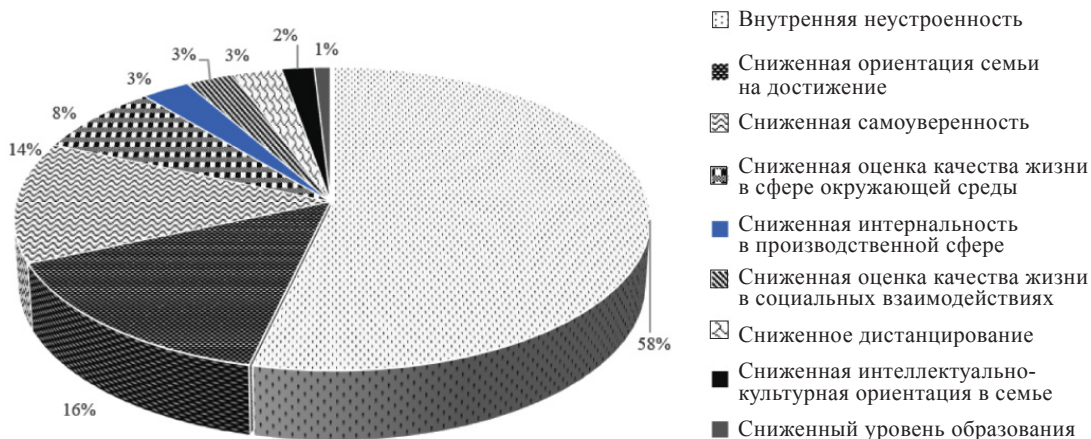

Рис. 4. Предикторы стратегии «самообвинение» у представителей исследуемой группы
Fig. 4. Predictors of the «selfreproach» strategy in representatives of the studied group

Самообвинение как стиль семейного совладания связано прежде всего с негативным самоотношением, сниженной оценкой качества жизни и интернальности, т. е. реакцией на утрату внешней и внутренней ресурсности.

Результаты анализа предикторов эгоистического стиля совладания отражены на рис. 5.

Эгоистический стиль совладания опирается на интернальный уровень субъективного контроля в производственной сфере, в ситуации

снижения сплоченности семьи и выраженности регрессии как защитного механизма. Можно предположить, что такой стиль разрешения супружеских конфликтов обнаруживается при возникновении большей востребованности в карьерной деятельности и недостатке эмоциональной привлекательности семьи.

Процентная выраженность выявленных предикторов стратегии «избегание» представлена на рис. 6.

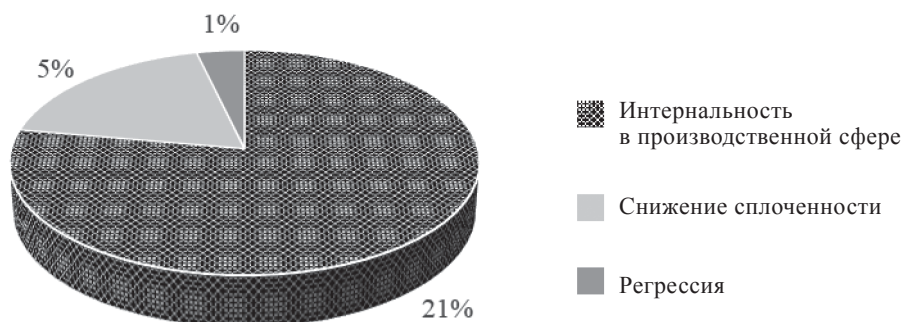

Рис. 5. Предикторы эгоистического стиля совладания у представителей исследуемой группы
 Fig. 5. Predictors of egoistic coping style in representatives of the studied group

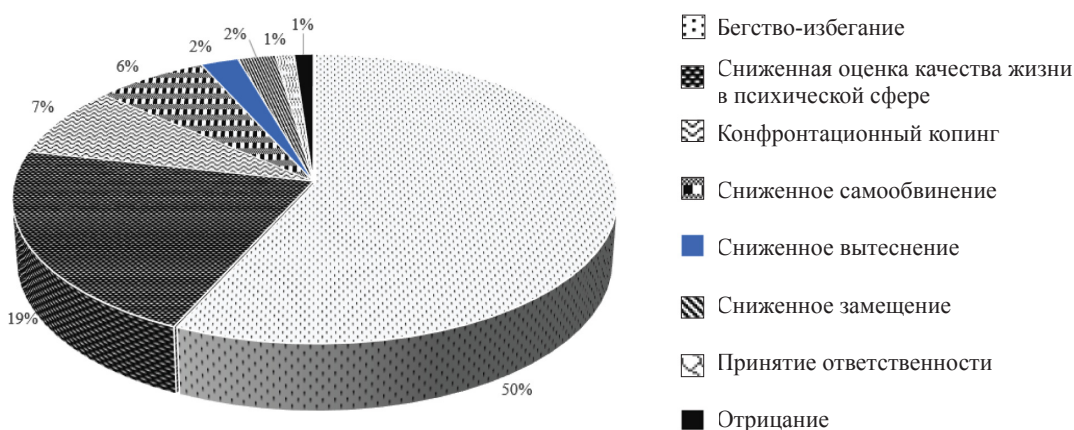

Рис. 6. Предикторы стратегии «избегание» у представителей исследуемой группы
 Fig. 6. Predictors of the «avoidance» strategy in representatives of the studied group

Избегание как стиль семейного совладания имеет в своей основе такой индивидуальный стиль совладания, как «бегство-избегание», сниженную оценку качества жизни в психической сфере и склонность к протестным реакциям. По-видимому, в этом случае реализуется индивидуальный способ совладания, характерный для личности в трудных жизненных ситуациях.

Можно сделать вывод о том, что стиль супружеского совладания связан как с ресурсностью личности и ситуации, так и со способами совладания, характерными для каждого из индивидов. В случае объективной и субъективной ресурсности встречается позитивный стиль совладания, в случае нересурсности – стиль самообвинения. При утрате эмоциональной ценности семейного окружения и высокой интернальности в профессиональных отношениях характерен эргопатический стиль. Конфликтный стиль и стиль избегания в супружеских отношениях встречаются чаще, когда сходный стиль оказывается предпочтительным для личности в трудных жизненных ситуациях в целом.

Список литературы

1. *Куртук Е. В.* Психология семейного совладания : дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2011. 455 с.
2. *Folkman S., Moskowitz J. T.* Coping : pitfalls and promise // *Annu. Rev. Psychol.* 2004. Vol. 55. P. 745–774.
3. *Pearlin L. I.* The study of coping : An overview of problems and directions // *The social context of coping / ed. J. Eckenrode.* N.Y. : Plenum, 1991. P. 261–276.
4. *Pakenham K. I.* Couple coping and adjustment to multiple sclerosis in care receiver-carer dyads // *Family Relations.* 1998. Vol. 47. P. 269–277.
5. *Coyne J. C., Smith D. A.* Couples coping with a myocardial infarction: a contextual perspective on wives' distress // *J. Personal. Soc. Psychol.* 1991. Vol. 61 (3). P. 404–412.
6. *Coyne J. C., Smith D. A.* Couples coping with myocardial infarction : Contextual perspective on patient self-efficacy // *J. of Personality and Soc. Psychol.* 1994. Vol. 8. P. 1–13.
7. *Bodenmann G.* Stress und Coping bei Paaren. Gottingen : I-Iogrefe, 2000. 364 p.
8. *DeLongis A., O'Brien T.* An interpersonal framework for stress and coping: An application to the families of

- alzheimer's patients // *Stress and coping in later-life families* / ed. D. L. Tennenbaum. N. Y. : Hemisphere Publishing Corporation, 1990. P. 221–240.
9. *Hobfoll S. E., Spielberger C. D.* Family stress : Integrating theory and measurement // *Family stress : Classic and contemporary readings* / eds. P. Boss, C. Mulligan. Thousand Oaks, CA : Sage, 2003. P. 142–157.
10. Орлова М. М. Предикторы семейной сплоченности в зависимости от ситуации болезни и экономической депривации // Психология и педагогика семьи : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (24 мая 2019 г., Саратов). Саратов : Наука, 2019. С. 119–129.
11. Орлова М. М. Идентичность больного в контексте внутренией картины болезни больных онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // *Личность в меняющемся мире : здоровье, адаптация, развитие*. 2014. № 3 (6). С. 84–96.
12. Орлова М. М. Семейная поддержка как ресурс личности в трудной жизненной ситуации // Психология и педагогика семьи : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 мая 2018 г., Саратов). Саратов : Наука, 2018. С. 19–28.
13. *McCubbin H. I., McCubbin M. A., Thompson A. I., Han S.-Y., Allen C. T.* Families Under Stress: What Makes Them Resilient // *J. of Family and Consumer Sciences*. 1997. Vol. 89 (3). P. 2–11.
14. *McCubbin M. A., McCubbin H. I.* Theoretical orientations to family stress and coping // *Treating stress in families* / ed. C. R. Figley. Bristol, PA : Brunner, Mazel, 1989. P. 3–43.

Образец для цитирования:

Орлова М. М. Зависимость семейного совладания от индивидуальных адаптационных стратегий и характеристик семейного окружения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 428–433. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-428-433>

Dependence of Family Coping on Individual Adaptation Strategies and Family Environment Characteristics

M. M. Orlova

Maria M. Orlova, <https://orcid.org/0000-0003-2340-8343>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, orlova-maria2010@mail.ru

The problem of adaptation to difficult life situations is crucial for the current period of society development. The study of family coping as a support mechanism makes it possible to expand the understanding of adaptation mechanisms. The question of joint coping is connected with characteristics of social interaction, role behavior, degree of internality of the person, overcoming strategies. Cognition-based, emotion-based and behavior-based joint copings are distinguished. Family stress is the development of individual stress, with increased demands on the social and psychological resources of the family. The conducted research includes the analysis of personal features: self-relationships, coping strategies, psychological defenses, quality of life assessment, tendency to freeloading, degree of subjective control, and family features, which include factors of family environment and marital coping. The novelty of the research is associated with the definition of personal and interpersonal predictors of marital coping styles. The methods of mathematical statistics have been applied. The author concludes that the style of marital coping is associated with both the resources of the individual and the situation, and, directly, the ways of coping, which are characteristic of the individual. Resourcefulness has been studied both in terms of personal adaptation mechanisms and characteristics of family environment.

Keywords: social support, internality, family environment, adaptation strategies.

Received: 05.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Kuflyak E. V. *Psichologiya semejnogo sovladaniya* [Psychology of a family coping]. Diss. Dr. Sci. (Psihol.). Kostroma, 2011. 455 p. (in Russian).
2. Folkman S., Moskowitz J. T. Coping: pitfalls and promise. *Annu. Rev. Psychol.*, 2004, vol. 55, pp. 745–774.
3. Pearlin L. I. The study of coping: An overview of problems and directions. In: J. Eckenrode, ed. *The social context of coping*. New York, Plenum, 1991, pp. 261–276.
4. Pakenham K. I. Couple coping and adjustment to multiple sclerosis in care receiver-carer dyads. *Family Relations*, 1998, vol. 47, pp. 269–277.
5. Coyne J. C., Smith D. A. Couples coping with a myocardial infarction: a contextual perspective on wives' distress. *J. Personal. Soc. Psychol.*, 1991, vol. 61 (3), pp. 404–412.
6. Coyne J. C., Smith D. A. Couples coping with myocardial infarction: Contextual perspective on patient self-efficacy. *J. of Personality and Soc. Psychol.*, 1994, vol. 8, pp. 1–13.
7. Bodenmcmn G. *Stress und Coping bei Paaren*. Gottingen, I-Iogrefe, 2000. 364 p.
8. DeLongis A., O'Brien T. Aninterpersonal framework for stress and coping: An application to the families of alzheimer's patients. In: D. L. Tennenbaum, ed. *Stress and coping in later-life families*. New York, Hemisphere Publishing Corporation, 1990, pp. 221–240.
9. Hobfoll S. E., Spielberger C. D. Family stress: Integrating theory and measurement. In: P. Boss, C. Mulligan,

- eds. *Family Stress: Classic and contemporary readings*. Thousand Oaks, CA, Sage, 2003, pp. 142–157.
10. Orlova M. M. Predictors of family cohesion depending on the disease situation and economic deprivation. *Psihologiya i pedagogika sem'i* [Psychology and Pedagogy of the family: Proc. of the IV Intern. Sci. Conf.]. Saratov, Nauka Publ., 2019, pp. 119–129 (in Russian).
 11. Orlova M. M. Identity of the patient with coronary heart disease as a subjective component of the situation of the disease. *Lichnost' v menyayushchetsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie* [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development], 2014, no. 3 (6), pp. 84–96 (in Russian).
 12. Orlova M. M. Family support as an individual resource in a difficult life situation. *Psihologiya i pedagogika sem'i* [Psychology and Pedagogy of the family: Proc. of the III Intern. Sci. Conf.]. Saratov, Nauka Publ., 2018, pp. 19–28 (in Russian).
 13. McCubbin H. I, McCubbin M. A., Thompson A. I., Han S.-Y., Allen C. T. Families Under Stress: What Makes Them Resilient. *J. of Family and Consumer Sciences*, 1997, vol. 89 (3), pp. 2–11.
 14. McCubbin M. A., McCubbin H. I. Theoretical orientations to family stress and coping. In: C. R. Figley, ed. *Treating stress in families*. Bristol, PA, Brunner; Mazel, 1989, pp. 3–43.

Cite this article as:

Orlova M. M. Dependence of Family Coping on Individual Adaptation Strategies and Family Environment Characteristics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 428–433 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-428-433>

УДК 316.6+159.9

Особенности трансформации криминальной субкультуры в современном обществе: роль организационной культуры

Н. М. Романова

Романова Наталья Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, romanova_nm@inbox.ru

Актуальность. Изучение особенностей специфической организационной культуры групповых субъектов, осуществляющих криминальную экономическую деятельность, значимо для понимания сущности таких организаций, социально-психологических механизмов их потенциального влияния на общество. До настоящего времени криминальная субкультура не рассматривалась с позиции методологии постмодернизма, влияния роли организационной культуры на ее развитие. **Цель.** Выработать адекватные современному обществу постмодерна теоретические основы изучения криминальной субкультуры. **Метод.** Теоретический анализ криминальной субкультуры с позиции методологии постмодернизма. **Результаты.** Предпринят анализ особенностей характера современной культуры в условиях постмодернистского и информационного общества, взаимосвязи криминальной субкультуры с культурой общества и происходящими в нем социальными процессами, специфики изменений и культурной трансформации криминальной субкультуры в поликультурном обществе (распространение и внедрение в социум, видоизменение, приобретение новых форм). **Выводы.** Опора на методологию постмодернизма дает более глубокое понимание специфики культурной трансформации современной криминальной субкультуры. Внедрение криминальной субкультуры в структуру социума происходит за счет использования объективных элементов организационной культуры (имидж, социально приемлемые, социализированные формы поведения сотрудников, внешнее соответствие требованиям конвенциональности) и сокрытия субъективных элементов организационной культуры (ценности криминального мира).

Ключевые слова: культурная трансформация криминальной субкультуры, организационная культура, ценности, объективные элементы организационной культуры, субъективные элементы организационной культуры.

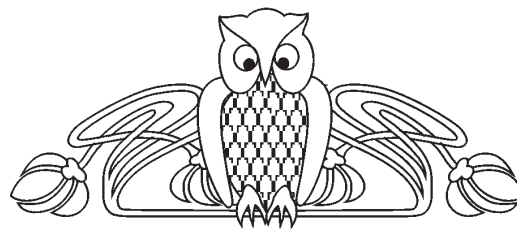
Поступила в редакцию: 20.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-434-438>

Введение

Изучение сложных форм человеческого поведения невозможно без анализа феномена «культура». Культура – это социопсихологи-

ческий конструкт, разделение людьми таких психологических феноменов, как ценности, установки, представления и поведение [1]. В силу действия у человека социально-психологических механизмов адаптации культура способствует организации, регуляции и реализации его поведения в группе.

Культура создает личность человека: усваивая новые формы поведения, он изменяет себя. Основное назначение рассматриваемого феномена – культурный прогресс [2]. Однако культура любого общества неоднородна. Она состоит из совокупности подкультур, подструктур культуры, называемых субкультурами.

Субкультура – это система норм и ценностей, отличающих группу от большинства общества [3], часть его культуры. Всякая субкультура объединяет людей по какому-либо признаку. Они переживают чувство общности, отличаются особыми формами поведения, стилем жизни и менталитетом, имеют схожие ценности и ориентированы на одни и те же нормы. Назначение субкультуры – создание особой социокультурной среды. Наличие в социуме субкультур указывает на мультикультурный характер современного общества [4].

Исследователи современных субкультур указывают на значимость учета особенностей нынешней реальности. Современная цивилизация – это поликультурное общество. С одной стороны, это общество информационное, с другой – постмодернистское (постиндустриальное) [5].

Характерные черты информационного общества – применение информационных технологий во всех сферах жизни, доступность информации для широких слоев и признание ее значимости. Информационное общество рассматривается как один из основных векторов изменений в сегодняшнем мире [6]. Уже в 70-х гг. XX в. Ж. Ф. Лиотар характеризовал состояние общества в целом как «состояние постмодерна» [7]. Для такой общественной организации (постмодерн) характерно отрицание ограничений, смешение подходов и концепций, плюрализм применительно к явлениям культуры, науки, социальной жизни и др. В рамках постмодернизма

отрицается доминирование какой-либо культуры или системы ценностей. Любые культуры рассматриваются как равнозначные, возможен диалог с каждой из них. Для общества постмодерна характерна девальвация ценностей и социальных норм. В условиях постмодернистского (постиндустриального) общества анализ субкультур наиболее целесообразно проводить с использованием методологии постмодернизма [8].

Метод

Обратимся к теоретическому анализу одной из субкультур, активно внедряющейся, распространяющей свои ценности в структуру законопослушного общества – криминальной субкультуре, которая имеет сложные взаимосвязи с культурой общества и происходящими в нем социальными процессами.

Как указывают исследователи, криминальная субкультура представляет собой вполне реальное и объективное явление [9]. «Под криминальной субкультурой понимается совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ» [10, с. 110]. Основу криминальной субкультуры составляют определенные ценности, традиции, правила, нормы и ритуалы, противоречащие таковым в законопослушном обществе, оправдывающие и поощряющие преступный образ жизни и совершение преступлений [10]. Криминальная культура рассматривается в качестве внутреннего источника воспроизводства и самодетерминации преступности [11], ее системообразующего фактора [12]. Ее социальный вред «заключается в том, что она уродливо социализирует личность, стимулирует возрастание возрастной оппозиции в криминальную, именно поэтому и является механизмом воспроизводства преступности в молодежной среде» [10, с. 111].

В научной литературе наблюдается отождествление понятий «криминальная субкультура» и «тюремная субкультура» [9, с. 9].

Однако имеются и другие точки зрения: тюремная субкультура служит разновидностью и структурным элементом криминальной субкультуры [13, с. 33; 14]. Согласно данной точке зрения понятие «криминальная субкультура» является базовым понятием. Другими словами, криминальная субкультура – это структура, включающая в себя в качестве подструктур ее разновидности (тюремная субкультура, субкультура АУЕ, экстремистская субкультура и др.). Разновидности криминальной субкультуры имеют объединяющий их базовый элемент – систему ценностей. Применительно к криминальной

субкультуре таким элементом являются криминальные ценности, противостоящие ценностям традиционным.

Результаты

Исследователи отмечают следующие особенности современной криминальной субкультуры: 1) вторгается в официальную культуру, взламывая ее и внедряя в нее свои правила [10]; 2) претендует на лидирующее положение в российском обществе [15]; 3) имеет тенденцию к распространению в широком социокультурном пространстве [12]; 4) ориентирована на соединение криминальных ценностей с ценностями индивидуалистическими, культурой конкуренции [16]; 5) видоизменяется, приобретает новые формы [17].

Таким образом, реалии постмодернистского (постиндустриального) общества свидетельствуют о том, что криминальная субкультура не является статичным образованием, она развивается и изменяется. Традиционная (тюремная) криминальная субкультура модифицируется. Современная криминальная субкультура подвергается интенсивным культурным трансформациям, в некоторых случаях она меняет свой культурный код.

Основной вектор культурной трансформации криминальной субкультуры, как следует из анализа приведенных источников, – распространение и внедрение в социум, видоизменение, приобретение новых форм. Особенно интенсивно криминальная субкультура внедряется в экономическую деятельность. В рамках теневой криминальной экономики осуществляется криминальная экономическая деятельность в форме лжепредпринимательства. Трансформирующаяся криминальная субкультура в настоящее время отличается разнообразием форм, реализуемых в том числе в формах легальных социальных практик [16]. Исследователи указывают: противоправные деяния (по преимуществу мошенничество) совершаются под прикрытием законной коммерческой деятельности и имиджа легальной фирмы легальными бизнес-организациями, преследующими единственную цель – получение преступных доходов, незаконное обогащение [18].

Разновидности форм криминальной субкультуры представлены в структурах законопослушного общества (в том числе в государственных и коммерческих организациях). Преступный тип поведения в настоящее время является частью рыночных взаимодействий [19]. Криминальные отношения проникают в различные сферы легальной экономической системы [20].

В рамках легальной экономики функционируют официально зарегистрированные орга-

низации, в которых доминирующей культурой является криминальная субкультура. В современном обществе, как показывают исследования, криминальная субкультура – неотъемлемая часть общей культуры поведения социальных субъектов [19, 21, 22].

Осуществляя криминальную экономическую деятельность под видом легальной, криминальная субкультура имеет особенности, не свойственные иным ее разновидностям (например, тюремной). Это отличие касается особой организационной культуры экономических субъектов, паразитирующих на механизмах функционирования социальных институтов. Легальный статус криминальной организации требует прикрытия нелегального содержания ее криминальной деятельности посредством социальной мимикрии, социальной маскировки. Такая организация имеет особую организационную культуру, отличающую ее от организационной культуры легальной организации. Известно, что культура организации представляет собой совокупность отдельных элементов, которые классифицируются на две основные группы: объективные и субъективные.

Объективные элементы организационной культуры структур, осуществляющих криминальную экономическую деятельность, представлены внешними признаками. Они соответствуют нормативным стандартам: просоциальная символика, привлекательная внешняя форма презентации, внешний вид (дресс-код) и этикет сотрудников, внешнее оформление офиса и интерьеров; отвечают требованиям конвенциональности [16]. Например, наблюдаемые паттерны поведения сотрудников имитируют социально приемлемое поведение и с внешней стороны соответствуют социальным нормам.

Субъективные элементы организационной культуры такой организации, выраженные прежде всего системой ценностей (криминальных по своему содержанию), противостоят традиционным ценностям общества: базовые и инструментальные ценности криминального мира противостоят общечеловеческим ценностям, разрушают традиционную культуру.

Также социальные нормы организации, осуществляющей криминальную экономическую деятельность, ориентированы на нормы криминального мира и криминальной субкультуры (социальная приемлемость лжи, обмана, манипулирования людьми, допустимость нарушений закона, цинизм, аморальность, получение материальных благ любыми средствами, пренебрежение интересами других) [16].

Дополнительным стимулом деятельности таких организаций является ориентация на культуру конкуренции, достижение финансового успеха любой ценой. Потребители их услуг (клиенты) воспринимают внешнюю сторону деятельности данных организаций (внешнюю презентацию), что отражает объективные элементы организационной культуры. При этом внутренняя сторона (центральный элемент деятельности), субъективный элемент организационной культуры от них скрывается.

Выводы

При осуществлении криминальной экономической деятельности групповыми субъектами возникает глубинное противоречие между субъективными и объективными элементами организационной культуры. Объективные элементы организационной культуры служат ширмой для сокрытия ее субъективных элементов.

Внедрение, встраивание криминальной субкультуры в структуру социального «организма», в легальную социальную практику происходит за счет использования объективных элементов организационной культуры (имидж, внешне приемлемые, социализированные формы поведения сотрудников, внешнее соответствие требованиям конвенциональности) и сокрытия субъективных элементов организационной культуры (ценности криминального мира).

Список литературы

1. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб. : Питер, 2003. 718 с.
2. *Кефели И. Ф.* Культурология. Основы теории и истории культуры : учеб. пособие. СПб. : Спец. лит-ра, 1996. 356 с.
3. Субкультура // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. С. 687.
4. *Щепанская Т. Б.* Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор / сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. С. 27–33.
5. *Жаркова М. А., Максимова О. А.* Молодежные (пост)субкультуры в контексте становления постмодернистского и информационного общества // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 257–261.
6. *Мартин У. Дж.* Информационное общество (Реферат) // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник / редкол. : В. А. Виноградов (гл. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 1990. № 3. С. 115–123.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.

8. Muggleton D. Inside Subculture : The Postmodern Meaning of Style. Oxford : Berg, 2000. 198 p.
9. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (Криминальная субкультура). Тверь : ИПП «Приз», 1994. 323 с.
10. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2001. 704 с.
11. Макаров В. В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности // Российский следователь. 2014. № 4. С. 40–42.
12. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминанта преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 671–681.
13. Анисимов В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 250 с.
14. Романова Н. М. Вовлечение личности в криминальную деятельность : к постановке проблемы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 80–86.
15. Минкина Н. И. Криминологический анализ культуры современного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 25 с.
16. Романова Н. М. Криминальные группы и криминальная субкультура [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Т. 3, № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58348.shtml> (дата обращения: 25.04.2020).
17. Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 31 с.
18. Богданчиков С. В. Проблемы организованной экономической преступности в Российской Федерации // Экономический журнал. 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizovannoy-ekonomicheskoy-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 05.03.2020).
19. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России : от повседневной жизни до государственной власти. М. : ИНФРА-М, 2001. 418 с.
20. Колесников В. В. Криминальная экономика в системе экономической криминологии : понятие и структура // Криминология : вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 16–29.
21. Олейник А. «Бизнес по понятиям» : об институциональной модели российского капитализма. URL: <https://www.narcom.ru/law/system/32.html> (дата обращения: 05.04.2020).
22. Романова Н. М. Генезис вовлечения личности в криминальную деятельность // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 3, вып. 14. С. 92–97.

Образец для цитирования:

Романова Н. М. Особенности трансформации криминальной субкультуры в современном обществе: роль организационной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 434–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-434-438>

Features of the Transformation of the Criminal Subculture in Modern Society: The Role of Organizational Culture

N. M. Romanova

Natalia M. Romanova, <https://orcid.org/0000-0002-9444-8812>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, romanova_nm@inbox.ru

Relevance. The study of the specific organizational culture peculiarities within group entities conducting criminal economic activities is significant for understanding the essence of such organizations, socio-psychological mechanisms of their potential influence on society. So far, the criminal subculture has not been considered from the point of view of postmodernism methodology, the influence of the role of organizational culture on its development. **Purpose.** Develop the theoretical foundations of the study of criminal subculture that are adequate for modern society. **Method.** Theoretical analysis of the criminal subculture from the point of view of the methodology of postmodernism. **Results.** The article provides an analysis of the peculiarities of the nature of modern culture in the conditions of the postmodern and information society, the relationship of the criminal subculture with the culture of society and the social processes taking place in it, the specifics of changes and the cultural transformation of the criminal subculture in a multicultural society (dissemination and introduction into society, modification, acquisi-

tion of new forms). **Conclusions.** Reliance on the methodology of postmodernism gives a deeper understanding of the cultural transformation specifics in the modern criminal subculture. The introduction of criminal subculture into the structure of society is due to the use of objective elements of organizational culture (image, externally acceptable, socialized forms of employee behavior, external compliance with the requirements of conventionality) and concealment of subjective elements of organizational culture (values of the criminal world).

Keywords: cultural transformation of criminal subculture, organizational culture, values, objective elements of organizational culture, subjective elements of organizational culture.

Received: 20.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Matsumoto D. *Psihologiya i kultura* [Psychology and culture]. St. Petersburg, Piter Publ, 2003. 718 p. (in Russian).
2. Kefeli I.F. *Kulturologiya. Osnovy teorii i istorii kultury* [Fundamentals of the theory and history of culture]. St. Petersburg, Spetsialnaya literature Publ., 1996. 356 p. (in Russian).

3. Subkultura [Subculture]. In: *Noveishiy` filosofskiy slovar* [The latest philosophical dictionary]. Compiler A. A. Gritsanov. Minsk, Izd. V. M. Skakun, 2003. 1280 p. (in Russian).
4. Shepanskaya T. B. Traditsii gorodskikh subkultur [Traditions of urban subcultures]. In: *Sovremennyy gorodskoy folklor* [Modern urban folklore]. Compilers: A. F. Belousov, I. S. Veselova, S. Yu. Necliudov. Moscow, RGGU Publ., 2003. pp. 27–33 (in Russian).
5. Zharkova M. A., Maksimova O. A. Youth (post) subcultures in the context of the formation of a postmodern and information society. *Vestnyk ekonomiki, prava i sotsiologii* [The Review of Economy, the Law and Sociology], 2012, no. 3, pp. 257–261 (in Russian).
6. Martin U. J. Information Society (Abstract). *Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoy informatsii. Ezhekvartalnik* [V. A. Vinogradov et al., eds. Theory and practice of public scientific information. Quarterly]. Moscow, Academy of Science of USSR, 1990, no. 3, pp. 115–123 (in Russian).
7. Leeotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern State]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 160 p. (in Russian).
8. Muggleton D. *Inside Subculture: The Postmodern Meaning of Style*. Oxford, Berg, 2000. 198 p.
9. Pirozhkov V. F. *Zakony prestupnogo mira molodezhi (Kriminalnaya subkultura)* [Laws of the underworld of youth (Criminal subculture)]. Tver', IPP "Priz" Publ., 1994. 323 p. (in Russian).
10. Pirozhkov V. F. *Kriminalnaya psikhologiya* [Criminal psychology]. Moscow, Os-89 Publ., 2001. 704 p. (in Russian).
11. Makarov V. V. Criminal subculture as an internal source of crime reproduction. *Rossiiskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2014, no. 4, pp. 40–42 (in Russian).
12. Ivanova A. A. Criminal culture as a determinant of crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2016, vol. 10, no. 4, pp. 671–681 (in Russian).
13. Anisimkov V. M. *Rossiya v zerkale ugovolnykh traditsiy tyurmy* [Russia in the mirror of the criminal traditions of the prison]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 250 p. (in Russian).
14. Romanova N. M. The involvement of the individual in criminal activity: to the formulation of problems. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 80–86 (in Russian).
15. Minkina N. I. *Kriminologicheskiy analiz kultury sovremennogo obshchestva* [Criminological analysis of the culture of modern society]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Irkutsk, 2003. 25 p. (in Russian).
16. Romanova N. M. Criminal groups and criminal subculture [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* (Psychology and Law), 2013, no. 1 (in Russ. abstr. in Engl.). Available at: https://psyjournals.ru/files/58348/psyandlaw_2013_1_Romanova.pdf (accessed 25 April 2020) (in Russian).
17. Tulegenov V. V. *Kriminalnaya subkultura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological significance]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Rostov-on-Don, 2003. 31 p. (in Russian).
18. Bogdanchikov S. V. Problems of organized economic crime in the Russian Federation. *Ekonomicheskii zhurnal* (Economic Journal), 2003. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizovannoy-ekonomicheskoy-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed 05 March 2020) (in Russian).
19. Oleynik A. N. *Tyuremnaya subkultura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoy vlasti* [Prison subculture in Russia: from everyday life to state power]. Moscow, INFRA-M Publ, 2001. 418 p. (in Russian).
20. Kolesnikov V. V. The criminal economy in the system of economic criminology: concept and structure. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], 2016, no. 2 (41), pp. 16–29 (in Russian).
21. Oleynik A. "Biznes po ponyatiyam": ob institutsionalnoy modeli rossiiskogo kapitalizma ("Conceptual Business": On the Institutional Model of Russian Capitalism). Available at: <https://www.narcom.ru/law/system/32.html> (accessed 5 April 2020) (in Russian).
22. Romanova N. M. The genesis of involving a person in criminal activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 3, iss. 14, pp. 92–97 (in Russian).

Cite this article as:

Romanova N. M. Features of the Transformation of the Criminal Subculture in Modern Society: The Role of Organizational Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 434–438 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-434-438>

УДК [159.9.072]+316.6

Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви

С. В. Фролова

Фролова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, frolovav71@mail.ru

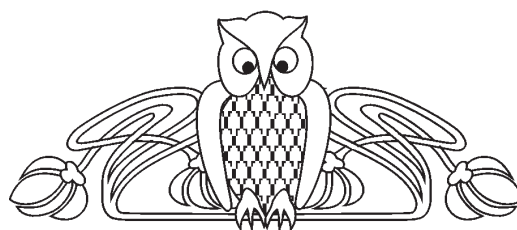
В статье предпринят теоретический анализ феноменологии психологических проявлений стилей любви, выделенных канадским социологом Дж. А. Ли, взявшим за основу виды любви, описанные еще в древнегреческой философии. В качестве критериев феноменологического анализа сущностных характеристик стилей любви автором статьи выбраны дифференцированно проявляющиеся особенности переживаний, самосознания, социального восприятия, типов межличностных отношений, выделенных Я. Л. Морено и М. Бубером, способов реализации внутренней природы человека, описанных Э. Фроммом, уровня развития чувства общности и механизма компенсации чувства неполноценности, концептуализированных А. Адлером. В результате проведенного теоретического анализа описаны шесть психологических типов любви: страстная любовь-восхищение «эрос», гедонистическая любовь «людус», любовь-дружба «сторге», прагматическая любовь «прагма», любовь-одержимость «манья», альтруистическая любовь «агапе». Теоретические представления о психологических типах любви, сформулированные автором на основе осуществленного феноменологического анализа, и использование содержательной, дедуктивной стратегии конструирования психологических опросников позволили разработать методику диагностики психологических типов любви. С целью ее апробации было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 143 чел. (89 женщин и 54 мужчины) в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст – 22 года). Приводятся полученные показатели надежности шести шкал методики диагностики психологических типов любви и результаты ее конвергентной валидации, свидетельствующие о хорошей психометрической пригодности разработанного психодиагностического инструментария и его дифференциально-диагностических возможностях. Выявлены корреляции выраженности психологических типов любви с рядом устойчивых личностных свойств (по методике Р. Б. Кеттелла) и показателями социально-психологической адаптированности.

Ключевые слова: страстная любовь-восхищение (эрос), гедонистическая любовь (людус), любовь-дружба (сторге), прагматическая любовь (прагма), любовь-одержимость (манья), альтруистическая любовь (агапе), методика диагностики психологических типов любви.

Поступила в редакцию: 25.06.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-439-448>

Введение

Актуальность обращения к проблеме изучения различных психологических типов любви становится особенно острой в связи с ростом психоэмоциональных нарушений и доминированием идей экономического и рационального детерминизма, утверждающих в качестве основных составляющих благополучия человека экономическую эффективность и победу над чувствами. В течение почти полутора веков наименее изученными в научной психологии остаются вопросы, связанные с проявлениями эмоциональной сферы человека. Из трех традиционно выделяемых сторон психики (эмоциональная, когнитивная, поведенческая) только одна – эмоциональная – так и не удостоилась стать предметом изучения отдельного фундаментального научного направления или созданной научной школы психологии. В сопоставлении с развивающимся уже более столетия бихевиоризмом и доминирующими в современной науке экспериментальными исследованиями в области когнитивной психологии психология эмоций остается пока лишь скромно представленным разделом знания общей психологии.

Возможно, именно в изучении эмоций кроются самые большие и еще неизведанные ресурсы человеческой психики, ведь эмоции служат важнейшим энергетическим, мотивирующим и смыслообразующим потенциалом в жизни человека, служат естественным, настоящим, древним метаязыком, способным сообщать понятную даже без слов информацию. Любое чувство, которое испытывает человек, содержит глубокий смысл и является важным сообщением, обязательно имеющим своего адресата.

Самыми сложными, устойчивыми, системными и высшими эмоциональными проявлениями становятся глубокие личностные чувства, а наиболее многогранное из них – чувство любви, которое нечасто становится объектом изучения в психологии и рассматривается как одно из проявлений эмоциональных отношений, симпатии или аттракции, или даже – социального обмена [1, с. 345–347].

Особое место категория любви занимает в ряде экзистенциально ориентированных психологических теорий, где ей отводится важнейшая роль в жизни человека и общества в целом. Так, в теории логотерапии В. Франкла любовь становится одним из главных источников смысла жизни [2], а в теории Э. Фромма истинному чувству любви отводится спасительная роль в разрешении главной проблемы человеческого существования – преодолении своей отчужденности [3, с. 114–130] и примирения двух врожденных бессознательных антогонистических сил – потребности в укоренении и стремления к индивидуализации [4, с. 368–370].

Постановка проблемы исследования

Сложность и многогранность любви находит отражение в попытках создания различных ее типологий. Виды и проявления любви в жизни человека различаются, прежде всего, в зависимости от объекта, к которому она направлена: любовь родительская, супружеская, любовь к природе, к искусству, к своей профессии, любовь к Родине, любовь к Богу. Здесь можно вспомнить учение о чувствах великого мыслителя Бенедикта Спинозы, который полагал, что видов чувств существует столько, сколько существует видов объектов [4, с. 123]. Из этого положения следует, например, что переживание чувства любви к разным людям и в разных обстоятельствах будет каждый раз неповторимо и уникально.

Попытки понимания и объяснения многогранности проявлений чувства любви в жизни человека предпринимались еще в древнегреческой философии [5, с. 146]. Известный канадский социолог Джон Алан Ли предложил типологию стилей любви, опирающуюся на древнегреческую философию, и выделил 6 типов: 1) эрос (др.-греч. ἔρως) – страстная, восторженная влюбленность, стремящаяся к полному обладанию объектом любви; 2) людус (лат. ludus) – гедонистическая любовь-игра, направленная на получение удовольствий и прекращающаяся с первыми проявлениями скуки; 3) сторге (др.-греч. сторγή) – спокойная любовь-дружба, сопровождающаяся ощущениями теплоты и надежности; 4) прагма (др.-греч. πράγμα) – рассудочная любовь, которая побуждается стремлением извлечения выгод и удобств и легко поддается сознательному контролю, другими словами – любовь по расчету; 5) мания (др.-греч. μανία) – любовь-одержимость, для которой характерны сильная зависимость от объекта влечения и привязанности, проявления болезненной неуверенности и ревности; 6) агапе (др.-греч. ἀγάπη) – бескорыстная, жертвенная любовь-самоотдача [5, с. 247; 6; 7, с. 248–249].

С. Хендрик и К. Хендрик, опираясь на концепцию Дж. А. Ли, разработали методику, позволяющую измерять выраженность шести выделенных стилей любви [8]. Под стилями любви С. Хендрик и К. Хендрик понимают характерные системы убеждений, которые определяют поведение людей при выстраивании взаимоотношений. Предложенный авторами измерительный инструмент апробировался в ряде исследований, однако до сих пор остаются вопросы относительно его прогностических возможностей [9]. Концепция Дж. А. Ли послужила основанием и для разработки теста стилей любовных отношений Е. Н. Стрижовой [10].

В целях дальнейшего продвижения исследований в данной проблемной области перспективным может стать создание альтернативных методических подходов к исследованию феноменологии различных психологических типов любви. На наш взгляд, при выявлении психологических типов любви важно не только обнаружить обобщенные убеждения и поведенческие проявления, сводимые порой только к области сексуального поведения (как это отражено в части вербального диагностического стимульного материала в методике С. Хендрик и К. Хендрик [8]), но и учитывать феноменологию содержания переживаний, характерных для актуального, текущего периода приобретаемого человеком опыта эмоциональных межличностных отношений. Анализ феноменологии психологического содержания проявлений каждого из выделенных стилей любви, с точки зрения ряда психологических теорий личности, может способствовать описанию именно психологических типов любви (а не только обобщенно понимаемых стилей любви или стилей любовных отношений, стилей сексуального поведения и т.п.) и определению их сущностных психологических характеристик.

Феноменологический анализ психологических типов любви

Теоретическими источниками для феноменологического анализа психологических типов любви могут являться психологические концепции переживаний, теории самосознания и «Я-концепции», понятие о психологическом времени личности, теории типов межличностных отношений Я. Л. Морено [11, с. 58–68] и М. Бубера [12, с. 15–92], идеи Э. Фромма о способах реализации внутренней природы [цит. по: 4, с. 371] и положения индивидуальной психологии А. Адлера [цит. по: 4, с. 354–359]. Критериями для феноменологического анализа сущностных характеристик психологических типов любви могут быть проявляющиеся в них локус направ-

ленности психической активности, содержание и уровни переживаний, актуализируемое психологическое время, способ реализации внутренней природы (по Э. Фромму), доминирующий тип межлических отношений (по Я. Л. Морено и М. Буберу), характер обобщенных образов «Я» и «Другого», уровень развития чувства общности и вид механизма компенсации чувства неполноценности (по А. Адлеру).

1. Стихийно возникающая, восторженная влюбленность – эрос – стремится к слиянию с объектом своего влечения и почитания. Данный психологический тип любви может быть назван **«страстная любовь-восхищение»**. Локусом направленности этого психологического типа любви является особое состояние слитности собственного «Я» с восхитительным «Другим». Главным содержанием переживаний такого типа становится стремление к ощущению полноты жизни, эстетически и романтически окрашенные чувства, яркие, экзальтированные эмоции восхищения, восторженности, счастья. Доминирующими уровнями переживания этого типа становятся уровень ощущений и уровень эмоций. Представители данного типа живут преимущественно образами настоящего или ближайшего будущего. Способом реализации своей внутренней природы (по Э. Фромму [цит. по: 4, с. 371]) представителями данного типа спонтанно выбирается способ иметь, поскольку они главным образом стремятся к обладанию объектом своей любви и обладанию особым состоянием для повышения собственной индивидуальной значимости (дефицит, которой они часто испытывают) в своих глазах и глазах окружающих. Для данного типа характерно развитое чувство общности в сочетании с неполной компенсацией бессознательно переживаемого чувства неполноценности (по теории А. Адлера [цит. по: 4, с. 358–359]), что приводит порой к стремлению сгладить собственные жизненные неудачи романтическими отношениями с партнером, обладающим целым рядом достоинств. Образ «Я» и образ «Другого», характерные для данного типа любви, могут быть представлены как «Я – хороший» и «Ты – прекрасный». Преобладающим типом межлических отношений (по теории Я. Л. Морено) становится перенос – модус межлических отношений, который не является полностью ориентированным на реальность. Другой человек выступает не как личность, которой он является, а как объект бессознательных представлений, обусловленных желаниями первого [11, с. 61–64].

2. Психологический тип любви, не отличающийся глубиной чувств, направленный на получение преимущественно физических

удовольствий и представляющий собой любовь-игру – людус, – может быть назван **«гедонистическая любовь»**. Локусом направленности этого психологического типа любви является собственное физическое «Я». Главным содержанием переживаний такого типа становится физически ощущаемые удовольствия, чувства игрового азарта, беспечности. Доминирующий уровень переживаний – уровень ощущений. Представители данного типа любви живут преимущественно образами настоящего, не загадывая наперед и не оглядываясь в прошлое. Используемый способ реализации своей внутренней природы (по Э. Фромму) у представителей данного типа – способ иметь. Они стремятся главным образом к обладанию властью над объектом любви. Для данного типа характерно слабо развитое чувство общности в сочетании со сверхкомпенсацией, что соответствует властному, управляющему типу личности по теории А. Адлера [13, с. 173]. Образ «Я» и образ «Другого», характерные для данного типа любви, могут быть представлены как «Я – хороший» и «Оно». Тип отношения к другому человеку как к «Оно» (в теории М. Бубера [12]) предполагает восприятие «Другого» как неодушевленного объекта, которым удобно манипулировать.

3. Психологический тип любви, основанный на дружеских чувствах, характеризующийся теплотой, спокойствием, устойчивостью отношений и нежностью – сторге – может быть назван **«любовь-дружба»**. Локусом направленности этого психологического типа любви является общность «Я» и «Другого». Главным содержанием переживаний этого типа становятся переживание душевного покоя, уверенности в себе, трепетного чувства нежности, душевной близости, общности интересов и ценностей с близким человеком, чувства защищенности, стабильности, доверия в отношениях. Доминирующим уровнем переживаний данного типа является уровень глубоких и устойчивых чувств. Представители данного типа гармонично сочетают в своем опыте переживаний образы совместного с близким человеком прошлого, настоящего и будущего, причем даже долгосрочного будущего. Свойственным данному психологическому типу любви способом реализации своей внутренней природы (по Э. Фромму) является способ быть, поскольку для его представителей, характеризующихся внутренней свободой и уверенностью в себе, главное – не обладать объектом любви и самой любовью, а чувствовать себя любящим и любимым, быть самим собой, переживать свою самооценку. Для данного типа характерно высоко развитое чувство общности в сочетании с полной компенсацией бессоз-

знательно переживаемых в прошлом собственных недостатков (по теории А. Адлера), что дает возможность строить и развивать взаимоотношения и совместные жизненные проекты с близким человеком, основанные на взаимном уважении, доверии и нахождении общих интересов. Образ «Я» и образ «Другого», характерные для данного типа любви, могут быть представлены как «Я – хороший» и «Ты – хороший». Преобладающими типами межличностных отношений по теории Я. Л. Морено становятся вчувствование (в реальность, переживаемую другим человеком), или эмпатия, и теле (взаимное вчувствование). Другой человек при данных типах отношений воспринимается и понимается как личность, которой он является, а не как объект бессознательных представлений, обусловленных желаниями или воспоминаниями первого [11, с. 59–68].

4. Рассудочная любовь или любовь по расчету – прагма – побуждается не эмоциональной привязанностью, а целью извлечения выгод и удобств и хорошо поддается сознательному контролю. Данному типу можно дать название *«прагматическая любовь»*. Прагматическая любовь имеет объективный локус направленности, в качестве которого предстает выгода, извлекаемая благодаря выстраиваемым отношениям. Главным содержанием переживаний при таком типе любви становится стремление к получению выгоды, повышению социального статуса, достижению поставленных целей, удовлетворению глорических потребностей (в самоутверждении и славе) за счет сильных сторон личности другого человека, а также чувство гордости, чувство собственного достоинства. Доминирующими уровнями переживания этого типа становятся уровень рассудочного, логического анализа и уровень эгоцентрических (направленных к самому себе) эмоций. Представители данного типа живут преимущественно образами реалистичного, планируемого будущего. Способом реализации своей внутренней природы (по Э. Фромму) они выбирают способ иметь, поскольку главным образом стремятся к обладанию как можно большими благами и ориентированы преимущественно на внешнюю сторону своего развития. Для них важно показать свою значимость, которая на самом деле часто переживается ими как недостаточная. Для данного типа характерно относительно развитое чувство общности в сочетании с неполной компенсацией бессознательно переживаемого чувства неполноценности (по теории А. Адлера), что вполне соответствует модели использования межличностных отношений для решения своих личных проблем или достижения эгоистических целей. Обобщенные образы «Я» и «Другого»,

характерные для данного типа любви, могут быть представлены как «Я – хороший» и «Оно». Отношение к «Другому» строится как к неодушевленному объекту – «Оно» (по теории М. Бубера [12]), манипулирование которым может служить извлечению выгод и удобств.

5. Болезненная зависимость от объекта влечения («мания») является основной проблемой психологического типа отношений, который может быть назван *«любовь-одержимость»*. Локусом направленности этого психологического типа любви служит замещение собственного дефицитарного «Я» сильными сторонами «Другого». Главным содержанием переживаний такого типа становится неуверенность в себе и болезненная привязанность к другому человеку, неконтролируемая страсть, ревность, страх потерять объект своей любви или страх утратить его внимание к собственной персоне, сильные и резкие эмоциональные колебания между восторгом и отчаянием. Доминирующим уровнем переживания этого типа становится уровень навязчивых, слабо контролируемых эмоций. Представления и переживания при данном типе любви, как правило, ограничены настоящим временем. Для реализации своей внутренней природы (по Э. Фромму) используется способ иметь. Представители данного типа стремятся во что бы то ни стало к постоянному обладанию объектом своей страсти. Порой это становится не только навязчивым чувством, но и навязчивой идеей. Такие переживания делают представителей данного типа любви очень уязвимыми, несвободными, нетерпимыми, тревожными, напряженными. Для данного типа характерно относительно выраженное чувство общности в сочетании с неполной или мнимой компенсацией бессознательно переживаемого чувства неполноценности (по теории А. Адлера), что приводит либо к использованию отношений для решения своих личных проблем, либо к спекулированию собственными недостатками для удержания отношений с партнером. Образ «Я» и образ «Другого», характерные для данного типа любви, могут быть представлены как «Я – плохой» и «Ты – хороший». Преобладающим типом межличностных отношений становится перенос (по теории Я. Л. Морено [11, с. 61–64]), который не ориентирован на понимание и принятие личности и реальности другого человека, а стремится сохранить искаженный образ «Другого», выстроенный на основе своих страхов и желаний.

6. Бескорыстный, жертвенный, безусловно принимающий психологический тип любви – агапе – характеризуется высокой степенью активности и стремления оказывать помощь, содействие, поддержку любимому человеку, приводит к гармонизации личностей любящих,

побуждает к развитию и самосовершенствованию. Данный психологический тип может быть назван *«альтруистическая любовь»*. Локусом его направленности является процесс созидания блага для «Неповторимого Другого» через совершенствование собственного «Я». Для данного психологического типа любви характерен уровень духовных и просоциальных переживаний – трансцендентных переживаний наполненности жизни смыслом и счастьем, достигаемым через присутствие, созидание и самосовершенствование для- и благодаря любимому человеку. Представители данного типа живут образами целостности прошлого, настоящего и будущего. Характерным способом реализации их внутренней природы (по Э. Фромму) для представителей данного типа является способ быть, для них чрезвычайно важно и ценно быть самими собой, чувствовать себя любящими и сопереживающими близкому человеку, созидающими на благо другому и свободно самореализующимися и самосовершенствующимися. Данному типу свойственно высоко развитое чувство общности в сочетании со сверхкомпенсацией бессознательно переживаемого чувства неполноценности (по теории А. Адлера). Такое сочетание по теории А. Адлера становится основанием для развития социально-полезного типа личности [цит. по: 13, с. 173–174]. Образ «Я» и образ «Другого», характерные для этого типа любви, могут быть представлены как «Я – хороший», «Ты – хороший и неповторимый». Преобладающими типами межлических отношений (по теории Я. Л. Морено) при альтруистической любви становятся вчувствование и теле (взаимное вчувствование). Другой человек при этом воспринимается, понимается, принимается и ценится как неповторимая личность, которой он является на самом деле, а не в воображении воспринимающего [11, с. 59–60, 65–68].

Выделенные на основе феноменологического анализа сущностные характеристики психологических типов любви послужили содержательной основой для разработки пунктов вербального стимульного материала новой психодиагностической методики.

Методика исследования и выборка

Для изучения выраженности каждого из шести описанных психологических типов любви нами был разработан опросник «Психологические типы любви». При его создании мы опирались на содержательную, дедуктивную стратегию конструирования психологических опросников [14], которая базировалась на теоретических представлениях о психологических типах любви, сформулированных нами на основе предварительно осуществленного феноменологического анализа.

Для измерения выраженности каждого из психологических типов любви были сконструированы соответствующие утверждения – вербальные стимулы, которые предлагается оценить по шкале от 0 до 5 баллов с точки зрения того, насколько они могут характеризовать актуальные переживания человека, испытываемые в данный период его жизни (Приложение). После предварительных испытаний в окончательную версию опросника вошли 48 утверждений (отобранных из 73 первоначально сформулированных пунктов по критерию их диагностической эффективности): по 8 утверждений, соответствующих каждому из шести психологических типов любви.

Для осуществления процедуры конвергентной валидации созданной методики использовались многофакторный опросник личности Р. Б. Кеттелла (сокращенная форма С) и опросник социально-психологической адаптированности, разработанный К. Роджерсом и Р. Даймондом (в адаптации А. К. Осницкого [15]). В эмпирическом исследовании приняли участие 143 чел. (89 женщин и 54 мужчины) в возрасте от 18 до 32 лет (средний возраст – 22 года).

Результаты апробации методики диагностики психологических типов любви

Для каждой шкалы опросника, соответствующей одному из психологических типов любви, были получены достаточно высокие значения коэффициента альфа Кронбаха, свидетельствующие о хорошей внутренней согласованности пунктов и надежности измерительного инструмента (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Показатели надежности шкал опросника «Психологические типы любви»
Indicators of reliability of the scales of the questionnaire «Psychological types of love»

Психологические типы любви	Значение альфа Кронбаха
Страстная любовь-восхищение «эрос»	0,884
Гедонистическая любовь «людус»	0,800
Любовь-дружба «сторге»	0,895
Прагматическая любовь «прагма»	0,721
Любовь-одержимость «мания»	0,881
Альтруистическая любовь «агапе»	0,900

Для осуществления процедуры конвергентной валидации нами был осуществлен корреляционный анализ показателей шкал разработанной методики диагностики психологических типов любви с показателями шкал личностного опросника Р. Б. Кеттелла (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Корреляции выраженности психологических типов любви со шкалами личностного опросника Р. Б. Кеттелла
Correlations of the intensity of psychological types of love with the scales of the personal questionnaire of R. B. Kettell

Психологические типы любви	Личностные факторы				
	Общительность	Эмоциональная устойчивость	Экспрессивность	Чувствительность	Подозрительность
Страстная любовь	-0,016	-0,335*	0,300	-0,292	0,244
Гедонистическая любовь	-0,158	-0,317*	0,326*	-0,344*	0,156
Любовь-дружба	0,331*	-0,030	0,053	0,016	-0,105
Прагматическая любовь	-0,193	-0,297	0,297	-0,452**	0,322*
Любовь-одержимость	-0,058	-0,395*	0,307	-0,428**	0,330*
Альтруистическая любовь	0,339*	-0,062	0,108	-0,033	-0,054

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Любовь-дружба «сторге» и альтруистическая любовь «агапе» положительно коррелируют с фактором «общительность», что указывает на такие свойственные этим двум типам любви качества, как открытость, добродушие, мягко-сердечность в отношениях. Страстная любовь «эрос», гедонистическая любовь «людус», прагматическая любовь «прагма» и любовь-одержимость «мания» на уровне тенденции отрицательно коррелируют с фактором «эмоциональная устойчивость», что может говорить о свойственных данным типам недостаточно хорошо функционирующих механизмах регуляции эмоций, переменчивости настроения и интересов. Обнаружена взаимосвязь выраженности гедонистического типа любви с экспрессивностью, что позволяет дополнить его сущностные характеристики такими конкретными чертами, как импульсивность, беспечность, экспансивность и динамичность в общении. «Людус», «прагма» и «мания» отрицательно коррелируют с фактором «чувствительность», что может характеризовать представителей этих типов как достаточно эгоцентрически сфокусированных на собственных переживаниях, потребностях, целях, ощущениях и недостаточно способных к сопереживанию и пониманию чувств других людей. «Прагма» и «мания» на уровне тенденции коррелируют с фактором «подозрительность», что может отражать свойственные для «мании» проявления ревности, а для сосредоточенной на получении выгоды «прагмы» – проявления большого самомнения и завистливости. Выявленные корреляции свидетельствуют в пользу

дифференциально-диагностических возможностей новой разработанной методики.

В ходе процедуры конвергентной валидации была также осуществлена проверка взаимосвязи психологических типов любви со шкалами опросника социально-психологической адаптивности, разработанного К. Роджерсом и Р. Даймондом (в адаптации А. К. Осницкого [15]). Выявленные корреляции отражены в табл. 3.

Как видно из полученных результатов, выраженность всех психологических типов любви коррелирует с показателями адаптивности, что может в данном случае свидетельствовать об адапционных функциях чувства любви, позволяющих человеку достигать большего психологического благополучия. Всем типам любви, кроме «мании», свойственно принятие себя. Неприятие других характерно для «людуса», «прагмы» и «мании». Ведомость в отношениях в большей или меньшей степени характерна для «эроса», «прагмы» и «мании». У представителей с выраженными психологическими типами «сторге» и «агапе» в большей степени развиты способность принимать других людей и стремление активно решать жизненные проблемы. Выявленные корреляции имеют также психометрическое значение, так как позволяют констатировать конвергентную валидность новой методики и говорят о ее дифференциально-диагностических возможностях.

Заключение

Проведенный феноменологический анализ психологических типов любви с опорой на классификацию стилей любви Дж. А. Ли и на

Таблица 3 / Table 3

Корреляции выраженности психологических типов любви со шкалами опросника социально-психологической адаптированности (СПА)

Correlations of the severity of psychological types of love with the scales of the socio-psychological adaptation questionnaire (SPA)

Психологические типы любви	Шкалы СПА						
	Адаптивность	Приятие себя	Приятие других	Неприятие других	Эмоциональный комфорт	Ведомость	Эскапизм (уход от проблем)
Страстная любовь-восхищение	0,492**	0,399*	0,072	0,298	0,607**	0,399*	0,607**
Гедонистическая любовь	0,579**	0,482**	0,157	0,442**	0,590**	0,244	0,590**
Любовь-дружба	0,557**	0,499**	0,511**	-0,029	0,237	0,079	0,237
Прагматическая любовь	0,477**	0,316*	0,065	0,496**	0,694**	0,433**	0,694**
Любовь-одержимость	0,411**	0,277	0,045	0,474**	0,629**	0,547**	0,629**
Альтруистическая любовь	0,536**	0,405**	0,481**	0,068	0,265	0,167	0,265

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

классические психологические теории личности позволил разработать теоретические, смысловые и содержательные основания для дедуктивно-конструирования опросниковой методики диагностики психологических типов любви. В ходе апробации авторского опросника «Психологические типы любви» было установлено, что его шкалы, предназначенные для измерения выраженности шести психологических типов любви – страстной любви-восхищения (эроса), гедонистической любви (людуса), любви-дружбы (сторге), прагматической любви (прагмы), любви-одержимости (мании), альтруистической любви (агапе) – обладают характеристиками надежности и внутренней согласованности.

Предпринятая процедура проверки взаимосвязей показателей шкал новой разработанной методики со шкалами многофакторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла и опросника социально-психологической адаптированности К. Роджерса и Р. Даймонда (в адаптации А. К. Осницкого) показала конвергентную валидность и дифференциально-диагностические возможности нового психодиагностического инструмента в установлении различных психологических типов любви.

Установлено, что любовь-дружба и альтруистическая любовь положительно коррелируют с фактором «общительность», что указывает на присущие этим типам качества открытости, добродушия, мягкосердечности в отношениях. Психологические типы страстной, гедонистической, прагматической любви и любви-одер-

жимости отрицательно взаимосвязаны с эмоциональной устойчивостью. Гедонистический тип любви связан с экспрессивностью, что позволяет дополнить его сущностные характеристики такими чертами, как импульсивность, беспечность, экспансивность и динамичность в общении. Психологические типы гедонистической, прагматической любви и любви-одержимости отрицательно коррелируют с фактором «чувствительность», что свидетельствует об их эгоцентрической сфокусированности на собственных переживаниях и потребностях и слабо выраженной способности к эмпатии. Обнаружены данные, свидетельствующие об осуществлении всеми психологическими типами любви адаптационных функций. Представители с выраженными психологическими типами дружеской и альтруистической любви способны принимать других людей и стремятся активно решать жизненные проблемы. Выраженность гедонистического, прагматического типов любви и любви-одержимости коррелируют с неприятием других.

Апробированная методика диагностики психологических типов любви может использоваться в личностном и семейном консультировании. Результаты психодиагностики, полученные с помощью разработанной методики, могут быть полезны для рефлексии переживаний и проблем, связанных с эмоциональными межличностными отношениями, для преодоления личностных и семейных кризисов, при разрешении супружеских конфликтов.

Список литературы

1. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОзнак, 2004. 560 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
3. Фромм Э. Душа человека. М. : Республика, 1992. 430 с.
4. Марцинковская Т. Д. История психологии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2002. 544 с.
5. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009. 576 с.
6. Lee J. A. A typology of styles of loving // Personality and social psychology bulletin. 1971. Vol. 3. P. 173–182.
7. Кон И. С. Введение в сексологию. М. : Медицина, 1990. 336 с.
8. Hendrick C., Hendrick S. A theory and method of love // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. P. 392–402.
9. Cassepp-Borges V., Ferrer E. Are we missing the circumplexity? An examination of love styles // Journal of Relationships Research. 2019. № 10 (21). P. 1–10.
10. Лунандин В. И., Стрижова Е. Н. Психометрический анализ теста ТСЛ // Психол. вестн. Урал. ун-та. 2009. Вып. 8. С. 183–194.
11. Лейтц Г. Психодрама : теория и практика. Классическая психодрама Я. Л. Морено / пер. с нем. М. : Прогресс, Универс, 1994. 352 с.
12. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 15–92.
13. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб. : Питер, 2006. 607 с.
14. Burisch M. Approaches to personality inventory construction // American Psychologist. 1984. Vol. 39. P. 214–227.
15. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.

Приложение

ОПРОСНИК «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛЮБВИ»

Инструкция: Оцените, пожалуйста, по шкале от 0 до 5 баллов предлагаемые ниже варианты утверждений с точки зрения того, насколько они характеризуют сейчас ваши переживания:

0 – полностью не согласен

1 – больше не согласен, чем согласен

2 – отчасти согласен

3 – больше согласен, чем не согласен

4 – почти полностью согласен

5 – полностью согласен

Любовь для меня на данном этапе жизни – это...

1. ... привлекательность и сильная притягательность другого человека.
2. ... то, что приносит удовольствие, а не заботы.
3. ... взаимная, трепетная забота друг о друге.
4. ... то, что следует разумно использовать в своей жизни.
5. ... страстное, порой болезненное чувство, которое полностью подчиняет себе разум.
6. ... желание отдавать, не ожидая ничего взамен.
7. ... пылкая влюбленность и переживание сильного влечения к другому человеку.
8. ... то, что следует впускать в свою жизнь только для получения удовольствий.
9. ... глубокое взаимопонимание, основанное на общих интересах и ценностях.
10. ... осознанно принятое решение быть вместе с другим человеком с целью повышения своего благополучия.
11. ... сильное желание безраздельного обладания вниманием другого человека.
12. ... готовность чем-то жертвовать ради счастья другого человека.
13. ... восторг и восхищение любимым человеком.
14. ... яркое, но короткое удовольствие.
15. ... естественная форма взаимопомощи и взаимоподдержки.
16. ... возможность выстраивания выгодного, перспективного союза.
17. ... невозможность жить без другого человека.
18. ... отсутствие страха разлук и измен, умение ждать и прощать.
19. ... прекрасное чувство растворения в любимом человеке.
20. ... будоражащие острые ощущения.
21. ... постоянно развивающееся чувство нежности к близкому человеку.
22. ... способ заботы о своем здоровье.
23. ... душевная боль и страдания.
24. ... утверждение неповторимого существования другого человека, принятие его таким, какой он есть.
25. ... наслаждение внешними чертами и проявлениями другого человека.

26. ... захватывающая игра, продолжающаяся до первых проявлений скуки.
27. ... чувство глубокой ответственности в отношениях между близкими людьми.
28. ... взаимовыгодное существование партнеров.
29. ... эмоциональное состояние, при котором угроза разрыва отношений с любимым человеком может быть страшнее смерти.
30. ... способность сопереживания близкому человеку.
31. ... желание быть нераздельным, единым целым с любимым человеком.
32. ... возможность развлечения и отдыха.
33. ... приятное переживание равенства в отношениях и трепетное взаимоуважение между партнерами.
34. ... интеллектуальный выбор достойного партнера.
35. ... сильнейшее желание любой ценой оставаться рядом с другим человеком.
36. ... самые разнообразные переживания, которые делают человека духовно богаче.
37. ... уверенность и счастье от присутствия рядом с человеком, обладающим необыкновенно привлекательными и сильными качествами.
38. ... состязание ради получения выигрыша в виде наслаждения и удовольствия.
39. ... доверие другому человеку как лучшему другу.
40. ... возможность продолжения рода.
41. ... страдания и невыносимые муки ревности.
42. ... нахождение смысла жизни в бескорыстной самоотдаче другому человеку.
43. ... восхищение тем, как выглядит, что говорит, что делает другой человек.
44. ... наслаждение приятными ощущениями.
45. ... чувство, дающее ощущение надежности и защищенности в отношениях с близким человеком.
46. ... способ повышения своей жизнеспособности.
47. ... постоянная борьба за возможность быть рядом с любимым человеком.
48. ... возможность самосовершенствования в выстраивании взаимоотношений с другим человеком.

Ключ к опроснику

Психологические типы любви	Номера утверждений
Страстная любовь-восхищение «эрос»	1, 7, 13, 19, 25, 31, 37, 43
Гедонистическая любовь «людус»	2, 8, 14, 20, 26, 32, 38, 44
Любовь-дружба «сторге»	3, 9, 15, 21, 27, 33, 39, 45
Прагматическая любовь «прагма»	4, 10, 16, 22, 28, 34, 40, 46
Любовь-одержимость «мания»	5, 11, 17, 23, 29, 35, 41, 47
Альтруистическая любовь «агапе»	6, 12, 18, 24, 30, 36, 42, 48

Образец для цитирования:

Фролова С. В. Сущностные характеристики и методика диагностики психологических типов любви // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 439–448. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-439-448>

Essential Characteristics and Diagnostic Technique of Psychological Types of Love

S. V. Frolova

Svetlana V. Frolova, <https://orcid.org/0000-0001-7830-7123>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, frolovasv71@mail.ru

The paper is aimed at theoretical insight into phenomenology of psychological manifestations of love styles, identified by J. A. Lee, the Canadian sociologist, who used types of love described by ancient Greek philosophers as a basis for his classification. The author employs a number of aspects as the criteria for the analysis of essential characteristics of love styles: differentially

expressed features of feelings, self-awareness, social perception, types of human relationships (suggested by J. L. Moreno and M. Buber), ways of realization of inward human nature (described by E. S. Fromm), level of sense of community and compensation mechanism for inferiority feeling (conceptualized by A. Adler). As a result of the theoretical study, the author outlined six psychological types of love: passionate love-admiration (eros), hedonistic love (ludus), love-friendship (storge), practical love (pragma), obsessive love (mania), altruistic love (agape). Theoretical representations of psychological types of love, formulated upon carrying out the phenomenological analysis, and application of substantive deductive construction strategy for psychological inventories enabled the author to design a diagnostic technique for psychological types of love. To test the technique, the author conducted the empirical study that involved 143 participants (89 women and 54 men) aged

18–32 (mean age = 22). The paper gives the reliability indicators for six scales of the diagnostic technique for the psychological types of love and the results of its convergent validation that prove good psychometric applicability of the designed psychodiagnostic tools and their differential diagnostic potential. The study revealed correlations of degree of psychological types of love with some sustainable personality traits (R. B. Cattell's technique) and indicators of social and psychological adaptability.

Keywords: passionate love-admiration (eros), hedonistic love (ludus), love-friendship (storge), practical love (pragma), obsessive love (mania), altruistic love (agape), diagnostic technique for psychological types of love.

Received: 25.06.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M. *Sotsial'naya psikhologiya. Psikhologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sotsiume* [Social psychology. Psychological laws of human behavior in society]. St. Petersburg, PRAYM-EVROZNAK Publ., 2004. 560 p. (in Russian) (Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M. *Social psychology* (fourth edition). New Jersey, Prentice Hall, 2002. 656 p. (in English).
2. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A man in search of meaning]. Transl. from German and English. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (in Russian).
3. Fromm E. *Dusha cheloveka* [Human soul]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p. (in Russian).
4. Martsinkovskaya T. D. *Istoriya psikhologii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [History of psychology: A textbook for university students]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 544 p. (in Russian).
5. Плин Е. П. *Psikhologiya obshcheniya i mezlichnostnykh otноsheniy* [Psychology of communication and interpersonal relations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 576 p. (in Russian).
6. Lee J. A. A typology of styles of loving. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1971, vol. 3, pp. 173–182.
7. Кон И. С. *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to Sexology]. Moscow, Meditsina Publ., 1990. 336 p. (in Russian).
8. Hendrick C., Hendrick S. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, vol. 50, pp. 392–402.
9. Cassepp-Borges V., Ferrer E. Are we missing the circumplexity? An examination of love styles. *Journal of Relationships Research*, 2019, no. 10 (21), pp. 1–10.
10. Lupandin V. I., Strizhova E. N. Psychometric analysis of the TSL test. *Psikhologicheskiy vestnik Ural'skogo universiteta* [Psychological Bulletin of the Ural University], 2009, iss. 8, pp. 183–194 (in Russian).
11. Leutz G. *Psikhodrama: teoriya i praktika. Klassicheskaya psikhodrama J. L. Moreno* [Psychodrama: theory and practice. Classic psychodrama by J. L. Moreno]. Transl. from Germany. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994. 352 p. (in Russian).
12. Buber M. Ya i Ty [I and You]. In: Buber M. *Dva obraza very* [Two images of faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 15–92 (in Russian).
13. Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti* [Personality Theories]. St. Petersburg, Piter Publ., 2006. 607 p. (in Russian).
14. Burisch M. Approaches to personality inventory construction. *American Psychologist*, 1984, vol. 39, pp. 214–227.
15. Osnitskiy A. K. Determination of the characteristics of social adaptation. *Psikhologiya i shkola* [Psychology and School], 2004, no. 1, pp. 43–56 (in Russian).

Cite this article as:

Frolova S. V. Essential Characteristics and Diagnostic Technique of Psychological Types of Love. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 439–448 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-439-448>

ПЕДАГОГИКА

УДК 371.132

Сопровождение инновационной деятельности преподавателей колледжа

М. А. Варзанова

Варзанова Мария Александровна, заведующий очным отделением, Рыбинский полиграфический колледж, Schundel77@mail.ru

В статье обосновывается актуальность проблемы сопровождения освоения инновационной деятельности работниками среднего профессионального образования. Цель исследования заключается в поиске причин трудностей и обосновании сопровождения инновационной деятельности преподавателей, в определении условий и этапов, выбора средств сопровождения. Научная новизна статьи состоит в том, что выделен комплекс организационно-педагогических условий, обеспечивающих сопровождение инновационной деятельности, включающий в себя диагностику уровня освоения инновационной деятельности, мотивационное обеспечение, дифференцированное и индивидуализированное обучение преподавателей, организацию их совместной инновационной деятельности. На основании отечественных исследований определяются этапы сопровождения педагогов: подготовительный, мотивационный, самодиагностики, целеполагания, планирования, самореализации и интенсификации практической деятельности, самостоятельной инновационной деятельности преподавателей и рефлексивно-аналитический. Перечисляются средства сопровождения на каждом из этапов: непосредственное участие в инновационной деятельности, исследовательская работа, реализация инновационных проектов, контекстное обучение, методическая и психологическая поддержка, самоанализ, рефлексия. Описываются результаты диагностики педагогов по отношению к инновациям, проведенной с помощью комплекса методик, направленных на выявление индивидуальных особенностей восприятия инноваций. Выделяются наиболее многочисленные группы: педагоги с негативным отношением, преподаватели, нейтрально относящиеся к инновациям, преподаватели, характеризующиеся позитивным отношением к реализации нововведений, и преподаватели с творческим отношением к профессиональной деятельности.

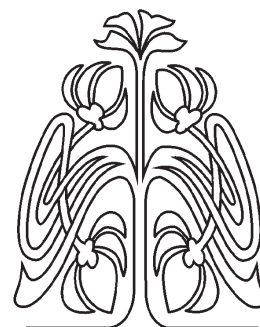
Ключевые слова: педагоги, инновационная деятельность, сопровождение, этапы сопровождения.

Поступила в редакцию: 19.04.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

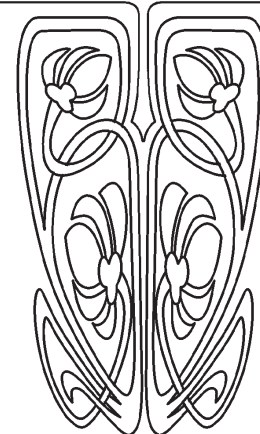
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-449-453>

Проблема создания, освоения и реализации инноваций чрезвычайно актуальна в педагогической теории и практике. Освоение инноваций вызывает у преподавателей множество проблем, связанных как с объективными причинами (экономическими, организационными, социальными и т.п.), так и с субъективными (личностными особенностями, отношением к конкретным инновациям, наличием профессиональных стереотипов, отсутствием мотивации к профессиональному развитию и т.п.). Поэтому решение проблем освоения педагогами инновационной деятельности связано с необходимостью ее систематического сопровождения из-за риска возникновения трудностей и сопротивления на всех стадиях инновационного процесса. На необходимость сопро-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

вождения инновационной деятельности указывают Е. Э. Воропаева [1], Л. Н. Петрова [2] и др.

Опираясь на мнение Л. В. Байбородовой и М. И. Рожкова, под психолого-педагогическим сопровождением инновационной деятельности преподавателей мы понимаем технологию, которая включает в себя ряд следующих друг за другом этапов деятельности специалистов, обеспечивающих профессиональные и жизненные достижения преподавателей [3].

В процессе сопровождения инновационной деятельности можно выделить условия, обеспечение которых позволит сформировать у преподавателей способность положительно воспринимать нововведения в образовательном процессе. Анализ исследований показал, что успешность сопровождения инновационной деятельности преподавателями обеспечивается комплексом следующих организационно-педагогических условий [4–6]:

1. Диагностика уровня освоения инновационной деятельности преподавателями и их отношения к инновациям в целом, что обусловлено необходимостью осуществления постоянного контроля и регулирования инновационной деятельности в организации. Диагностика предполагает не только выявление отношения к инновациям, но и определение причин, возникающих трудностей, сформированности навыков овладения инновациями и личностных особенностей, влияющих на успешность освоения конкретной инновации.

2. Мотивационное обеспечение инновационной деятельности преподавателей, обусловлено тем, что освоение инновации предполагает активную деятельность преподавателя по осмыслению и перестройке собственных ценностей, позиции в инновационной деятельности, готовность к управлению собой и взаимодействию с другими в ситуации неопределенности и изменений. Основными критериями мотивационного обеспечения инновационной деятельности преподавателей являются результативный, выражающийся в подготовленности педагогов к инновационной деятельности, росте у них стремления к саморазвитию и самосовершенствованию, и процессуальный, проявляющийся во внедрении инновационных идей, отражающих современные достижения педагогической науки и практики.

3. Обучение преподавателей организации инновационной деятельности включает в первую очередь подготовку к конкретным инновациям, которые будут осваиваться, формирование интереса к ним, а также подготовку к преодолению сопротивления инновационной деятельности, являющейся неотъемлемой частью освоения

инновационной деятельности в целом. Ведущими технологиями обучения преподавателей инновационной деятельности могут быть контекстное обучение, позволяющее выработать навыки инновационной деятельности в контексте освоения конкретной инновации, и тренинговые занятия, направленные на формирование психологической готовности к инновациям и помогающие приобрести умения преодоления возникающих сопротивлений в процессе инновационной деятельности.

4. Организация совместной инновационной деятельности преподавателей, в процессе которой осуществляется активное взаимодействие педагогов, их взаимовлияние друг на друга. Важно выявлять личный опыт путем обсуждения полученных результатов, возникших в процессе инновационной деятельности проблем и индивидуальных затруднений и т. д.; осуществлять обмен опытом инновационной деятельности между преподавателями, поддерживать наиболее правильные версии в случае сопротивления преподавателей инновациям с целью принятия правильного решения; стимулировать преподавателей к самостоятельному выбору и использованию различных способов преодоления сопротивлений и снятия негативных педагогических стереотипов.

Созданию вышеперечисленных условий способствует комплекс организационных и педагогических средств: субъектно ориентированная технология, методы диагностики, наблюдение, контекстное обучение, целеполагание, планирование, дискуссия, сравнение, мозговой штурм, устная и письменная рефлексия, демонстрация положительных образцов, материальное и нематериальное стимулирование, тренинг, решение педагогических ситуаций и метод кейс-стади, информационно-методическое, кадровое обеспечение, психолого-педагогическая поддержка инновационной деятельности, создание ситуаций успеха.

Сопровождение требует организации субъект-субъектных отношений практической и рефлексивной направленности, что обеспечивает осмысление педагогами значения личной ответственности за работу, уровня собственной подготовленности и дальнейших перспектив развития, готовности принимать самостоятельные решения по выбору способов реализации инновационных задач. В основе сопровождения инновационной деятельности лежат рефлексивно-деятельностный и субъектно ориентированный подходы, предполагающие учет индивидуальных особенностей участников инновационного процесса [7]. Процесс сопровождения инновационной деятельности предполагает поэтапность. В основу

организации психолого-педагогического сопровождения мы предлагаем положить этапы сопровождения, выделенные Л. В. Байбородовой [8].

Подготовительный этап направлен на создание условий инновационной деятельности, в том числе на подготовку администрации учебного заведения к данному процессу, и включает в себя выявление уровня готовности руководителей к внедрению инноваций в образовательный процесс.

Этап самодиагностики нацелен на обеспечение адекватной оценки преподавателями своей готовности к инновационной деятельности и преодолению возникающих в ней трудностей. На основе самооценки преподаватели смогут поставить профессиональные цели, сформировать личностное отношение к инновационной деятельности и сопровождающим ее трудностям и проблемам.

На основе диагностики мы выявили пять групп преподавателей с различным отношением к инновационной деятельности: преподаватели, характеризующиеся негативным отношением – 6%, преподаватели, нейтрально относящиеся к инновациям – 28%, преподаватели, характеризующиеся позитивным отношением – 32%, преподаватели, готовые к реализации нововведений – 29%, и преподаватели, находящиеся на творческом уровне – 5%. Результаты самодиагностики позволяют преподавателям определить свои профессиональные цели, направление и пути профессионального саморазвития.

С целью дифференцированного и индивидуализированного сопровождения инновационной деятельности и на основании сочетания мотивации к инновационной деятельности, отношения к инновациям и стиля реагирования на изменения мы выделили наиболее многочисленные подгруппы преподавателей.

Первую опытно-экспериментальную подгруппу составили преподаватели, характеризующиеся сочетанием реактивного стиля реагирования на изменения со средней мотивацией к инновационной деятельности и с негативным или нейтральным отношением к инновациям. Вторая опытно-экспериментальная подгруппа включала педагогов, характеризующихся сочетанием нейтрального или положительного отношения к инновациям со средним или выше среднего уровнем мотивации и консервативным или реализаторским стилем реагирования на изменения. Третья опытно-экспериментальная подгруппа представлена преподавателями и представителями администрации колледжа, сочетающими активное отношение к инновациям с высокой мотивацией к инновационной деятельно-

сти и различными стилями реагирования на изменения (от консервативного до инновационного).

Этапы целеполагания и планирования обеспечивают постановку стратегических и оперативных индивидуальных целей инновационной деятельности, разработку индивидуальных планов на основе профессиональных интересов, общих целей инновационной деятельности колледжа и индивидуальных задач.

Этапы самореализации и интенсификации практической деятельности преподавателей по введению инноваций требуют организации субъект-субъектных отношений в процессе делового сотрудничества преподавателей, практической и рефлексивной направленности и предполагают работу по достижению поставленных ранее индивидуальных целей. Реализация целевых установок данного этапа обязывает использовать только те средства, которые создают условия для интенсификации самостоятельной деятельности преподавателей. К ним, прежде всего, мы относим непосредственное участие в инновационной деятельности и исследовательскую работу преподавателей.

На этапе самостоятельной инновационной деятельности требуется осмысление преподавателями и администрацией личной ответственности за работу, уровня собственной подготовленности, дальнейших перспектив развития. Полагаем, что цель данного этапа может быть достигнута посредством выполнения преподавателями заданий по осуществлению собственной инновационной деятельности, реализации инновационных проектов, индивидуальной работы по достижению поставленных целей и основывается на методах самоорганизации. Основными средствами сопровождения на рассматриваемом этапе выступают контекстное обучение, методическая и психологическая поддержка. Контекстное обучение предполагает освоение навыков работы по инновационной тематике. В ходе опытной работы важное значение имеют консультации психолога и методиста по проблемам инновационной деятельности. Большое значение в процессе сопровождения придается созданию ситуаций успеха и формированию уверенности в своих профессиональных навыках. В завершение самостоятельной работы над инновационной тематикой преподаватели переходят к *самооценке*, что позволяет объективно оценить результаты инновационной деятельности и профессионального развития преподавателей.

Рефлексивно-аналитический этап направлен на рефлексию и объективный анализ результативности освоения инновации, развитие позитивного восприятия инновационной деятельности и про-

фессионального совершенствования преподавателей. При этом важно обращать внимание на формирование у преподавателей навыков профессионального самоанализа, служащих основой понимания причин своих профессиональных успехов и неудач. Помимо самооценки преподавателями причин возникающих трудностей, данный этап предполагает анализ соотношения результатов инновационной деятельности с поставленными ранее целями, позволяющий в дальнейшем продумать пути совершенствования своей профессиональной деятельности. Реализация целей данного этапа обеспечивается участием преподавателей в конференциях с презентациями индивидуальных инновационных разработок, конкурсах на лучшую инновационную разработку, «круглых столах», направленных на самоанализ решения поставленных в инновационной деятельности целей и задач. Для достижения цели данного этапа используются *методы рефлексии*. Наиболее целесообразно применять *итоговую рефлексию* [7]. В процессе опытной работы может использоваться устная рефлексия, где преподавателям могут быть предложены следующие вопросы: «Каково мое самое большое достижение при изучении проблем инновационной деятельности?», «Почему я этого достиг?», «Какова моя самая большая трудность в инновационной деятельности?», «Как я преодолевал трудность в инновационной деятельности и планирую преодолеть?».

Осуществляя вышеобозначенные этапы и действия, методическая служба, администрация и психолог учебного заведения, которые сопровождают педагогов, содействуют освоению инновационной деятельности преподавателями, преодолению ими сопротивления инновационной деятельности, саморазвитию и самосовершенствованию педагогов.

Таким образом, организация сопровождения инновационной деятельности преподавателей направлена в первую очередь на раскрытие ресурсов педагогов, выявление проблем и барьеров, поддержку и помощь в преодолении возникающих трудностей.

Список литературы

1. Воронаева Е. Э. Научно-методическое обеспечение развития готовности педагогов к инновационной деятельности : учеб.-метод. пособие. Шуя : Изд-во Шуйского фил. ИвГУ, 2014. 204 с.
2. Петрова Л. И. Методическое сопровождение инновационной деятельности учреждений среднего профессионального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 24 с.
3. Социальная педагогика. Профориентация и самоопределение детей-сирот : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Л. В. Байбородова. М. : Юрайт, 2020. 189 с.
4. Ипполитова Н., Стерхова Н. Анализ понятия «педагогические условия» : сущность, классификация // General and Professional Education. 2012. № 1. С. 8–14.
5. Николаева Н. И., Гуменюк В. И. Организационно-педагогические условия формирования инновационной среды // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 2. URL: <http://whoonline.ru/ru/article/view?id=4610> (дата обращения: 20.03.2020).
6. Павлов С. Н. Организационно-педагогические условия формирования общественного мнения органами местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 1999. 23 с.
7. Индивидуализация образовательного процесса в педагогическом вузе / под ред. Л. В. Байбородовой, И. Г. Харисовой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. 181 с.
8. Байбородова Л. В., Артемьева Л. Н., Щелкунова Л. А. Педагогическое сопровождение индивидуальной образовательной деятельности студентов в период практики по классному руководству // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 93 – 99.

Образец для цитирования:

Варзанова М. А. Сопровождение инновационной деятельности преподавателей колледжа // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 449–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-449-453>

Supporting Innovative Activities of College Teachers

M. A. Varzanova

Mariya A. Varzanova, <https://orcid.org/0000-0001-6193-6572>, Rybinsk Polygraphic College, 47 Raspletina St., Rybinsk 152900, Russia, Schundel77@mail.ru

The article substantiates the urgency of supporting innovative activities development by secondary vocational education workers. The study is aimed at finding the causes of difficulties and justifying the support of innovative activities of teachers. Its purpose is

also to determine the conditions and stages, and to identify the means of support. The scientific novelty of the article lies in the fact that a complex of organizational and pedagogical conditions that provide support for innovative activities is highlighted. It also includes diagnostics of innovative activities development level, motivational support, differentiated and individualized training of teachers, and organization of teachers' joint innovation activities. Based on domestic research, the stages of teachers support are identified. They include preparatory, motivational, self-diagnostic, goal-setting, and planning. Self-realization and intensification of teachers practical activities, independent innovation and a reflective-analytical stage are also emphasized. The means of

accompaniment at each stage are listed: direct participation in innovation, research, implementation of innovative projects, contextual training, methodological and psychological support, introspection, and reflection. The author describes the results of diagnostics of teachers in relation to innovations, carried out using a set of techniques aimed at identifying individual characteristics of the perception of innovations. The most numerous groups are distinguished: teachers with a negative attitude, teachers who are neutral in relation to innovations, and teachers with a positive attitude; ready to implement innovations and teachers who are at a creative level.

Keywords: teachers, innovation, support, stages of support.

Received: 19.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Voropaeva E. E. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie razvitiya gotovnosti pedagogov k innovatsionnoy deyatel'nosti: uchebno-metodicheskoe posobie* [Scientific and methodological support for the development of readiness of teachers for innovative activity. A study guide]. Shuya, Izd-vo Shuyskogo filiala IvGU, 2014. 204 p. (in Russian).
2. Petrova L. I. *Methodological support of innovative activities of institutions of secondary vocational education* [Metodicheskoe soprovozhdenie innovatsionnoy deyatel'nosti uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2005. 24 p. (in Russian).
3. L. V. Bayborodova, ans. ed. *Sotsialnaya pedagogika. Proforientatsiya i samoopredelenie detey-sirot: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Social pedagogy. Career guidance and self-determination of orphaned children]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 189 p. (in Russian).
4. Ippolitova N., Sterhova N. Analysis of the notion "pedagogical conditions": essence and classification. *General and Professional Education* [General and Professional Education], 2012, no. 1, pp. 8–14 (in Russian).
5. Nikolaeva N. I., Gumenyuk V. I. Organizational and pedagogical conditions for creating an innovative environment. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern problems of science and education), 2011, no. 2. Available at: <http://whoonline.ru/article/view?id=4610> (accessed 20 March 2020) (in Russian).
6. Pavlov S. N. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya formirovaniya obshchestvennogo mneniya organami mestnogo samoupravleniya* [Organizational and pedagogical conditions for the formation of public opinion by local governments]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Magnitogorsk, 1999. 23 p. (in Russian).
7. L.V. Bayborodova, I. G., Harisova, ans. ed. *Individualizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v pedagogicheskom vuze* [Individualization of the educational process in a pedagogical University]. Yaroslavl, YaGPU Publ., 2011. 181 p. (in Russian).
8. Bayborodova L. V., Artemeva L. N., Schelkunova L. A. Pedagogical support of individual educational activities of students during the period of practice in class management. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2015, no. 4, pp. 93–99 (in Russian).

Cite this article as:

Varzanova M. A. Supporting Innovative Activities of College Teachers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 449–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-449-453>

УДК 78:378

Академизация личности в музыкальном образовании

Д. И. Варламов

Варламов Дмитрий Иванович, доктор искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства и музыкальной педагогики, Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, varlamov2004@inbox.ru

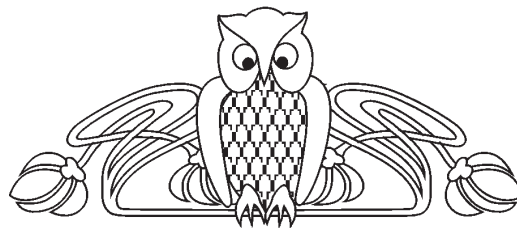
В основе академизации искусства лежит эволюция мышления и обусловленное им художественное творчество человечества, что дает основание рассматривать этот процесс в глобальном масштабе, как временном, так и пространственном. Однако в учебных музыкальных организациях в процессе подготовки будущих музыкантов академизируется мышление и творчество каждой отдельно взятой личности, что позволяет говорить об индивидуальной академизации. В этом аспекте академизация в данной статье представлена впервые. Дается характеристика, выделяются особенности такой академизации, к которым относятся: во-первых, временная продолжительность – если глобальная академизация исчисляется веками и тысячелетиями, то индивидуальная – лишь годами и десятилетиями обучения искусству отдельного индивида; во-вторых, индивидуальная академизация, которая в абсолютном большинстве проходит в рамках учебной организации, оказывается всегда искусственной по своему типу. Как отмечалось в ранее опубликованных статьях автора, в искусственной академизации появление негативных тенденций (постакадемического синдрома) наиболее вероятно и их течение более остро (болезненно), нежели в естественном процессе, что требует особого внимания к содержанию музыкального образования и выбору методик обучения. **Ключевые слова:** академизация в музыкальном образовании, глобальная и индивидуальная академизация, содержание музыкального образования, методики обучения, постакадемический синдром.

Поступила в редакцию: 20.06.2020 / Принята: 20.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-454-457>

Когда мы говорим об академизации искусства, то имеем в виду его развитие от первозданных форм, коренящихся в синкретичном фольклоре, к современному полипарадигмальному движению, в основании которого лежит унифицированный художественный язык (различный в разных видах искусства), выработанный в процессе эволюции мышления и творчества человечества, т. е. в основе академизации искусства лежит эволюция мышления и обусловленное им художественное творчество человечества. Таким

образом, академизация до сих пор рассматривалась в глобальном масштабе, как временном, так и пространственном.

Остается открытым вопрос: почему в последние века, ознаменованные развитием художественного образования, именно в учебных заведениях тенденции академизации (как позитивные, так и негативные) проявляются более всего? Хорошо известно, что развитие искусства не является функцией системы художественного образования, где главная задача – подготовка специалистов для работы в сфере искусства. Тем не менее именно учебные заведения постоянно становятся ревностными хранителями академических традиций, центрами их сосредоточения и источниками академизма в самых разнообразных формах его проявления. В чем же секрет традиционализма художественных учебных заведений? Можно предположить, что академизация музыкального искусства оказывает существенное влияние на систему образования, поскольку музыкальная деятельность лежит в основе учебно-воспитательного процесса и пронизывает все его формы и содержание обучения. Однако, думается, что проблема лежит значительно глубже.

Ответы на эти вопросы нужно искать не в структуре функций образования, а в содержании и методах обучения, поскольку академизации в учебной организации подвержены сознание и творчество каждого отдельно взятого обучающегося. Фактически содержание и методы обучения в музыкальных учебных заведениях направлены на то, чтобы мышление и деятельность обучающегося ускоренно в миниатюре повторили путь глобальной академизации. Такую форму академизации, в отличие от глобальной, можно назвать индивидуальной, поскольку тенденции академизации реализуются в сознании индивида специфично, но в соответствии с общими направлениями.

Основаниями для утверждений такого рода служат доказанная психологами взаимообусловленность развития сознания в онтогенезе и филогенезе¹, а также концепция Л. С. Выготского,

¹ В последнее время аналогия развития в различных формах онтогенеза и филогенеза признается не абсолютной, однако тенденции в развитии индивидуального и общественного сознания демонстрируют удивительную схожесть.

считавшего, что мышление детей раннего возраста синкретично, т. е. целостно и потому его развитие можно рассматривать как «десинкретизацию», которая вместе с интеграцией составляет главную закономерность академизации. «Экспериментальные исследования показывают, – писал ученый, – как на протяжении развития ребенка возникают новые и новые системы, внутри которых восприятие действует и внутри которых оно только и получает ряд свойств, не присущих ему вне этой системы развития» [1, с. 380].

Специфика индивидуальной академизации, прежде всего, во времени: если глобальная академизация исчисляется веками и тысячелетиями, то индивидуальная – лишь годами и десятилетиями обучения искусству отдельного индивида. Второе отличие состоит в том, что индивидуальная академизация, которая в абсолютном большинстве проходит в рамках учебной организации, оказывается всегда искусственной по своему типу, т. е. направленной не на творческий поиск, а на готовый результат, представленный образцами уже созданного академического искусства. Как отмечалось нами ранее, в искусственной академизации появление негативных тенденций (постакademического синдрома) наиболее вероятно и их течение более остро (болезненно), нежели в естественном процессе [2, с. 10]. Это побуждает автора обратить пристальное внимание на содержание и методики обучения музыкальному искусству.

Под содержанием обучения в соответствии с Законом об образовании мы понимаем «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся...» [3], т. е. «единство и взаимодействие составляющих учебной деятельности: цели, задач, подходов, методов, способов обучения, а также содержания учебных дисциплин» [4, с. 13]. В этом ряду важнейшее место занимают методики обучения, которые условно можно разделить на опирающиеся исключительно на музыкальные способности обучающегося и использующие его внемusical способности (прежде всего визуальные, кинетические, математические, геометрические и т.п.). Последние при неумелом их использовании легко могут становиться предтечей постакademического синдрома и отрицательно сказаться на развитии музыкальных способностей обучающегося.

Так, даже общепринятая нотная система письменности несет в себе опасность развития негативных тенденций, поскольку в традиционную систему мышления музыканта-исполнителя, составляющую отношение «звук – клавиша (лад, клапан и т.п.)» включается условный знак-посредник «нота», способный стать главным в обучении музыке и жизни музыканта и тем самым

убить живое звучание – основу музыкального искусства [5]. Не случайно Б. В. Асафьев считал, что «вне общественного интонирования (“высказывание” музыки вслух перед слушателями) музыки в социально-культурном обмене нет» [6, с. 90], а Б. Л. Яворский, рассуждая о музыкальной письменности, писал: «...Заблуждения (теоретиков VIII–XIX вв. – Д. В.) стали возможными только потому, что звуковой и музыкальный опыт был перенесен из сферы *живого* восприятия на мертвую клавиатуру, бумагу и бумажное числовое измерение колебаний *мертвой* струны» [7, с. 216].

Обратим внимание на способы написания музыкального диктанта – одной из самых распространенных форм развития музыкальных способностей (слуха, ритма, памяти и т. п.) учащихся. Сегодня существуют методические пособия (Р. Р. Алиева, В. А. Вахромеева, Е. В. Давыдовой, Г. В. Калининой, Н. Ладухина, А. Л. Островского и др.) по написанию и преподаванию музыкального диктанта, однако все они адресованы преподавателям. При этом сами обучающиеся остаются один на один с этим страшным испытанием и выбирают маршруты действий самостоятельно и, как тот утопающий, хватаются за каждую соломинку. Этим маршрутов может быть несколько.

Проще всего учащимся, обладающим абсолютным (или близким к абсолютному) слухом. Они способны записывать высоту звуков непосредственно во время проигрывания диктанта, после чего остается выстроить ритм – и диктант готов. Однако у таких везунчиков во время диктанта не работает и, соответственно, не развивается память, поскольку все операции с текстом они способны выполнять во время музицирования.

Остальные обучающиеся разными способами ищут точки опоры, которые могут появляться при ощущении высоты звука внутри лада, либо ориентируются на интервалы, соединяющие отдельные звуки. Для этого необходимо обладать хорошей музыкальной памятью, поскольку все процедуры придется делать во время пауз между проигрываниями диктанта. Однако музыкальная память несовершенна, и учащиеся ищут способы внемusical ориентиров, например, построения модели на привычном инструменте или мысленной схемы движения мелодии (вверх – вниз и т. д.).

Такая же проблема в конечном счете возникает и у вышеописанных везунчиков, когда им приходится заучивать музыку наизусть. Тогда включается кинетическая память или визуальная (запоминание нотных знаков на нотном стане или позиций на клавиатуре, грифе и т. п.). При этом музыкальная память снова не работает и, соответственно, не развивается. Педагог всех этих мучений не замечает, поскольку он все

процедурные моменты написания диктанта выполняет грамотно, в соответствии с методическими рекомендациями. Это результат действия академизации в музыкальной образовательной организации, для которой все средства хороши, в том числе и немusикальные.

Закономерности академизации показывают, что музыкальный слух раскрывается (терминология Д. К. Кирнарской) постепенно от блоков (ладов и тоналностей) к более мелким единицам (интонациям и отдельным звукам), что подтверждает абсолютность закономерностей академизации. Их знание диктует необходимость поэтапного развития слуха: начиная от запоминания «окраски» определенной тоналности и тяготений гармонических функций, включая использование памяти голосовых связей (такое тоже существует), к полному раскрытию свойств относительного слуха.

Проанализированный пример написания музыкального диктанта далеко не самый показательный для демонстрации тенденций академизации. Сложнее, когда в основу музыкальной методики закладывается геометрический принцип и визуализация начинает превалировать над слухом, как это происходит в разработанных Н. А. Бергер концепциях [8]. Экспериментально данные методики не проверялись, однако есть причины опасаться, что визуализация и удобство исполнения, лежащие в основе предлагаемой методики работы над гаммами, эффективны лишь на первых этапах формирования музыкального мышления. Это напоминает выбор инструмента начинающими исполнителями на разновидностях гармоники: действительно проще освоить фортепианную клавиатуру аккордеона, чем более сложную баяна, но в профессиональном исполнительстве преимущества последнего очевидны.

Еще более глубокие тенденции академизации возникают тогда, когда в основу методик включается принцип совершенствования клавиатур. Этот принцип заложен в альтернативные структуры клавиатуры Н. А. Кравцова [9]. Попытки привести в соответствие человеческую руку и механизм клавиатуры инструмента, безусловно, должны только приветствоваться, однако при этом нельзя технологию ставить выше музыкальности.

Конечно, ступенька, с которой начинается современное музыкальное образование ребенка находится на более высоком уровне по сравнению с прошлыми веками. Это объясняется револю-

ционными изменениями в системе коммуникации общества, произошедшими в XX–XXI вв. Сегодня слух ребенка с самого раннего возраста воспринимает образцы уже академизированного искусства, в том числе популярных опусов, называемых массовым искусством. Ему нет необходимости еще до начала музыкального образования социализироваться в систему темперированного хроматического звукоряда, уже унифицированных ладовых построений, которые он естественно воспринимает из постоянно звучащих средств массовых коммуникаций. Поэтому музыкальное обучение как индивидуальная академизация включает формирование унифицированных норм и принципов музыкального искусства в качестве эстетических и художественных образцов, расширение образных, интонационных, стилистических сфер, углубление и усложнение содержания и форм исполняемых произведений, социализацию музыкальных интонаций и технологий исполнительства.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Восприятие и его развитие в детском возрасте // *Выготский Л. С.* Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 2. С. 363–381.
2. *Варламов Д. И.* Типология академизации искусства // *Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания.* 2019. № 4 (6). С. 7–11.
3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 10.06.2019).
4. *Варламов Д. И.* Обучение на русских народных инструментах : традиции и новации : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2014. 46 с.
5. *Варламов Д. И.* Академизация и постакадемический синдром в музыкальном искусстве и образовании : монографический сб. ст. Саратов : SGK им. Л. В. Собинова, 2016. 84 с.
6. *Асафьев Б. В.* Музыкальная форма как процесс. Кн. вторая. Интонация. М. ; Л. : Музгиз, 1947. 164 с.
7. *Яворский Б. Л.* Воспоминания, статьи и письма : в 2 т. М. : Музыка, 1964. Т. 1. 671 с.
8. *Бергер Н. А.* О гаммах : современный взгляд на идеи прошлого // *Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания.* 2020. № 6 (8). С. 74–79.
9. *Кравцов Н. А.* Эволюция хроматических клавиатур гармоник и их место в сохранении академических традиций образования // *Вестн. Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой.* 2020. № 1. С. 135–151.

Образец для цитирования:

Варламов Д. И. Академизация личности в музыкальном образовании // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2020. Т. 20, вып. 4. С. 454–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-454-457>

Academization of an Individual in Musical Education

D. I. Varlamov

Dmitry I. Varlamov, <https://orcid.org/0000-0002-7742-5037>, Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, 1 S. M. Kirova Ave., Saratov 410012, Russia, varlamov2004@inbox.ru

Academization of art is based on the evolution of thinking and artistic creativity of mankind, which allows considering this process as a global one, both temporally and spatially. However, in musical educational establishments in the process of future musicians training, thinking and creativity of each student is academized separately, which allows us to talk about individual academization. In this aspect, academization is studied for the first time. The article defines characteristic features of individual academization: first, temporary duration – while the global academization lasts for centuries and millennia, the individual academization is limited by the years and decades of learning the art by the individual; secondly, as in the vast majority of cases private academization takes place in educational organizations, it is always artificial in type. At the same time, as the author's previously published articles demonstrate, artificial academization is more often characterized by the greater number of negative trends (so-called post-academic syndrome) and is more acute (painful) than a natural academization process. This fact requires special attention of specialists to the content of music education and the choice of teaching methods.

Keywords: academization in musical education, global and individual academization, content of music education, teaching methods, post-academic syndrome.

Received: 20.06.2020 / Accepted: 20.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Vygotskiy L. S. *Vospriyatie i ego razvitiye v detskom vozraste* [Perception and its development in childhood].
2. Varlamov D. I. Typology of art academization. *Vestnik Saratovskoy konservatorii. Voprosy iskusstvoznaniya* [Journal of Saratov Conservatoire. Issues of Arts], 2019, no. 4 (6), pp. 7–11 (in Russian).
3. About education in the Russian Federation. Law of Russian Federation of 29.12.2012 no. 273-F3. Available at: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (accessed 10 June 2020) (in Russian).
4. Varlamov D. I. *Obuchenie na russkikh narodnykh instrumentah: tradicii i novacii* [Learning Russian folk instruments: traditions and innovations]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Ped.). Moscow, 2014. 46 p. (in Russian).
5. Varlamov D. I. *Akademizatsiya i postakademicheskiy sindrom v muzykal'nom iskusstve i obrazovanii: Monograficheskiy sbornik statey* [Academization and Post-Academic Syndrome in Musical Art and Education. A Monographic Collection of Articles]. Saratov, SGK im. L. V. Sobinova Publ., 2016. 84 p. (in Russian).
6. Asaf'ev B. V. *Muzykal'naya forma kak process. Kn. vtoraya. Intonatsiya* [Musical form as a process. Book two. Intonation]. Moscow; Leningrad, Muzgiz Publ., 1947. 164 p. (in Russian).
7. Javorskiy B. L. *Vospominaniya, stat'i i pis'ma: v 2 t.* [Memoires, articles and letters: in 2 vols]. Moscow, Muzyka Publ., 1964, vol. 1. 671 p. (in Russian).
8. Berger N. A. About scales: A modern look at the ideas of the past. *Vestnik Saratovskoy konservatorii. Voprosy iskusstvoznaniya* [Journal of Saratov Conservatoire. Issues of Arts], 2020, no. 6 (8), pp. 74–79 (in Russian).
9. Kravtsov N. A. Evolution of chromatic harmonica keyboards and their place in preserving academic traditions of education. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoy* [Bulletin of Vaganov Ballet Academy], 2020, no. 1, pp. 135–151 (in Russian).

Cite this article as:

Varlamov D. I. Academization of an Individual in Musical Education. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 454–457 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-454-457>

УДК 378.016:811.111-2

Образовательные технологии обучения академическому письму на английском языке (на примере мотивационного письма)

Н. А. Кубракова

Кубракова Наталья Алексеевна, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kubrakovanat@mail.ru

Введение. Одна из задач изучения английского языка в высшей школе – формирование навыков академического общения, что предполагает всестороннее изучение разнообразных жанров академического дискурса. В связи с тем, что значительная доля коммуникации в академической среде осуществляется в письменной форме, особое значение приобретает знакомство с письменными жанрами. **Цель.** Основная цель работы – описание алгоритма обучения мотивационному письму на английском языке. **Результаты.** Предложена методика, разработанная с учетом жанровых особенностей мотивационного письма и специальных подходов к написанию письменного академического текста, которые сформировались в зарубежной педагогической практике и активно используются отечественной школой академического письма. Каждый этап процесса обучения предполагает применение универсальных и частных образовательных технологий, повышающих эффективность аудиторной и самостоятельной работы над созданием мотивационного письма. **Выводы.** Рассматриваемая методика включает в себя большой спектр процедур, с помощью которых усваиваются основные содержательные элементы мотивационного письма, относящиеся к разным измерениям знания. Такой подход позволяет эффективнее решать задачи обучения академическому письму и делает этот процесс более осознанным для всех его участников.

Ключевые слова: академический дискурс, мотивационное письмо, интегрированный подход, образовательные технологии, критическое мышление, самостоятельная работа.

Поступила в редакцию: 13.05.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-458-462>

Глобализация и интернационализация науки и образования определяют компетенции, которыми должен владеть выпускник вуза. К индикаторам достижения универсальных компетенций в рамках дисциплины «Иностранный язык» для направлений бакалавриата и магистратуры относятся, в частности, «умение выполнять перевод академических текстов с иностранного (-ых) языка (-ов) на государственный язык»; «интегративные умения, необходимые для выполнения

письменного перевода и редактирования различных академических текстов (рефератов, эссе, обзоров, статей и т.д.)»; способность представлять «результаты академической и профессиональной деятельности на различных научных мероприятиях, включая международные»; владение «жанрами письменной и устной коммуникации в академической сфере, в том числе в условиях межкультурного взаимодействия» [1]. Из этого следует, что выпускник бакалавриата и магистратуры должен иметь представление о конвенциях и правилах академического дискурса на английском языке.

Академический дискурс характеризуют как институциональный тип дискурса, отличающийся взаимопроникновением научного, профессионального и педагогического дискурса [2, с. 60]. Его цель – «социализация студента в университете и ориентация его на порождение нового знания как терминальной ценности» [2, с. 61]. Академический дискурс охватывает разнообразные ситуации межличностного, профессионального и межкультурного взаимодействия и связан с продуцированием большого круга речевых произведений, значительную часть которых составляют письменные тексты. Прикладные аспекты письменной речи в рамках академического дискурса изучает такое педагогическое направление, как академическое письмо.

В задачи указанного направления входит обучение письменным жанрам, с которыми студенты могут столкнуться в своей университетской (академической) деятельности. Несмотря на общие характеристики, эти жанры обладают и определенными отличиями, что обуславливает необходимость ознакомления студентов с каждым жанром отдельно. В данной статье обобщается опыт работы с таким жанром академического дискурса, как мотивационное письмо (далее – МП), в ходе преподавания дисциплин «Иностранный (английский) язык», «Профессиональный английский язык», «Письменная речь для академических целей».

Принадлежность МП к письменным жанрам академического дискурса ведет к применению в практике обучения методических подходов, сложившихся в рамках академического письма в западной традиции: подхода, ориентированного на

этапы создания текста (*process-centered approach*); подхода, направленного на работу с текстом как продуктом, т.е. над внутренней структурой и языковым наполнением (*product-centered approach*), и жанрового подхода (*genre-based approach*).

Разработка этих подходов стала результатом 1) признания различий в методах преподавания письменной речи носителям английского языка и тем, для кого английский язык является иностранным; 2) поиска наиболее эффективных методов преподавания; 3) выявления недостатков существующих программ преподавания английского языка для специальных и академических целей; 4) анализа итогов исследований письменной речи на английском языке ученых разных стран [3, 4]. Каждый подход имеет преимущества и недостатки [5, с. 90] и нацелен на решение определенного диапазона задач. Следовательно, для повышения эффективности процесса обучения их следует комбинировать.

Наряду со специальными инструментами преподавания академического письма в практику можно включить ряд образовательных технологий: универсальные (технологии развития критического мышления, организации самостоятельной работы, поиска информации) и частные, ориентированные на работу с группами текстов (технологии контент-анализа, самопрезентации). Они подробно описаны в работе «Современные образовательные технологии» [6]. Кроме того, данные технологии формируют устойчивые навыки, которые могут быть перенесены на другие ситуации.

Обучение написанию МП начинается с использования специального инструмента – жанрового подхода – и технологий развития критического мышления, организации самостоятельной работы и поиска информации.

Жанровый подход позволяет студентам, которые уже знакомы с постоянными характеристиками письменной научной речи, определить цели, участников, содержание и социальный контекст, свойственные МП [7].

Технология развития критического мышления связана с критическим анализом и синтезом информации, системной оценкой ситуации, поиском алгоритмов решения поставленной проблемы или задачи, умением строить грамотную аргументацию. Высказывается мнение, согласно которому «критическое мышление – метакогнитивный навык, который определяет успешность интеллектуальной деятельности вообще» [6, с. 319]. В этом смысле данная технология является определяющей для применения технологий организации самостоятельной работы и поиска информации. В первом случае проблемный подход к до-

стижению целей, свойственный критическому мышлению, способствует развитию навыков самоорганизации и самоконтроля образовательной деятельности, проектированию учебных действий. Во втором случае системный анализ ситуации помогает точно сформулировать поисковый запрос, отобрать нужные источники, проанализировать найденную информацию с точки зрения ее релевантности, достоверности и объективности.

Студентам предлагается прочитать пример МП, определить возможные цели адресанта, потенциального адресата, основную тему или набор сопутствующих тем. Это задание выполняется как самостоятельная работа, что экономит аудиторное время и повышает автономность работы студентов. На занятии студенты обсуждают результаты, отвечают на наводящие вопросы преподавателя. Дискуссия может вестись на русском или английском языке в зависимости от уровня сформированности у студентов языковых умений. Далее студенты получают задание самостоятельно найти примеры МП в сети Интернет, внимательно изучить их, выявить общее и различное в сравнении с письмом, проанализированным на занятии. Можно помочь студентам скорректировать поисковый запрос, обратив внимание на синонимичные названия – *motivation letter / essay; statement of purpose; personal statement*.

Еще одним эффективным заданием для определения жанровых характеристик МП является его сопоставление с другими видами писем – неофициальными и официальными. Студенты получают возможность самостоятельно определить принадлежность МП к одному из видов писем.

В результате анализа текста, предложенного преподавателем, и примеров, найденных студентами самостоятельно, должны быть сформулированы выводы о ситуации написания МП (при подаче заявок на участие в стажировках, обменных программах, поступлении в вузы за рубежом); сведениях, содержащихся в МП (название факультета / программы; интересы и приоритеты соискателя; вклад в развитие программы / факультета; ожидания от стажировки / обучения).

Сравнение МП с другими видами писем позволяет студентам установить, что МП относится к деловой корреспонденции в рамках академического дискурса. С деловым письмом его сближают типовая структура и официальный стиль. Отличия МП от деловых писем определяются, во-первых, способом передачи письма и, во-вторых, его целью. Подача заявки через онлайн-системы, предлагаемые университетами, с обязательной регистрацией и созданием личного аккаунта абитуриента; жесткие шаблоны (МП часто впечатывается в анкету, заполняемую абитуриентом)

делают избыточными некоторые типичные элементы бумажного и электронного делового письма (например, адрес отправителя, адрес получателя, тему, обращение и заключительную формулу вежливости). Для МП информативная направленность деловой корреспонденции оказывается на периферии, что объясняется целью – выделить соискателя из сотен претендентов.

На следующем этапе работы над МП к рассмотренному жанровому подходу и технологиям добавляется специальный подход к обучению академическому письму, ориентированный на этапы создания текста: на первый план выходят стадии предварительной подготовки и планирования текста, подготовки чернового варианта, проверки и редактирования.

По окончании обсуждения общих жанровых характеристик можно предложить студентам расположить в правильном порядке стадии работы над составлением МП. После того, как обучающиеся озвучат свои варианты, можно попросить их найти рекомендации по организации процесса подготовки МП в сети Интернет и сопоставить свои результаты с советами, которые эти рекомендации содержат. Здесь оказываются задействованными те же стратегии, которые работали и на первом этапе.

На первых двух этапах обучающиеся не продуцируют свои тексты. Освоение рассматриваемого жанра проходит на рецептивном уровне. Большой акцент на чтении не должен вызывать критику: через чтение МП и вспомогательных материалов идет усвоение жанровых канонов, структурных, грамматических и лексических элементов [8]. Описанные виды анализа могут выполнять студенты с разной языковой подготовкой.

На третьем этапе работы необходимо введение специального подхода, ориентированного на работу с текстом как продуктом, т.е. над внутренней структурой и языковым наполнением, и технологий контент-анализа и самопрезентации; требуется продвинутый уровень языка.

Изучение МП как продукта предполагает интенсивную работу с лексикой и грамматикой, тематической организацией. К возможным видам деятельности можно отнести задания на воспроизведение: заполнение пропусков в тексте МП различными лексическими единицами, упражнения на определение лексической сочетаемости тематически значимой лексики, соотнесение частей предложений, выбор соответствующих временных глагольных форм; расстановку абзацев письма в правильном порядке.

При анализе тематического плана письма и составлении списка лексики для раскрытия тем эффективна технология контент-анализа. Студен-

ты уже знакомы со сведениями, включаемыми в МП, поэтому важно понять, с помощью каких тем авторы вводят информацию, как темы «упаковываются», каким темам отводится ведущая роль. Для этого в МП, отобранных преподавателем для детального изучения, студенты выделяют основные темы и лексику, соответствующую им. По мере выполнения этой работы обучающиеся начинают замечать в письмах типовые темы и частотную лексику для их экспликации.

Включение технологии самопрезентации в арсенал рабочих технологий объясняется целью МП – заставить экзаменаторов обратить внимание на соискателя. Достижение этой цели относится к функциональной направленности технологии самопрезентации – подготовке «будущего специалиста к публичным выступлениям и написанию текста о себе на этапе прохождения конкурсного отбора при трудоустройстве» [6, с. 227]. Технология самопрезентации связана с освоением алгоритмов подготовки материалов, средств и способов эффективного изложения информации [6, с. 227]. Правомерность обращения к технологии подтверждается результатами лингвистического анализа, проведенного автором. Согласно его результатам определяющей стратегией МП является именно стратегия самопрезентации [9, с. 120].

На аудиторном занятии студенты делятся мнениями, после чего преподаватель предлагает им свой список тем-тактик, с помощью которых актуализируется центральная стратегия самопрезентации. Составление этого перечня тем-тактик стало результатом исследования, материалом для которого послужили 27 МП, размещенных на сайтах университетов в качестве примеров для потенциальных абитуриентов (авторы писем успешно прошли отбор и стали студентами соответствующих вузов) [9].

Перечислим типовые темы-тактики: *описание значимых событий в прошлом, которые определили выбор будущей профессии или повлияли на мировосприятие в целом; описание достижений соискателя; обоснование выбора университета; описание значимых навыков и личностных качеств; описание значимых ценностей; описание внеучебной деятельности; описание значимого будущего.*

На последнем этапе начинается продуцирование обучающимися собственных МП. Реализация этой задачи требует владения английским языком на продвинутом уровне. С инструментальной точки зрения, активно задействованными оказываются подход, ориентированный на работу с текстом как продуктом, и подход, в центре внимания которого находятся этапы создания текста (жанровый подход является вспомогательным);

технологии критического мышления, организации самостоятельной работы, поиска информации и самопрезентации.

На стадии предварительного планирования, определения алгоритма действий и отбора информации можно предложить студентам типичные вопросы, на которые обычно просят ответить абитуриентов (например, *Why are you applying for your chosen course(s)?; Why do you think you are suitable for the course(s)?; Do you have any particular skills and experience that will help you to succeed on the course(s)?*).

Для обоснования выбора университета студентам следует воспользоваться официальными сайтами учебных заведений. Результатом поисковой деятельности должны стать сведения об интересующих курсах, учебных планах, технических возможностях. Подобный навык работы с информационными ресурсами необходимо развивать специально через постановку проблемной задачи для поиска ответа на конкретный вопрос.

Благодаря использованию технологии контент-анализа обучающиеся уже овладели лексикой для написания тематических блоков письма. Эту работу рациональнее выполнять дома. Отдельные блоки объединяют в соответствии с планом в черновой вариант, вычитывают, устраняют логические нарушения. В идеале все части письма должны быть скреплены ведущей темой. Если не удастся выбрать такую тему, необходимо сделать логические переходы от одной темы-тактики к другой.

Отбор тем и лексических средств для их экспликации следует проводить, используя технологию самопрезентации. Цель МП и стратегия самопрезентации диктуют выбор материалов, которые представят соискателя (абитуриента) в самом выгодном свете.

При проверке окончательного варианта МП обучающимся предлагается оценить продукт. Для этого можно использовать вопросы, которые обращают внимание на разные аспекты текста. Первая группа вопросов проверяет текстовую организацию, соответствие плану, полноту раскрытия тем (например, *Is the organization of your statement acceptable? Does it consist of three main parts – introduction, body, conclusion?; Have you answered all the questions of the admission committee?*). Ответы на вопросы из второй группы позволяют проанализировать языковое оформление письма (например, *Have you checked the grammar?; Have you varied your language using noun phrases, verb phrases and synonyms to describe the topics?*). В такой самопроверке задействованы технологии критического мышления, организации самостоятельной работы и поиска информации.

В случае полной реализации описанной методики обучающиеся осваивают МП на разных уровнях знания (в соответствии с пересмотренной таксономией Б. Блума [10]): фактическом (знания о ситуациях написания МП); концептуальном (соотнесение МП с другими видами писем, для чего необходимо представление о делении корреспонденции на неофициальную и официальную); процедурном (знакомство с алгоритмами работы над составлением МП); метакогнитивном (умение применять образовательные технологии в зависимости от типа задачи; навыки саморефлексии, самооценки).

При обучении академическому письму, при разработке алгоритмов работы с академическими письменными текстами преподаватель должен иметь четкое представление о том, какие образовательные технологии в большей степени способствуют достижению учебных целей, объяснять студентам, как та или иная технология повышает эффективность учебного процесса, и делать акцент на критическую оценку проблемной задачи и самостоятельный поиск ее решения.

Список литературы

1. Универсальные компетенции и индикаторы достижения для направлений бакалавриата и магистратуры : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/edudep/rehrod-na-fgos-3> (дата обращения: 15.12.2019).
2. Смирнова Н. В. Академическая грамотность и письмо в вузе : от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58–64.
3. Escudero L. M. Rethinking academic writing pedagogy for the European university // International Journal of English Studies. 2013. № 13 (1). P. 167–170.
4. Kearns J., Turner B. An international discourse community, an internationalist perspective : Reading EATAW conference programs, 2001–2011 // Journal of Academic Writing. 2015. № 5 (1). P. 1–16.
5. Боголенова С. В. Обучение академическому письму на английском языке : подходы и продукты // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 87–94.
6. Современные образовательные технологии : учеб. пособие / под ред. Н. В. Бордовской. М. : КНОРУС, 2011. 432 с.
7. Bhatia V. J. Applied Genre Analysis and ESP // Functional Approaches to Written Text : Classroom Applications / ed. T. Miller. Washington, DC: United States Information Agency, 1997. P. 134–150.
8. Dudley-Evans T. Genre Models for the Teaching of Academic Writing to Second Language Speakers : Advantages and Disadvantages // Там же. P. 150–160.

9. Кубракова Н. А. Мотивационное письмо как жанр академического дискурса (на материале английского языка) // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 119–125. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>
10. A taxonomy for learning, teaching, and assessing : a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives / eds. L. W. Anderson, D. R. Krathwohl et al. N.Y. : Longman Inc., 2001. 302 p.

Образец для цитирования:

Кубракова Н. А. Образовательные технологии обучения академическому письму на английском языке (на примере мотивационного письма) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 458–462. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-458-462>

Technologies of Teaching Academic Writing in English (The Case Study of Personal Statement)

N. A. Kubrakova

Natalya A. Kubrakova, <https://orcid.org/0000-0003-1837-5188>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., 410012 Saratov, kubrakovanat@mail.ru

Introduction. Developing academic communication skills is one of the priorities in English language learning and teaching at universities. The process involves a comprehensive study into various genres of academic discourse. Written genres are of utmost importance since the greater part of academic communication takes place in a written form. **Objective.** The paper is aimed at describing the algorithm of teaching how to write a personal statement in English. **Results.** The author puts forward the methods that take into account genre conventions of a personal statement and special approaches to creating academic written texts that were designed by the foreign practitioners and are now being actively used by the Russian school of academic writing. Each stage employs universal and specific educational technologies that improve efficiency of class and independent work on personal statements. **Conclusion.** The algorithm consists of a wide range of procedures that enhance learning of the major components of a personal statement that refer to various knowledge dimensions. This approach enables all the participants to learn academic writing more effectively and consciously.

Keywords: academic discourse, personal statement, integrated approach, educational technologies, critical thinking, independent work.

Received: 13.05.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. *Universalnye kompetentsii i indikatory ikh dostizheniya dlya napravleniy bakalavriata i magistratury* (Universal Competencies and Indicators of Their Achievement for Bachelor and Master Students. Site). Available at: <https://www.sgu.ru/structure/edudep/perehod-na-fgos-3> (accessed 15 December 2019) (in Russian).
2. Smirnova N. V. Fostering academic literacy and academic writing in university: From theory to practice. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2015, no. 6, pp. 58–64 (in Russian).
3. Escudero L. M. Rethinking academic writing pedagogy for the European university. *International Journal of English Studies*, 2013, no. 13 (1), pp. 167–170.
4. Kearns J., Turner B. An international discourse community, an internationalist perspective: Reading EATAW conference programs, 2001–2011. *Journal of Academic Writing*, 2015, no. 5 (1), pp. 1–16.
5. Bogolepova S. V. Teaching Academic Writing: Process and Product. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2016, no. 1 (197), pp. 87–94 (in Russian).
6. *Sovremennye obrazovatelnye tehnologii: uchebnoe posobie* [Modern Educational Technologies: instructional manual. Textbook. Ed. by N.V. Bordovskaya]. Moscow, KNORUS Publ., 2011. 432 p. (in Russian).
7. Bhatia V. J. Applied Genre Analysis and ESP. In: T. Miller, ed. *Functional Approaches to Written Text: Classroom Applications*. Washington, DC: United States Information Agency, 1997, pp. 134–150.
8. Dudley-Evans T. Genre Models for the Teaching of Academic Writing to Second Language Speakers: Advantages and Disadvantages. In: T. Miller, ed. *Functional Approaches to Written Text: Classroom Applications*. Washington, DC: United States Information Agency, 1997, pp. 150–160.
9. Kubrakova N. A. Personal Statement as a Genre of Academic Discourse in English. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2019, no. 2 (22), pp. 119–125 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>
10. L. W. Anderson, D. R. Krathwohl et al., eds. *A taxonomy for learning, teaching, and assessing: a revision of Bloom's taxonomy of educational objectives*. New York, Longman Inc., 2001. 302 p.

Cite this article as:

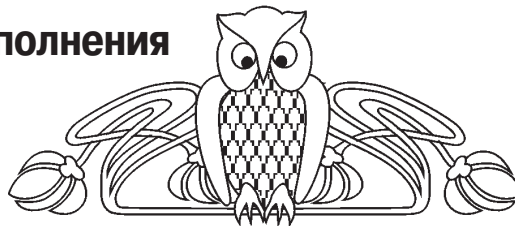
Kubrakova N. A. Technologies of Teaching Academic Writing in English (The Case Study of Personal Statement). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 458–462 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-458-462>

УДК 378.146

Оценка утрачивания курсантами практических умений и навыков выполнения аварийно-спасательных работ и методика их восстановления

В. В. Булгаков

Булгаков Владислав Васильевич, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России – начальник Института профессиональной подготовки, Ивановская пожарно-спасательная академия Государственной противопожарной службы МЧС России, vbulgakov@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы подготовки курсантов в образовательных учреждениях Государственной противопожарной службы МЧС России в области проведения аварийно-спасательных работ и пожаротушения. Впервые акцентировано внимание на проблему, связанную с постепенным утрачиванием курсантами к выпускному курсу профессионально-прикладных практических умений и навыков, физических и психологических качеств после окончания изучения на 1 и 2-м годах обучения дисциплины «пожарно-строевая подготовка», формирующей базовые умения и навыки работы пожарных. Цель исследования заключалась в оценке степени утрачивания полученных ранее профессионально-прикладных умений и навыков и разработке методики практической подготовки, позволяющей формировать и поддерживать на протяжении всего периода обучения практические умения и навыки, физические и психологические качества, необходимые для выполнения аварийно-спасательных работ и пожаротушения. Для решения исследовательских задач использовались методы наблюдения и педагогический эксперимент, а также статистические методы обработки его результатов. Педагогический эксперимент подтвердил факт утрачивания выпускниками профессионально-прикладных умений и навыков выполнения базовых пожарно-строевых нормативов, необходимых молодому офицеру для выполнения профессиональных задач в должности начальника пожарно-спасательного караула. Для решения поставленной проблемы подготовки курсантов и снижения адаптационного периода выпускников к профессиональной деятельности предложена новая методика практической подготовки, которая позволяет формировать и поддерживать на протяжении всего периода обучения практические умения и навыки, физические и психологические качества, необходимые для выполнения аварийно-спасательных работ и пожаротушения.

Ключевые слова: утрачивание практических умений и навыков, аварийно-спасательные работы, пожаротушение, методика практической подготовки, готовность выпускников к профессиональной деятельности.

Поступила в редакцию: 21.02.2020 / Принята: 02.07.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-463-467>

Основной задачей образовательного процесса, реализуемого в учебных заведениях Государственной противопожарной службы (далее – ГПС) МЧС России, является формирование у курсантов знаний, практических умений и навыков, позволяющих по окончании учебного заведения выполнять должностные обязанности в полном объеме. Максимальная готовность к практической работе позволяет выпускнику быстро проходить период адаптации к профессиональной деятельности, что особенно важно для молодых офицеров, назначаемых после окончания учебного заведения на должность начальника пожарно-спасательного караула. По статистике службу в этой должности начинают более 65% молодых офицеров. Начальник пожарно-спасательного караула организует службу и подготовку подчиненного личного состава в течение суточного дежурства, руководит пожарно-спасательным караулом при выполнении аварийно-спасательных работ (далее – АСР) и пожаротушения. От уровня его подготовки зависят жизни и здоровье спасаемых людей и подчиненного личного состава. Начальник пожарно-спасательного караула должен обладать прочными знаниями, умениями и навыками проведения АСР и пожаротушения, уметь организовывать и руководить действиями подчиненного личного состава для эффективной ликвидации пожаров, обладать физическими и психологическими качествами, позволяющими работать в экстремальных условиях, сопровождающихся воздействием опасных факторов и наличием угрозы для жизни и здоровья [1–3]. Особенно важным элементом подготовки является физическая и психологическая устойчивость выпускников к работе на пожаре. Каждый пожар не похож на другой, отличается объектом и местом возникновения, фазой развития, наличием людей и их количеством и многими другими факторами, которые должен учитывать начальник пожарно-спасательного караула при оценке обстановки и выбираемых действий для спасения людей, локализации и ликвидации пожара. Согласно приведенным данным в условиях пожара при возникновении экстремальных ситуаций, связан-

ных с оценкой и принятием критически важных решений или действий, 20% пожарных не могут верно оценить обстановку и принять правильное решение, 10% принимают неверные решения, 22% впадают в ступор и не принимают ни каких действий, 34% выполняют лишние или ненужные действия и усугубляют ситуацию [4, с. 20].

Современный учебный процесс в образовательных учреждениях ГПС МЧС России реализуется на базе ФГОС 3+ и основной образовательной программы, включающей последовательное изучение различных дисциплин. Количество дисциплин и объем реализуемого учебного материала, выражающегося в зачетных единицах, не позволяет их изучать на протяжении всего периода обучения, в том числе из-за недостаточной эффективности его усвоения при снижении концентрации учебных занятий. Последовательный порядок изучения дисциплин, реализуемых только в определенный период обучения, имеет существенный недостаток, который заключается в постепенном утрачивании знаний, практических умений и навыков по мере окончания изучения соответствующих дисциплин и в случае отсутствия постоянного применения полученных знаний, практических умений и навыков на последующем этапе обучения.

Результатом постепенного утрачивания к выпускному курсу знаний, практических умений и навыков, например, в области проведения аварийно-спасательных работ и пожаротушения, по дисциплинам, реализуемым на 1, 2 и 3-м годах обучения по специальности 20.05.01 – пожарная безопасность, является недостаточная подготовленность выпускников к профессиональной деятельности. Особенно актуальной становится проблема подготовленности для курсантов, которые по окончании учебы направляются для прохождения службы в пожарно-спасательные подразделения, деятельность которых непосредственно связана с проведением АСР и пожаротушением. Утрачивание знаний, практических умений и навыков, снижение физической и психологической подготовленности курсантов к выпускному курсу по дисциплинам, изученным ранее, не позволяют молодому офицеру, назначаемому на должность начальника караула, качественно выполнять различные работы на пожарах, а также организовывать работу и руководить подчиненным личным составом для проведения АСР и пожаротушения.

Вывод о постепенном утрачивании физической, психологической и практической готовности к проведению АСР и пожаротушения сделан на основании результатов оценки выполнения курсантами базовых нормативов по пожарно-строевой

подготовке. Базовые нормативы применяются в системе оценки как обучаемых в образовательных учреждениях, так и сотрудников, проходящих службу в практических пожарно-спасательных подразделениях ГПС МЧС России. Для оценки уровня физической, психологической и практической подготовленности курсантов в области проведения АСР и пожаротушения применялись следующие нормативы [5]:

- подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни;
- подъем по установленной выдвижной лестнице в 3-й этаж учебной башни;
- вязка двойной спасательной петли с надеванием ее на спасаемого.

Указанные нормативы представляют собой сложные практические упражнения, требующие наличия комплекса физических, психологических и профессионально-прикладных умений и навыков для их выполнения. Например, практическое упражнение «подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни» позволяет контролировать наличие физической подготовленности к действиям с пожарными лестницами. Для выполнения упражнения за установленное нормативное время – не более 36 с, курсант в боевой одежде пожарного должен с штурмовой лестницей длиной 4,1 м и весом 10 кг пробежать дистанцию 32 м и затем подняться с помощью лестницы в окно 4-го этажа учебной башни на высоту 10,4 м. Данный норматив представляет собой сложное практическое упражнение, выполнение которого зависит от тренированности и особенностей работы мышц, отвечающих за бег со штурмовой лестницей до учебной башни, марш по лестнице, посадку на подоконник учебной башни, выброс лестницы в верхние этажи учебной башни и финиширование [6, с. 105]. Для выполнения этого упражнения курсант должен обладать стартовой силой, скоростной силой бега, ловкостью и координацией. Кроме того, подъем в окно 4-го этажа учебной башни сопровождается преодолением страха высоты и формирует психологическую готовность курсантов к данному виду работ. Наличие навыков работы со штурмовой лестницей позволяет пожарному подняться на высоту по наружной поверхности здания, а также провести спасение людей.

Умение выполнения норматива «вязка двойной спасательной петли с надеванием ее на спасаемого» позволяет провести эвакуацию с высоты как спасаемых людей, так и пожарных, получивших травму. Это упражнение требует наличия навыков работы со спасательной веревкой, физической силы и выносливости, а также психологической готовности к работе на высоте.

Для оценки динамики утрачивания курсантами практических умений и навыков выполнения нормативов по пожарно-строевой подготовке сравнивались результаты выполнения нормативов

по окончании изучения дисциплины «пожарно-строевая подготовка» на 2-м курсе с результатами выполнения этих упражнений на выпускном курсе после значительного временного периода (табл. 1, 2).

Таблица 1 / Table 1

Динамика успеваемости курсантов, обучающихся по специальности 20.05.01 – пожарная безопасность, при выполнении пожарно-строевых нормативов, выполняемых по дисциплине «Пожарно-строевая подготовка»
Dynamics of progress of cadets pursuing a degree in 20.05.01 "Fire Safety" while implementing fire-drill standards in the discipline "Fire-Drill Training"

Наличие дисциплины «Пожарно-строевая подготовка»	Учебный курс, количество человек	Критерии оценки результатов	Наименование практического упражнения (норматива) и средний балл		
			Подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни	Подъем по выдвижной лестнице в 3-й этаж учебной башни	Вязка двойной спасательной петли с надеванием ее на спасаемого
1-й год обучения – <i>имеется</i>	11 курс / 107 чел.	2012–2013 учебный год			
		Средний балл	3,35	–	–
2-й год обучения – <i>имеется</i>	21 курс / 103 чел.	2013–2014 учебный год			
		Средний балл	3,76	4,11	4,31
3-й год обучения – <i>отсутствует</i>	31 курс / 98 чел.	2014–2015 учебный год			
		Средний балл	–	–	–
4-й год обучения – <i>отсутствует</i>	41 курс / 94 чел.	2015–2016 учебный год			
		Средний балл	–	–	–
5-й год обучения – <i>отсутствует</i>	51 курс / 91 чел.	2016–2017 учебный год – ВЫПУСК			
		Средний балл	2,97	3,34	3,09

Таблица 2 / Table 2

Динамика успеваемости курсантов, обучающихся по направлению подготовки 20.03.01 – техносферная безопасность, при выполнении пожарно-строевых нормативов, выполняемых по дисциплине «Пожарно-строевая подготовка»
Dynamics of progress of cadets pursuing a degree in 20.03.01 "Technosphere Safety" while implementing fire-drill standards in the discipline "Fire-Drill Training"

Наличие дисциплины «Пожарно-строевая подготовка»	Учебный курс, количество человек	Критерии оценки результатов	Наименование практического упражнения (норматива) и средний балл		
			Подъем по штурмовой лестнице в 4-й этаж учебной башни	Подъем по выдвижной лестнице в 3-й этаж учебной башни	Вязка двойной спасательной петли с надеванием ее на спасаемого
1-й год обучения – <i>имеется</i>	12 курс / 81 чел.	2013–2014 учебный год			
		Средний балл	3,96	3,94	4,36
2-й год обучения – <i>имеется</i>	22 курс / 80 чел.	2014–2015 учебный год			
		Средний балл	3,92	4,21	–
3-й год обучения – <i>отсутствует</i>	32 курс / 71 чел.	2015–2016 учебный год			
		Средний балл	–	–	–
4-й год обучения – <i>отсутствует</i>	42 курс / 60 чел.	2016–2017 учебный год – ВЫПУСК			
		Средний балл	2,85	3,26	2,7

Оценка статистической значимости результатов среднего балла, полученного курсантами, обучающимися по специальности 20.05.01 – пожарная безопасность, за выполнение нормативов на завершающем этапе изучения дисциплины «Пожарно-строевая подготовка» на 2-м году обучения и на 5-м году обучения выпускного курса, выполнена с помощью статистического критерия Стьюдента (*t*-критерий). Постепенное утрачивание к выпускному курсу практических умений и навыков выполнения представленных нормативов подтверждается эмпирическими значениями критерия Стьюдента, который составил $t_{\text{эмп}} = 4,9$ при его критическом значении $t_{\text{кр}} = 2,78$ на уровне значимости $p = 0,05$.

Постепенное утрачивание курсантами, обучающимися по направлению подготовки 20.03.01 – техносферная безопасность, к выпускному курсу практических умений и навыков выполнения представленных нормативов подтверждается эмпирическими значениями критерия Стьюдента, который составил $t_{\text{эмп}} = 5,8$ при его критическом значении $t_{\text{кр}} = 2,78$ на уровне значимости $p = 0,05$.

Результаты исследования подтверждают факт утрачивания курсантами выпускных курсов физических, психологических и профессионально-прикладных качеств выполнения базовых нормативов по пожарно-строевой подготовке. Этот факт позволяет сделать вывод о необходимости формирования новой траектории подготовки и (или) применения новых методик практического обучения, позволяющих в течение всего периода обучения формировать и поддерживать у курсантов на достаточном уровне практические умения и навыки, необходимые для выполнения аварийно-спасательных работ и пожаротушения.

В Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России предложена методика практического обучения, направленная на формирование и поддержание у курсантов на протяжении всего периода обучения профессионально-прикладных умений и навыков, физических и психологических качеств, требуемых для проведения АСР и пожаротушения [7]. В качестве основного элемента, позволяющего осуществлять контроль практических умений и навыков, формирующего физические и психологические качества, требуемые для проведения АСР и пожаротушения, применяется практический пожарный тест. Этот тест является формой контроля для допуска курсантов к сессии и представляет собой форму практического занятия, на котором курсанты в составе учебных взводов последовательно выполняют нормативы по пожарно-строевой подготовке и практические упражнения на индивидуальном этапе, групповом этапе и этапе выполнения по-

жарно-тактической задачи. Основным преимуществом данной формы практического занятия является систематическое его применение на протяжении всего периода обучения для поддержания на необходимом уровне практических умений и навыков выполнения базовых нормативов по пожарно-строевой подготовке, а также иных практических упражнений в области проведения АСР и пожаротушения.

Таким образом, предложенная методика практического обучения позволяет значительно снизить уровень утрачиваемых курсантами практических умений и навыков к выпускному курсу и тем самым повысить готовность выпускников к профессиональной деятельности, уменьшить адаптационный период вхождения в должность начальника пожарно-спасательного караула и обеспечить выполнение должностных обязанностей в области проведения АСР и пожаротушения в полном объеме.

Список литературы

1. Белорожнев О. Н. Деловая игра как метод подготовки курсантов вузов МЧС России к активному взаимодействию в чрезвычайных ситуациях // Педагогическое образование в России. 2016. № 2. С. 98–102.
2. Ермилов А. В., Смирнов В. А., Кнутов М. С. Развитие интеллектуальной составляющей управленческой компетентности начальника караула пожарно-спасательной части // Технологии техносферной безопасности. 2017. № 3 (73). С. 178–185.
3. Никитенко Н. А. Индивидуальный подход к психологической подготовке пожарных // Чрезвычайные ситуации : промышленная и экологическая безопасность. 2016. № 4 (28). С. 33–39.
4. Соколов Е. Е., Легошин М. Ю., Чистяков И. М., Никушинов С. Н. Обоснование тестов и критериев профессионально-прикладной физической и психической подготовленности пожарных-газодымозащитников. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2017. 94 с.
5. Нормативы по пожарно-строевой и тактико-специальной подготовке для личного состава федеральной противопожарной службы. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=690152#09025567531287868> (дата обращения: 28.09.2019).
6. Григоренко Д. Н., Бондаренко К. К., Шилько С. В. Анализ кинематических параметров движений в упражнении «подъем по штурмовой лестнице на четвертый этаж учебной башни» // Российский журнал биомеханики. 2012. Т. 16, № 2 (56). С. 95–106.
7. Булгаков В. В. Формирование профессиональных умений и навыков, физических и психологических качеств пожарных // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 3 (60). С. 105–120.

Образец для цитирования:

Булгаков В. В. Оценка утрачивания курсантами практических умений и навыков выполнения аварийно-спасательных работ и методика их восстановления // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 463–467. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-463-467>

Assessment of Loss of Practical Skills by Cadets in Rescue Operations and Methods of Their Recovery

V. V. Bulgakov

Vladislav V. Bulgakov, <https://orcid.org/0000-0002-6012-6137>, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 33 Stroiteley St., Ivanovo 153040, Russia, vbulgakov@rambler.ru

The article deals with the training of cadets in educational institutions of The State Fire Service of EMERCOM of Russia in the field of rescue and fire fighting. For the first time the attention is focused on the problem connected with gradual loss by the final year of professionally-applied skills and physical and psychological qualities which cadets acquire while studying the course "Fire Drill" which forms basic skills of firefighters' work in the first and second years. The purpose of the study was to assess the degree of loss of previously obtained professional and applied skills and development of methods of practical training, allowing to form and maintain throughout the period of training, practical skills, physical and psychological qualities necessary to perform rescue operations and fire fighting. Methods of observation and pedagogical experiment, as well as statistical methods of processing its results were used to solve the research problems. Pedagogical experiment has confirmed the fact of loss of vocational and applied skills by the graduates while performing fire drill regulations which are so necessary for the young officer, the head of the fire rescue guard. To solve the problem of training cadets and reducing the adaptation period of graduates to their professional activity, a new method of practical training is proposed, which allows to form and maintain throughout the training period, practical skills, physical and psychological qualities necessary to perform rescue operations and fire fighting.

Keywords: loss of practical skills, emergency rescue operations and fire fighting, practical training methods, readiness of graduates for professional activities.

Received: 21.02.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

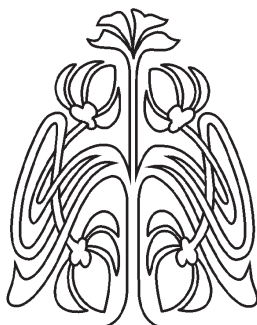
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

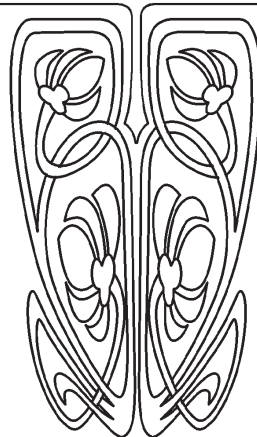
1. Belorozhev O. N. Business game as a method of training cadets of EMERCOM of Russia for active cooperation in emergency situations. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teacher Education in Russia], 2016, no. 2, pp. 98–102 (in Russian).
2. Ermilov A. V., Smirnov V. A., Knutov M. S. Development of the intellectual component of the managerial competence of the chief of the guard of the fire and rescue unit. *Tekhnologii tekhnosfernoj bezopasnosti* [Technology of Technosphere Safety], 2017, no. 3 (73), pp. 178–185 (in Russian).
3. Nikitenko N. A. Individual approach to psychological training of firefighters. *Chrezvychajnye situacii: promyshlennaya i ekologicheskaya bezopasnost'* [Emergencies: Industrial and Environmental Safety], 2016, no. 4 (28), pp. 33–39 (in Russian).
4. Sokolov E. E., Legoshin M. Yu., Chistyakov I. M., Nikishov S. N. *Obosnovanie testov i kriteriev professional'no-prikladnoj fizicheskoy i psichicheskoy podgotovlennosti pozharnyh-gazodymozashchitnikov* [Substantiation of tests and criteria of professional-applied physical and mental preparedness of firefighters]. Ivanovo, Ivanovskaya pozharno-spatatel'naya akademiya GPS MCHS Rossii Publ., 2017. 94 p (in Russian).
5. *Normativy po pozharno-stroevoy i taktiko-special'noj podgotovke dlya lichnogo sostava federal'noj protivopozharnoj sluzhby* (Regulations on fire-drill and tactical and special training for personnel of the Federal Fire Service). Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=690152#09025567531287868> (accessed 28 September 2019) (in Russian).
6. Grigorenko D. N., Bondarenko K. K., Shil'ko S. V. Analysis of kinematic parameters of movements in the exercise "climbing the assault stairs to the fourth floor of the training tower". *Rossijskij zhurnal biomekhaniki* [Russian Journal of Biomechanics], 2012, vol. 16, no. 2 (56), pp. 95–106 (in Russian).
7. Bulgakov V. V. Formation of professional skills, physical and psychological qualities of firefighters. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and Foreign Pedagogy], 2019, vol. 1, no. 3 (60), pp. 105–120 (in Russian).

Cite this article as:

Bulgakov V. V. Assessment of Loss of Practical Skills by Cadets in Rescue Operations and Methods of Their Recovery. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 463–467 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-463-467>

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36014, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов»

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7 (845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,

СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
философский факультет

Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-12

E-mail: aporia@inbox.ru

Website: <http://phpp.sgu.ru>